

Краснодарский университет МВД России

**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА:
ОТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА
ДО ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ**

Хрестоматия

Краснодар
2018

УДК 340.12
ББК 67.00
Ф56

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Составители: *В. В. Плотников, Г. А. Городенцев*

Рецензенты:

Е. В. Сальников, доктор философских наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова);

С. Ю. Любин (Главное управление МВД России по Краснодарскому краю).

Философия права : от осмысления природы права до практики
Ф56 противодействия экстремизму [Электронный ресурс] : учебное пособие / сост.: В. В. Плотников, Г. А. Городенцев. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-9266-1433-3

Настоящая хрестоматия направлена на прояснение и систематизацию некоторых аспектов философии права в историософском смысле. Содержатся фрагменты работ, посвященные исследованию и раскрытию философских оснований конституирования правовой реальности.

Для профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340.12
ББК 67.00

ISBN 978-5-9266-1433-3

© Краснодарский университет
МВД России, 2018

© Плотников В. В., Городенцев Г. А.,
составление, 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Становление философии права: историкофилософская проекция некоторых наиболее значимых фрагментов первоисточников.....	5
Глава 2. Историческая эволюция реальности права и государства: социоструктурный и системный аспект	75
Глава 3. Социоструктурные основания социальной деструктивности	102
Глава 4. Социально-правовая концепция понимания экстремизма	119
Заключение	133
Литература	134
Приложение.....	136

Введение

Философия права представляет собой особую область философского знания, определяющую содержание и основы конституирования правовой реальности. Для сотрудников ОВД, получающих высшее образование именно правовая проблематика является принципиально значимой. Право здесь берется в широком смысле как социальная, онтологическая, этическая, феноменологическая и логическая категория. Представленные в рамках хрестоматийного курса фрагменты первоисточни

Вопросы теории доказательств постоянно находятся в центре дискуссионных исследований многих ученых-процессуалистов и философов-логиков. Наиболее интенсивное развитие юридической науки, начавшееся в конце 50-х и 60-х годов прошлого века, привело к накоплению знаний в науке судебного процесса и юридической логике, прежде всего в той ее части, которая именуется теорией доказательств.

Однако проблемы теории доказательств не исчерпаны полностью, так как доказательство пронизывает всю судебную деятельность, способствуя появлению разносторонних, многоплановых и многочисленных исследований, это показали последующие 70-80 годы XX века. Научный поиск в разрешении проблем теории доказательств в то время характеризовался углублением достигнутого знания. Девяностые годы XX века и начало нынешнего стали итогом всего предшествующего накопления знания, а также началом нового этапа прогресса в исследовании, основанного на переосмыслении основных положений теории доказательства в сфере реформы законодательства.

Вместе с тем, разнообразие научных исследований в области теории доказательств не означает, что все ее проблемы получили достаточное разрешение. Отдельные вопросы по-прежнему нуждаются в более глубокой, существенной и детальной разработке. Особое место среди таковых занимает вопрос определения понятия судебных доказательств.

Актуальность создания хрестоматии обуславливается тем, что доказательства в системе права представляют собой универсальное средство познания обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дел (установления истины), позволяют обеспечивать реализацию назначения, принципов судопроизводства и процессуальных норм, гарантирующих защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства от преступлений, а также принятием нового законодательства (в частности, УПК РФ). Раскрытие содержания любых доказательств обогащает понимание закона, способствует его правильному применению, а также участвует в его совершенствовании.

Логика написания настоящей хрестоматии ограничивается западной традицией, в силу чего древнеиндийские и древнекитайские правовые практики останутся «за кадром». Объясняется настоящий подход тем же, чем руководствовалось определение философии как «греческого чуда». И уж коль скоро, речь идет о философии права, а не правовых практик и их истории, то начинать изучать первоисточники по философии права стоит с древней Греции.

Глава 1. Становление философии права: историко-философская проекция некоторых наиболее значимых фрагментов первоисточников

Столкновение доктрины естественного и позитивного права являлось одним из обычных атрибутов формирования древнегреческой государственности. По словам Нерсисянца, «обращение к истории и теории правового понимания обусловлено также и тем обстоятельством, что речь при этом по существу идет об истории зарождения и развития различных направлений, концепций и вариантов философско-правовых исследований, о становлении самой философии права как самостоятельного научного направления или отдельной научной дисциплины в рамках юриспруденции или философии»¹.

Также, полемику сторонников естественного и позитивного права мы встречаем в трагической драматургии. Приведем отрывок из произведения Софокла «Антигона», наиболее ярко иллюстрирующий конфликт понимания концепций права.

«Со стороны поля появляется Страж, ведущий Антигону.

Корифей:

Непонятное диво мне разум слепит.

Это ты, Антигона:? Зачем не могу

Уличающих глаз я во лжи уличить!

О Эдипа-страдальца страдалица-дочь!

Чего ради, царица, схватили тебя?

Неужели дерзнула ты царский закон

Неразумным деяньем нарушить?

Страж

Да, да, она виновница; ее мы

Застали хоронящей. Где Креонт:?

Корифей:

Он вовремя выходит из дворца.

Креонт:

С какой потребностью совпал мой выход?

Страж

Да, государь; ни в чем не должен смертный

Давать зарок: на думу передума

Всегда найдется. Вот возьми меня:

Я ль не клялся, что ни за что на свете

Не возвращусь сюда? Такого страху

Твои угрозы на меня нагнали.

Но сам ты знаешь: всех утех сильнее

¹ Нерсисянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998 С. 97.

Нежданная-негаданная радость.
И вот я здесь, и клятвы все забыты,
И эту деву я привел: у трупа
Лелеяла покойника. Без жребья,
Без спора мне присуждена находка.
Ее тебе вручаю я: суди,
Допрашивай, меня же от опалы
Освободи и отпусти домой.
Креонт:
Ее привел ты... как и где найдя?
Страж
Труп хоронящей – этим все сказал я.
Креонт:
Ты понимаешь, что ты говоришь?
Страж
Сам видел, хоронила труп она,
Тебе наперекор. Ужель не ясно?
Креонт:
Как ты увидел? Как схватил ее?
Страж
Так было дело. Я туда вернулся
Под гнетом яростных угроз твоих.
Смели мы пыль, что покрывала труп,
И обнажили преющее тело.
Затем расселись на хребте бугра,
Где ветер был покрепче – от жары ведь
Тлетворный запах издавал мертвец.
Чуть засыпал кто – руганью усердной
Его будил сосед – знай дело, значит.
Так время проходило. Вот уж неба
Средину занял яркий солнца круг,
И стал нас зной палить. Внезапно смерч
С земли поднялся, в небо упираясь
Своей верхушкой. Всю равнину вмиг
Собой наполнил он, весь беспредельный
Эфир; кругом посыпались с деревьев
Листва и ветви. Мы, глаза зажмурив,
Старались божью вынести напасть.
Прождали мы немало; наконец,
Все успокоилось. Глаза открыли –
И что же? Дева перед нами! Плачет
Она так горько, как лесная пташка,
Когда, вернувшись к птенчикам, застанет

Пустым гнездо, осиротелым ложе.
Так и она, увидев труп нагим,
Взрыдала, проклиная виноватых,
И тотчас пыли горстию сухой
И, высоко подняв кувшин узорный,
Трехкратным возлияньем труп почтила.
Увидев это, бросились мы к ней.
Она стоит бесстрашно. Мы схватили
Ее, и ну допрашивать: о прежнем
Обряде, о вторичном – и во всем
Она призналась. И отрадно мне,
И жалко стало. Да и впрямь: ведь сладко,
Что сам сухим ты вышел из беды;
А все же жаль, когда беду накличешь
Ты на людей хороших. – Ну, да что!
Всегда своя рубашка к телу ближе.
Креонт: (Антигоне)
Ты это! Ты!... Зачем склоняешь взор?
Ты это совершила или нет?
Антигона:
Да, это дело совершила я.
Креонт: (Стражу)
Теперь иди, куда душе угодно:
С тебя снимаю обвиненье я.
Страж уходит. Креонт: обращается к Антигоне:
А ты мне ясно, без обиняков
Ответь: ты о моем запрете знала?
Антигона:
Конечно, знала; всем он ведом был.
Креонт:
Как же могла закон ты преступить?
Антигона:
Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда,
Подземных сопрестольница богов.
А твой приказ-уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Создание человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон
Богов бессмертных. Этот не сегодня
Был ими к жизни призван, не вчера:
Живет он вечно, и никто не знает,
С каких он пор явился меж людей.

Вот за него ответить я боялась
Когда-нибудь пред Божиим судом,
А смертного не страшен мне приказ.
Умру я, знаю. Смерти не избежать,
Хотя б и не грозил ты. Если жизнь
Я раньше срока кончу – лишь спасибо
Тебе скажу. Кто в горе беспросветном
Живет, как я, тому отрадой смерть.
Нет, не в досаду мне такая участь.
Но если б брата, что в одной утробе
Со мной зачат был – если б я его,
Умершего, без чести погребенья
Оставила – вот этой бы печали
Я никогда осилить не смогла.
Ты разума в словах моих не видишь;
Но я спрошу: не сам ли неразумен,
Кто в неразумии корит меня?
Корифей:
Отца мятежного мятежный дух
В тебе живет: не сломлена ты горем.
Креонт: (Антигоне)
Ну, так узнай: чем круче кто в гордыне,
Тем ближе и падение его.
Пусть раскалится в огненном горниле
Железа сила: будет вдвое легче
Его ломать и разбивать тогда.
И пылкого коня лихую удаль
Узда смиряет малая: не след
Кичиться тем, кто сильному подвластен.
(К старцам)
Что ж нам о ней поведать? Провинилась
Уж в первый раз сознательно она,
Когда закон, известный всем, попраля;
Теперь же к той провинности вторую
Прибавила она, гордясь делом
Содеянным и надо мной глумясь.
Не мужем буду я – она им будет –
Коль власть мою ей в поруганье дам.
Нет; будь сестры она мне ближе, ближе
Нам всем родного домового Зевса:
Они с Исменой не избегнут кары,
И кары строгой. Обе виноваты:
Они вдвоем обдумали тот шаг.

(Страже)

Вы, позовите мне сюда Исмену.
Я только что ее в покоях видел
Безумною от крайнего волненья.
Да, кто во тьме недоброе замыслит,
В своей душе предателя взрастит;
Но хуже тот, кто, пойманный с поличным,
Прикрасы слов наводит на вину.

Антигона:

Ты кару ищешь мне сильнее смерти?

Креонт:

Нет, этого достаточно за все.

Антигона:

Зачем же ждать? Мне речь твоя противна;
Не примирюсь я с нею никогда.
Так и тебе не по сердцу мой подвиг. -
И все ж – могла ли я славнее славу
Стяжать, чем ныне? Я родного брата
Могилою почтила.

(Указывая на хор)

Если б страх

Язык им не сковал, они б признались
Что мыслями со мною заодно.
Завидна жизнь царей: они лишь могут
И говорить, и делать, что хотят.

Креонт:

Ужели всех кадмейцев ты умнее?

Антигона:

Спроси у них – пусть разомкнут уста.

Креонт:

Не стыдно ль мыслить розно ото всех?

Антигона:

Почтить родного брата – не позорно.

Креонт:

А тот не брат, что с ним в бою сразился?

Антигона:

О да, и он: одна и та же кровь.

Креонт:

За что ж его ты оскорбила тень?

Антигона:

Меня покойный не осудит, знаю.

Креонт:

Как? Нечестивца ты сравнила с ним!

Антигона:
Погиб мой брат, а не какой-то раб.
Креонт:
Погиб врагом, а тот спасал наш город!
Антигона:
И все ж Аида нерушим закон.
Креонт:
Нельзя злодеев с добрыми равнять!
Антигона:
Почем мы знаем, так ли там судили?
Креонт:
Вражда живет и за вратами смерти!
Антигона:
Делить любовь – удел мой, не вражду.
Креонт:
(указывая на землю)
Ступай же к ним и их люби, коль надо;
Пока я жив, не покорюсь жене!
Из дворца выводят Исмену.
Корифей:
Посмотрите: Исмена: у входа, друзья!
Сердобольные слезы текут из очей;
Ее щеки в крови; над бровями печаль,
Словно туча, нависла, горячей струей
Молодой ее лик орошая.
Креонт: (Исмене)
А, это ты в тени укромной дома
Змеей ползучей кровь мою точила,
И я не ведал, что рощу две язвы,
Две пагубы престола моего!
Скажи мне ныне: признаешь себя ты
Сообщницей в том деле похорон,
Иль клятву дашь, что ничего не знала?
Исмена:
Коли она призналась – то и я.
Ее вину и участь разделяю.
Антигона:
Нет, не поделишь – Правда не велит:
Ты не хотела – я тебя отвергла.
Исмена:
540 Но ты несчастна – и в твоём несчастье
Я не стыжусь быть дольщицей беды.
Антигона:

Любовь не словом дорога, а делом;
О деле ж знает царь теней, Аид.
Исмена:
О, не отталкивай меня! Мы вместе
Умрем и смертью мертвого почтим.
Антигона:
Ты не умрешь. Чего ты не коснулась,
Своим не ставь; за все отвечу я.
Исмена:
Какая жизнь мне без тебя мила?
Антигона:
Спроси Креонт:а: он тебе опора.
Исмена:
К чему насмешки! Легче ли от них?
Антигона:
Верь, горше слез нас мучит смех такой.
Исмена:
Чем же утешу я тебя хоть ныне?
Антигона:
Себя спаси; тебе я жить велю.
Исмена:
О горе, горе! Жить с тобой в разлуке?
Антигона:
Ты жизни путь избрала, смерти – я.
Исмена:
Но я тебя отговорить пыталась.
Антигона:
Кто прав из нас, пускай рассудят люди.
Исмена:
Но в этом деле обе мы виновны.
Антигона:
Нет. Ты жива, моя ж душа давно
Мертва; умерших чтит моя забота.
Креонт:
Ума решились эти девы, вижу:
Одна – теперь, другая – с малых лет.
Исмена:
Да, государь, ты прав; врожденный разум
Со счастьем вместе покидает нас.
Креонт:
Впрямь, коли ты со злой влечешься к злу!
Исмена:
Мне жизнь не в жизнь с ней розно, государь.

Креонт:
 Не говори ты «с ней»! Ее уж нет.
 Исмена:
 И ты казнить решил невесту сына?
 Креонт:
 Есть для посева и другие нивы!
 Исмена:
 Нет, коли все давно сговорено!
 Креонт:
 Дурной жены я сыну не желаю.
 Исмена:
 О Гемон, как не дорог ты отцу!
 Креонт:
 Его женитьба – не твоя забота.
 Исмена:
 И сына ты лишишь такой невесты?
 Креонт:
 Лишу не я: разлучница здесь смерть!
 Корифей:
 Как видно, казни ей не избежать.
 Креонт:
 Ты понял верно. Но довольно. Стража!
 Домой их уведите... Да, еще:
 Двух женщин этих под охраной верной
 Держать, свободы не давать отнюдь:
 И смельчаки не презирают бегства,
 Коль сознают, что смерть недалека.
 Стража уводит Антигону и Исмену.
 Креонт: остается на оркестре»¹.

Концепция преимущества права естественного над позитивным представлена и в доктринах софистов, провозглашающих человека в качестве «меры всех вещей». Так, по словам Нерсисянса, «софисты были глубокими и смелыми новаторами в области философии, логики, гносеологии, этики, политики, риторики и целом ряде других областей познания. Прежняя натурфилософия, «занимавшаяся по преимуществу объективной «природой вещей» оставляла вне поля своего зрения человека и его творчески активную роль, субъективный фактор бытия и мышления, социальный смысл и характер человеческого познания и действия. И в этом плане поворот от объективно-божественного к субъективно-человеческому комплексу яв-

¹ Софокл Антигона (Эпизодий второй). Цит. по http://lib.ru/POEEAST/SOFOKL/sofokl3_3.txt (дата обращения: 12.11.2016).

лений и проблем был великой исторической заслугой софистов, предпринявших плодотворную попытку взглянуть на мир человеческими глазами и сделавших радикальные выводы из своего нового подхода»¹.

В целом, и Платон исходит из определенной абсолютной объективно существующей правовой реальности как идеи права, идеи справедливости, идеи блага. «Согласно платоновской философии, «истинное бытие – это некие умопостигаемые и бестелесные идеи»; данные же ощущению эмпирические тела, вещи и явления – не истинны, поскольку вообще относятся не к бытию, а к чему-то подвижному, становлению. Истинное познание – это познание бытия, т.е. мира идей. Оно доступно лишь «редким людям» – философам. Толпе же, считал Платон, не присуще быть философом. Идея – образ и сущность вещи, определяющее ее первоначало и принцип. Мир идей – смыслообразующий контекст мира вещей и явлений. Там, где речь идет о разумном (соответствующем истинному бытию и божественным первообразам) упорядочении земного мира явлений и отношений (например, политической жизни, законов и т. д.), – идея выступает не только как онтологическая основа и первопричина мира явлений, но и как руководящий принцип, стандарт и образец (парадигма) его организации. Идеальное государство и разумные, справедливые законы трактуются Платоном как реализация идей и максимально возможное воплощение мира идей в земной, политической и правовой жизни»².

Платонизм в основании государственности предполагает наличие прообраза Конституции – универсального правового принципа, лежащего в основании создания и функционирования государства. Таковым принципом Платон считает справедливость. Приведем примеры концептуализирующих построений, определяющих, согласно Платону содержание идеи справедливости:

В данной части диалога «Государство» Платон рассуждает о нужде справедливости: «– Так скажи же ты, наследник Кефала в нашей беседе, – обратился я к Полемарху, – какие слова Симонида о справедливости ты считаешь правильными?

– Да то, что справедливо отдавать каждому должное. Мне по крайней мере кажется, что это он прекрасно сказал.

– Конечно, нелегкое дело не верить Симониду – это такой мудрый и божественный человек! Смысл его слов тебе, Полемарх, вероятно, понятен, а я вот не могу его постичь. Ясно, что у Симонида говорится не о том, о чем мы только что вспомнили, а именно, будто все, что бы нам ни дали во временное пользование, надо отдавать по требованию владельца, даже когда тот и не в здравом уме, хотя, конечно, он-то и одолжил нам то, чем мы пользовались. Не так ли?

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. М. Норма., 2005. С. 405.

² Там же. С. 410.

- Да.
- Но ведь ни в коем случае не надо давать, когда этого требует человек не в здравом уме?
- Правда.
- Значит, у Симонида, по-видимому, какой-то другой смысл в утверждении, что справедливо отдавать каждому должное.
- Конечно, другой, клянусь Зевсом. Он считает, что долг друзей делать что-нибудь хорошее своим друзьям и не причинять им никакого зла.
- Понимаю, – сказал я, – когда кто отдает вверенные ему деньги, он отдает не то, что должно, если и отдача и прием наносят вред, а между тем дело происходит между друзьями. Не об этом ли, по-твоему, говорит Симонид?
- Конечно, об этом.
- Ну а врагам, если случится, надо воздавать должное?
- Непременно, как они того заслуживают. Враг должен, я полагаю, воздать своему врагу как надлежит, то есть каким-нибудь злом.
- Выходит, что Симонид дал лишь поэтическое, смутное определение того, что такое справедливость, вложив в него, как кажется, тот смысл, что справедливо было бы воздавать каждому надлежащее, – а это он назвал должным.
- А по-твоему как?
- Клянусь Зевсом, если бы кто спросил его: «Симонид, что чему надо уметь назначать – конечно, должное и надлежащее, – чтобы оправдалось имя искусства врачевания?» Как бы он, по-твоему, нам ответил?
- Ясно, что телу – лекарства, пищу, питье.
- А что чему надо придать – должное и надлежащее, чтобы выказать поварское искусство?
- Вкус – приправам.
- Прекрасно. А что кому надо воздать, чтобы такое искусство заслужило название справедливости?
- Если следовать тому, Сократ, что было сказано ранее, то это будет искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред.
- Значит, творить добро друзьям и зло врагам – это Симонид считает справедливостью?
- По-моему, да.
- А что касается болезней и здорового состояния,
- Кто всего более способен творить добро своим друзьям, если они заболеют, и зло – своим врагам?
- Врач.
- А мореплавателям среди опасностей мореходства?
- Кормчий.
- Как же обстоит дело с тем, кто справедлив? Какими действиями и в какой области он всего способнее принести пользу друзьям и повредить врагам?

– На войне, помогая сражаться, мне кажется.
– Прекрасно. Но, дорогой мой Полемарх, тем, кто не болен, врач не нужен.

– Правда.

– А кто не на море, тому не нужен и кормчий.

– Да.

– Значит, кто не воюет, тем не нужен и справедливый человек?

– Это, по-моему, сомнительно.

– Так справедливость нужна и в мирное время?

– Нужна»¹.

Согласно Платону, справедливость – необходимый элемент функционирования общества, регламентирующий его деятельность не только в период кризиса и войны, но и в мирное время.

«– Так что же? Для какой надобности и для приобретения чего, по-твоему, нужна в мирное время справедливость?

– Она нужна в делах, Сократ.

– Под делами ты понимаешь совместное участие в чем-нибудь или нет?

– Именно совместное участие.

– Будет ли хорошим и полезным участником в игре в шашки тот, кто справедлив, или же тот, кто умеет играть?

– Тот, кто умеет играть.

– А при кладке кирпича или камня справедливый человек как участник полезнее и лучше, чем строитель?

– Никоим образом.

– Например, для игры на кифаре кифарист предпочтительнее справедливого человека. А в чем же участие справедливого человека предпочтительнее участия кифариста?

– В денежных делах, как мне кажется.

– За исключением, может быть, расходов денег, Полемарх. Ведь когда понадобится сообща купить или продать коня, тогда, думается мне, полезнее будет наездник.

– Видимо.

– А при приобретении судна – кораблестроитель или кормчий.

– Естественно.

– Когда надо сообща распорядиться серебром или золотом, бывают ли случаи, чтобы справедливый человек был полезнее других?

– Бывают, Сократ. Это когда надо отдать их на хранение или сбережение.

– То есть, по твоим словам, когда они лежат без употребления?

– Конечно.

¹ Платон Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – М., 1971 г. С. 7-8.

– Значит, когда деньги бесполезны, тогда-то и полезна справедливость?

– Похоже, что это так.

– И чтобы хранить садовый нож, полезна справедливость в общественном и в частном быту, а для пользования им требуется умение виноградаря?

– Видимо, так.

– Пожалуй, ты скажешь, что когда нужно хранить щит и лиру и в то же время ими не пользоваться, справедливость полезна, а когда нужно пользоваться, тогда полезно умение тяжело вооруженного пехотинца и музыканта.

– Непременно скажу.

– И во всем остальном так: справедливость при пользовании чем-нибудь не полезна, а при непользовании полезна?

– Видимо, так.

– Стало быть, друг мой, справедливость – это не слишком важное дело, раз она бывает полезной лишь при бесполезности. Давай рассмотрим вот что: кто мастер наносить удары в кулачном бою или в каком другом, тот, не правда ли, умеет и уберечься от них?

– Конечно.

– А кто способен уберечься и укрыться от болезни, тот еще гораздо более способен довести до болезненного состояния другого?

– Мне кажется, так.

– И воинский стан тот лучше оберегает, кто способен также проникнуть тайком в замыслы неприятеля и предвосхитить его действия?

– Конечно.

– Значит, тот горазд беречь, кто способен и плутовать.

– По-видимому.

– Значит, если справедливый человек способен сохранить деньги, то он способен и похитить их.

– По крайней мере к этому приводит наше рассуждение.

– Значит, справедливый человек оказывается каким-то вором. Это ты, должно быть, усвоил из Гомера: он высоко ставит Автолика, деда Одиссея по матери, и говорит, что Автолик превосходил всех людей вороватостью и заклинаньями. Так что и по-твоему, и по Гомеру, и по Симониду справедливость – это нечто воровское, однако направленное на пользу друзьям и во вред врагам. Разве ты не так говорил?

– Нет, клянусь Зевсом. Впрочем, я уж и не знаю, что говорил. Однако вот на чем я все еще настаиваю: приносить пользу друзьям и вредить врагам – это и будет справедливость.

– А кто, по-твоему, друзья: те ли, кто кажутся хорошими людьми, или же только те, кто на самом деле таковы, хотя бы такими и не казались? То же и насчет врагов.

– Естественно быть другом тому, кого считаешь хорошим, и отворачиваться от плохих людей.

– Разве люди не ошибаются в этом? Многие кажутся им хорошими, хотя на деле не таковы, и наоборот.

– Да, они ошибаются.

– Значит, хорошие люди им враги, а негодные – друзья?

– Это бывает.

– Но тогда будет справедливым приносить пользу плохим людям, а хорошим вредить?

– Оказывается, что так.

– А между тем хорошие люди справедливы, они не способны на несправедливые поступки.

– Это правда.

– По твоим же словам, было бы справедливо причинять зло тем, кто не творит несправедливости.

– Ничего подобного, Сократ! Такой вывод, конечно, никуда не годится.

– Значит, справедливо было бы вредить несправедливым и приносить пользу справедливым людям.

– Этот вывод явно лучше.

– Значит, Полемарх, с теми из людей, кто ошибается, часто бывает, что они считают справедливым вредить своим друзьям – они их принимают за плохих людей – и приносить пользу своим врагам как хорошим людям. Таким образом, мы выскажем нечто прямо противоположное тому, что мы привели из Симонида.

– Да, это часто бывает. Но давай внесем поправку: ведь мы, пожалуй, неверно установили, кто нам друг, а кто враг.

– А как именно мы установили, Полемарх?

– Будто кто кажется хорошим, тот нам и друг.

– А теперь какую же мы внесем поправку?

– Тот нам друг, кто и кажется хорошим, и на самом деле хороший человек. А кто только кажется, а на деле не таков, это кажущийся, но не подлинный друг. То же самое нужно установить и насчет наших врагов.

– Согласно этому рассуждению, хороший человек будет нам другом, а плохой – врагом.

– Да.

– А как, по-твоему, прежнее определение справедливого, гласящее, что справедливо делать добро другу и зло врагу, нужно ли теперь дополнить тем, что справедливо делать добро другу, если он хороший человек, и зло – врагу, если он человек негодный?

– Конечно. Это, по-моему, прекрасное определение.

– Значит, справедливому человеку свойственно наносить вред кое-кому из людей?

- Да, конечно, надо вредить плохим людям и нашим врагам.
- А кони, если им нанести вред, становятся лучше или хуже?
- Хуже.
- В смысле достоинств собак или коней?
- Коней.
- И собаки, если им нанести вред, теряют достоинства собак, но не коней?
- Обязательно.
- А про людей, друг мой, не скажем ли мы, что и они, если им нанесен вред, теряют свои человеческие достоинства?
- Конечно.
- Но справедливость разве не достоинство человека?
- Это уж непременно.
- И те из людей, друг мой, кому нанесен вред, обязательно становятся несправедливыми?
- По-видимому.
- А разве могут музыканты посредством музыки сделать кого-либо немзыкальным?
- Это невозможно.
- А наездники посредством езды отучить ездить?
- Так не бывает.
- А справедливые люди посредством справедливости сделать кого-либо несправедливым? Или вообще: могут ли хорошие люди с помощью своих достоинств сделать других негодными?
- Но это невозможно!
- Ведь охлаждать, я думаю, свойство не теплоты, а того, что ей противоположно.
- Да.
- И увлажнять – свойство не сухости, а противоположного.
- Конечно.
- И вредить – свойство не хорошего человека, а наоборот.
- Очевидно.
- Между тем справедливый – это хороший человек.
- Конечно.
- Значит, Полемарх, не дело справедливого человека вредить – ни Другу, ни кому-либо иному; это дело того, кто ему противоположен, то есть человека несправедливого.
- По-моему, Сократ, ты совершенно прав.
- Значит, если кто станет утверждать, что воздавать каждому должное – справедливо, и будет понимать это так, что справедливый человек должен причинять врагам вред, а друзьям приносить пользу, то говорящий это вовсе не мудрец, потому что он сказал неправду, – ведь мы выяснили, что справедливо никому ни в чем не вредить.

– Я согласен с этим, – отвечал Полемах.

– Стало быть, – сказал я, – мы с тобой сообща пойдем войной на тех, кто станет утверждать, что это было сказано Симонидом, или Биантом, или Питтаком, или кем-нибудь другим из мудрых и славных людей.

– Я готов, – сказал Полемах, – принять участие в такой битве.

– А знаешь, – сказал я, – чье это, по-моему, изречение, утверждающее, что справедливость состоит в том, чтобы приносить пользу друзьям и причинять вред врагам?

– Чье? – спросил Полемах.

– Я думаю, оно принадлежит Периандру или Пердикке, а может быть, Ксерксу, или фиванцу Исмению или кому другому из богачей, воображающих себя могущественными людьми.

– Ты совершенно прав.

– Прекрасно. Но раз выяснилось, что справедливость, то есть [самое понятие] справедливого, состоит не в этом, то какое же другое определение можно было бы предложить?

Фрасимах во время нашей беседы неоднократно порывался вмешаться в разговор, но его удерживали сидевшие с ним рядом – так им хотелось выслушать нас до конца. Однако чуть только мы приостановились, когда я задал свой вопрос, Фрасимах уже не мог более стерпеть: весь напрягшись, как зверь, он ринулся на нас, словно готов был нас растерзать.

Мы с Полемахом шарахнулись в испуге, а он закричал, бросив нам:

– Что за чепуху вы несете, Сократ, уже с которых пор! Что вы строите из себя простачков, играя друг с другом в поддавки? Если ты в самом деле хочешь узнать, что такое справедливость, так не задавай вопросов и не ки-чись опровержениями – ты знаешь, что легче спрашивать, чем отвечать, – нет, ты сам отвечай и скажи, что ты считаешь справедливым. Да не вздумай мне говорить, что это – должное, или что это – полезное, или целесообразное, или прибыльное, или пригодное, – что бы ты ни говорил, ты мне говори ясно и точно, потому что я и слушать не стану, если ты будешь болтать такой вздор.

Ошеломленный словами Фрасимаха, я взглянул на него с испугом и мне кажется, что, не взгляни я на него прежде, чем он на меня, я бы прямо онемел; теперь же, когда наша беседа привела его в ярость, я взглянул первым, так что оказался в состоянии отвечать ему, и с трепетом сказал:

– Фрасимах, не сердись на нас. Если мы – я и вот он – и погрешили в рассмотрении этих доводов, то, смею тебя уверить, погрешили невольно. Неужели ты думаешь: если бы мы искали золото, мы стали бы друг другу поддаваться, так что это помешало бы нам его найти? Между тем мы разыскиваем справедливость, предмет драгоценнее всякого золота»¹.

¹ Платон Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – М., 1971 г. С. 8-15.

Платон⁶ утверждает универсализм справедливости как основания правильного распределения благ и обязанностей в государстве. Справедливость, согласно Платону, одинаково хороша и для сильнейших и для слабейших представителей общества.

«– Так слушай же. Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно и сильнейшему. Ну что ж ты не похвалишь? Или нет у тебя желания?

– Сперва я должен понять, что ты говоришь. Пока еще я не знаю. Ты утверждаешь, что пригодно сильнейшему – это и есть справедливое. Если Полидамонт у нас всех сильнее в борьбе и в кулачном бою и для здоровья его тела пригодно говядина, то будет полезно и вместе с тем справедливо назначить такое же питание и нам, хотя мы и слабее его?

– Отвратительно это с твоей стороны, Сократ, – придавать моей речи такой гадкий смысл.

– Ничуть, благороднейший Фрасимах, но поясни свои слова.

– Разве ты не знаешь, что в одних государствах строп тиранический, в других – демократический, в третьих – аристократический?

– Как же не знать?

– И что в каждом государстве силу имеет тот, кто у власти?

– Конечно.

– Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего.

– Теперь я понял, что ты говоришь. Попытаюсь также понять, верно это или нет. В своем ответе ты назвал пригодно справедливым, хотя мне-то ты запретил отвечать так. У тебя только прибавлено: «для сильнейшего».

– Ничтожная, вероятно, прибавка!

– Еще неясно, может быть, она и значительна. Но ясно, что надо рассмотреть, прав ли ты. Я тоже согласен, что справедливость есть нечто пригодно. Но ты добавляешь «для сильнейшего», а я этого не знаю, так что это нужно еще подвергнуть рассмотрению.

– Рассматривай же.

– Я так и сделаю. Скажи-ка мне, не считаешь ли ты справедливым по-виноваться властям?

– Считаю.

– А власти в том или ином государстве непогрешимы или способны и ошибаться?

– Разумеется, способны и ошибаться.

– Следовательно, принимаясь за установление законов, они одни законы установят правильно, а другие неправильно? Так я по крайней мере думаю. Правильные установления властям на пользу, а неправильные – во вред. Или как по-твоему?

– Да, так.

– Что бы они ни установили, подвластные должны это выполнять, и это-то и будет справедливым?

– Как же иначе?

– Значит, справедливым будет, согласно твоему утверждению, выполнять не только пригодное сильнейшему, но и противоположное, то есть непригодное.

– Что это такое ты говоришь?

– То же самое, что и ты, как мне кажется. Давай, рассмотрим получше: разве мы не признали, что власти, обязывая подвластных выполнять свои предписания, иной раз ошибаются в выборе наилучшего для самих же властей, а между тем со стороны подвластных будет справедливым выполнять любые предписания властей? Разве мы это не признали?

– Да, я думаю, что признали.

– Так подумай и о том, что ты ведь признал справедливым выполнять также и то, что идет во вред властям и вообще тем, кто сильнее: когда власти неумышленно предписывают что-нибудь самим себе во вред, ты все-таки утверждаешь, что справедливым будет выполнять их предписания. В этом случае, премудрый Фрасимах, разве дело не обернется непременно таким образом, что справедливым будет выполнять как раз противоположное тому, что ты говоришь? Ведь здесь подчиненным предписывается выполнять то, что вредно сильнейшему.

– Да, клянусь Зевсом, Сократ, – воскликнул Полемарх, – это совершенно ясно.

– Особенно, если ты засвидетельствуешь это Сократу, – заметил ему Клитофонт.

– К чему тут свидетели? Признал же сам Фрасимах, что власти иной раз дают предписания во вред самим себе, между тем для подвластных считается справедливым эти предписания выполнять.

– Выполнять приказы властей, Полемарх, – вот что считал Фрасимах справедливым.

– Да ведь он считал, Клитофонт, справедливое тем, что пригодно сильнейшему. Установив эти два положения, он также согласился, что власть имущие иной раз приказывают то, что им самим идет во вред, однако слабейшие и подвластные все-таки должны это выполнять. Из этого допущения вытекает, что пригодное для сильнейшего несколько не более справедливо, чем непригодное.

– Но под пригодным сильнейшему Фрасимах понимал то, что сам сильнейший считает для себя пригодным, – возразил Клитофонт. – Это-то и должен выполнять слабейший – вот что он признал справедливым.

– Нет, Фрасимах не так говорил, – сказал Полемарх.

– Не все ли равно, Полемарх, – заметил я, – если теперь Фрасимах говорит так, то мы так и будем его понимать.

– Скажи-ка мне, Фрасимах, хотел ли ты сказать, что справедливо все, что кажется сильнейшему для него пригодным, независимо от того, пригодно ли оно на самом деле или нет? Так ли нам понимать то, что ты говоришь?

– Вовсе не так. Неужели ты думаешь, что я считаю сильнейшим того, кто ошибается и как раз тогда, когда он ошибается?

– Я по крайней мере думал, что таков смысл твоих слов, раз ты согласился, что власти безгрешны, но, напротив, кое в чем и ошибаются.

– И крючкотвор же ты, Сократ, в твоих рассуждениях! Того, например, кто ошибочно лечит больных, назовешь ли ты врачом за эти его ошибки? Или мастером счета того, кто ошибается в счете именно тогда, когда он ошибается, и именно за эту его ошибку? Думаю, мы только в просторечье так выражаемся:

«ошибся врач», «ошибся мастер счета» или «учитель грамматики»; если же он действительно то, чем мы его называем, он, я думаю, никогда не совершает ошибок. По точному смыслу слова, раз уж ты так любишь точность, никто из мастеров своего дела в этом деле не ошибается. Ведь ошибаются от нехватки знания, то есть от недостатка мастерства. Так что, будь он художник, или мудрец, или правитель, никто не ошибается, когда владеет своим мастерством, хотя часто и говорят: «врач ошибся», «правитель ошибся». В этом смысле ты и понимай мой ответ. Вот он с полнейшей точностью: правитель, поскольку он действительно настоящий правитель, ошибок не совершает, он безошибочно устанавливает то, что для него всего лучше, и это должны выполнять те, кто ему подвластен. Так что, как я и говорил с самого начала, я называю справедливостью выполнение того, что пригодно сильнейшему.

– Вот как, Фрасимах, по-твоему, я крючкотвор?

– И даже очень.

– Ты считаешь, что в моих рассуждениях я со злым умыслом задавал свои вопросы?

– Я в этом уверен. Только ничего у тебя не выйдет: от меня тебе не скрыть своей злонамеренности, а раз тебе ее не скрыть, то и не удастся тебе пересилить меня в нашей беседе.

– Да я не стал бы и пытаться, дорогой мой. Но чтобы у нас не получилось чего-нибудь опять в этом роде, определи, в обычном ли понимании или

в точном смысле употребляешь ты слова «правитель» и «сильнейший», когда говоришь, что будет справедливым, чтобы слабейший творил пригодное сильнейшему»¹.

Платон обращает внимание и на следующий факт. Нередко вопрос о справедливости ставится риторически. С целью представить те или иные события в выгодной форме, а подчас и просто – ради словесной победы. С точки зрения Платона рассуждать о справедливости должно с целью прийти к благу, а не ради пустого красноречия.

«Когда мы пришли к этому в нашем споре и всем присутствующим стало ясно, что прежнее объяснение справедливости обратилось в свою противоположность, Фрасимах вместо того, чтобы отвечать, вдруг спросил:

– Скажи-ка мне, Сократ, у тебя есть нянька?

– Что с тобой? – сказал я. – Ты лучше бы отвечал, чем задавать такие вопросы.

– Да ведь твоя нянька забывает даже утирать тебе нос – ты не отличаешь у нее овец от пастуха.

– С чего ты это взял? – сказал я.

– Потому что ты думаешь, будто пастухи либо волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу. «Справедливое», «справедливость», «несправедливое», «несправедливость» – ты так далек от всего этого, что даже не знаешь: справедливость и справедливое-в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость – наоборот: она правит, честно говоря, простоватыми, а потому и справедливыми людьми. Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он преуспевает, а сами от – ничуть.

Надо обратить внимание, Сократ, величайший ты простак, на то, что справедливый человек везде проигрывает сравнительно с несправедливым. Прежде всего во взаимных обязательствах между людьми; когда тот и другой ведут какое-нибудь общее дело, ты нигде не найдешь, чтобы при окончательном расчете справедливый человек получил больше, чем несправедливый, – наоборот, он всегда получает меньше. Затем во взаимоотношениях с государством, когда надо делать какие-нибудь взносы: при равном имущественном положении справедливый вносит больше, а несправедливый

¹ Платон Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – М., 1971 г. С. 16-19.

меньше, и, когда надо получать, справедливому не достается ничего, а несправедливый много выгадывает. Да и когда они занимают какую-нибудь государственную должность, то у справедливого, если даже его не постигнет какая-нибудь другая беда, приходят в упадок его домашние дела, так как он не может уделять им достаточно внимания, из общественных же дел он не извлекает никакой пользы имен но потому, что он человек справедливый. Вдобавок он вызывает недовольство своих родственников и знакомых тем, что не хочет покровительствовать им, если это противоречит справедливости. А у человека несправедливого все это обстоит как раз наоборот.

- Повторяю то, что недавно говорил: обладание властью дает большие преимущества. Это ты и должен учитывать, если хочешь судить, насколько всякому для себя лично полезнее быть несправедливым, чем справедливым. Всего проще тебе будет это понять, если ты возьмешь несправедливость в ее наиболее завершенном виде, когда преуспевает как раз тот, кто нарушил справедливость, и в высшей степени жалок тот, кто на себе испытал несправедливость и все же не решился пойти против справедливости. Такова тирания: она то исподтишка, то насильственно захватывает то, что ей не принадлежит, – храмовое и государственное имущество, личное и общественное – и не постепенно, а единым махом. Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний, то святотатцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, – его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, кто порицает несправедливость, не порицают совершение несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. Так-то вот, Сократ: несправедливость, достаточно обширная, сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе.

Сказав это, Фрасимах намеревался было уйти – своим сплошным многословием он, словно банщик, окатил нас и залил нам уши, – однако присутствующие не пустили его и заставили остаться, чтобы он привел доводы в подтверждение своих слов. Да я и сам очень нуждался в этом и потому сказал:

– Удивительный ты человек, Фрасимах. Набросившись па нас с такой речью, ты собираешься уйти, между тем ты и нас не наставил в достаточной мере, да и сам не разобрался, так ли обстоит дело либо по-другому. Или, потвоему, это мелочь – попытаться определить такой предмет? Разве это не

было бы руководством в жизни, следуя которому каждый из нас стал бы жить с наибольшей для себя целесообразностью?

– Я думаю, – сказал Фрасимах, – что это-то обстоит иначе.

– По-видимому, – сказал я, – тебе нет никакого дела до нас, тебе все равно, станем ли мы жить хуже или лучше в неведении того, что ты, по твоим словам, знаешь. Но, дорогой мой, дай себе труд открыть это и нам. Нас здесь собралось так много, что, если ты нас облагодетельствуешь, это будет неплохим для тебя вкладом. Что касается моего мнения, то я говорю тебе, что я все-таки не верю и не думаю, будто несправедливость выгоднее справедливости, даже когда несправедливости предоставлена полная свобода действия. Допустим, дорогой мой, что кто-нибудь несправедлив, допустим, что он может совершать несправедливые поступки либо тайно, либо в борьбе, – все же это меня не убеждает, будто несправедливость выгоднее справедливости. Возможно, что и кто-нибудь другой из нас, а не только я, вынес такое же впечатление. Так убеди же нас как следует, уважаемый Фрасимах, что наше решение неправильно, когда мы ставим справедливость значительно выше несправедливости»¹.

Вопрос о справедливости как основании правового мышления поднимается Платоном на разных уровнях. К наиболее низким и простым уровням относится обыденная прагматика. Здесь становится актуальным выяснение того, правда ли, что несправедливая жизнь легче справедливой: «Для меня сейчас гораздо важнее недавнее утверждение Фрасимаха, будто жизнь человека несправедливого лучше жизни человека справедливого. А ты, Главкон, что выбираешь? Какое из этих двух утверждений, по-твоему, более верно?

– По-моему, – сказал Главкон, – целесообразнее жизнь человека справедливого.

– А ты слышал, сколько разных благ приписал Фрасимах жизни человека несправедливого?

– Слышал, да не верю.

– Так хочешь, мы его переубедим, если нам как-нибудь удастся обнаружить, что он не прав?

– Как не хотеть! – сказал Главкон.

– Однако если мы станем возражать ему, слово за словом перечисляя блага справедливости, а затем снова будет говорить он и опять мы, то понадобится вести счет указанным благам и измерять их, а чтобы решить, сколько их привел каждый из нас в каждом своем ответе, нам понадобятся судьи. Если же мы будем вести исследование, как мы делали это только что, когда сходились во мнениях, тогда мы одновременно будем и судьями, и защитниками.

¹ Платон Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – М., 1971 г. С. 19-23.

- Конечно.
- Какой же из этих двух способов тебе нравится?
- Второй.
- Ну-ка, Фрасимах, – сказал я, – отвечай нам с самого начала. Ты утверждаешь, что совершенная несправедливость полезнее совершенной справедливости?
- Конечно, я это утверждаю, а почему – я уже сказал.
- Ну а как ты скажешь вот насчет чего: называешь ли ты одно из этих свойств добродетелью, а другое – порочностью?
- А почему бы нет?
- Значит, добродетелью ты назовешь справедливость, а порочностью – несправедливость?
- Не иначе, дражайший! То-то я и говорю, что несправедливость целесообразна, а справедливость – нет!
- Но как же надо сказать?
- Да как раз наоборот.
- Неужели, что справедливость порочна?
- Нет, но она – весьма благородная тупость.
- Но называешь ли ты несправедливость злоумышленностью?
- Нет, это здравомыслие.
- Разве несправедливые кажутся тебе разумными и хорошими?
- По крайней мере те, кто способен довести несправедливость до совершенства и в состоянии подчинить себе целые государства и народы. А ты, вероятно, думал, что я говорю о тех, кто отрезает кошельки? Впрочем, и это целесообразно, пока не будет обнаружено. Но о них не стоит упоминать; иное дело то, о чем я сейчас говорил.
- Мне прекрасно известно, что ты этим хочешь сказать, но меня удивляет, что несправедливость ты относишь к добродетели и мудрости, а справедливость – к противоположному.
- Конечно, именно так.
- Это уж слишком резко, мой друг, и не всякий найдет, что тебе сказать. Если бы ты утверждал, что несправедливость целесообразна, но при этом подобно другим признал бы ее порочной и позорной [безобразной], мы нашли бы, что сказать, согласно общепринятым взглядам. А теперь ясно, что ты станешь утверждать, будто несправедливость – прекрасна и сильна и так далее, то есть припишешь ей все то, что мы приписываем справедливости, раз уж ты дерзнул отнести несправедливость к добродетели и мудрости.
- Ты догадался в высшей степени верно.
- В таком случае, правда ведь, не надо отступать от подробного рассмотрения всего этого в нашей беседе, пока ты, насколько я замечаю, говоришь действительно то, что думаешь. Мне кажется, Фрасимах, ты сейчас нисколько не шутишь, а высказываешь то, что представляется тебе истинным.

– Не все ли тебе равно, представляется это мне или нет? Ведь мое утверждение ты не опровергнешь.

– Оно, конечно, хоть и все равно, но попробуй вдобавок ответить еще на это: представляется ли тебе, что справедливый человек желал бы иметь какое-либо преимущество перед другим, тоже справедливым?

– Ничуть, иначе он не был бы таким вежливым и простоватым, как это теперь наблюдается.

– Ну а в делах справедливости?

– Даже и там нет.

– А притязал бы он на то, что ему следует обладать преимуществом сравнительно с человеком несправедливым и что это было бы справедливо? Или он не считал бы это справедливым?

– Считал бы и притязал бы, да только это ему не под силу.

– Но я не об этом спрашиваю, а о том, считает ли нужным и хочет ли справедливый иметь больше, чем несправедливый?

– Да, именно так.

– А несправедливый человек? Неужели он будет притязать на обладание преимуществом сравнительно со справедливым человеком, и также в делах справедливости?

– А почему бы и нет? Ведь он притязает на то, чтобы иметь больше всех.

– Значит, несправедливый человек будет притязать на обладание преимуществом перед другим несправедливым человеком и его деятельностью и будет с ним бороться за то, чтобы захватить самому как можно больше?

– Да, это так.

– Значит, мы скажем следующим образом: справедливый человек хочет обладать преимуществом сравнительно не с подобным ему человеком, а с тем, кто на него не похож, между тем как несправедливый хочет им обладать сравнительно с обоими – и с тем, кто подобен ему, и с тем, кто на него не похож.

– Это ты сказал как нельзя лучше.

– А ведь несправедливый человек все же бывает разумным и значительным, а справедливый – ни тем ни другим.

– Да, это так.

– Значит, мы скажем следующим образом: справедливый человек хочет обладать преимуществом сравнительно не с подобным ему человеком, а с тем, кто на него не похож, между тем как несправедливый хочет им обладать сравнительно с обоими – и с тем, кто подобен ему, и с тем, кто на него не похож.

– Это ты сказал как нельзя лучше.

– А ведь несправедливый человек все же бывает разумным и значительным, а справедливый – ни тем ни другим»¹.

И далее. «– Стало быть, Фрасимах, несправедливый человек будет у нас притязать на большее сравнительно и с тем, кто на него не похож, и с тем, кто похож. Или ты не так говорил?

– Да, так.

– А справедливый человек не станет притязать на большее сравнительно с ему подобным, а только с тем, кто на него не похож.

– Да.

– Следовательно, справедливый человек схож с человеком мудрым и достойным, а несправедливый – с человеком плохим и невеждой.

– Пожалуй, что так.

– Но ведь мы уже признали, что кто на кого похож, тот и сам таков.

– Признали.

– Следовательно, у нас оказалось, что справедливый – это человек достойный и мудрый, а несправедливый – невежда и недостойный.

Хотя Фрасимах и согласился со всем этим, по далеко не с той легкостью, как я это вам сейчас передаю, а еле-еле, через силу. Попотел он при этом изрядно, тем более что дело происходило летом. Тут и узрел я впервые, что даже Фрасимах может покраснеть.

После того как мы оба признали, что справедливость – это добродетель и мудрость, а несправедливость – порочность и невежество, я сказал:

– Пусть так. Будем считать это у нас уже установленным. Но мы еще утверждали, что несправедливость могущественна. Или ты не помнишь, Фрасимах?

– Помню. Но я недоволен тем, что ты сейчас утверждаешь, и должен по этому поводу сказать кое-что. Впрочем, если я стану говорить, я уверен, ты назовешь это разглагольствованием. Так что либо предоставь мне говорить, что я хочу, либо, если тебе угодно спрашивать, спрашивай, а я тебе буду вторить, словно старухам, рассказывающим сказки, и то одобрительно, то отрицательно кивать головой.

– Только ни в коем случае не вопреки собственному мнению.

– Постараюсь, чтобы ты остался доволен мной, раз уж ты не даешь мне говорить. Чего ты от меня еще хочешь?

– Ничего, клянусь Зевсом. Если ты будешь так поступать – дело твое, я же тебе задам вопрос.

– Задавай.

– Я спрашиваю о том же, что и недавно, чтобы наше рассуждение шло по порядку: а именно, как относится справедливость к несправедливости?

¹ Платон Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – М., 1971 г. С. 26-29.

Ведь раньше было сказано, что несправедливость и могущественнее, и сильнее справедливости. Теперь же, раз справедливость – это мудрость и добродетель, легко, думаю я, обнаружится, что она и сильнее несправедливости, раз та не что иное, как невежество. Это уж всякий поймет.

Но я не хочу, Фрасимах, рассматривать это так плоско, а скорее вот в каком роде: признаёшь ли ты, что государство может быть несправедливым и может пытаться несправедливым образом поработить другие государства и держать их в порабощении, причем многие государства бывают порабощены им?

– А почему бы нет? Это в особенности может быть осуществлено самым превосходным из государств, наиболее совершенным в своей несправедливости.

– Я понимаю, что таково было твое утверждение. Но я вот как его рассматриваю: государство, становясь сильнее другого государства, приобретает свою мощь независимо от справедливости или же обязательно в сочетании с нею?

– Если, как ты недавно говорил, справедливость – это мудрость, тогда – в сочетании со справедливостью. Если же дело обстоит, как говорил я, то – с несправедливостью.

– Меня очень радует, Фрасимах, что ты не говоришь просто «да» или «нет», но отвечаешь мне, да еще так превосходно.

– Это я тебе в угоду.

– И хорошо делаешь. Угоди же мне еще вот чем:

скажи, как, по-твоему, государство, или войско, или разбойники, или воры, или еще какой-либо народ, несправедливо приступающий сообщая к какому-нибудь делу, может ли что-нибудь сделать, если эти люди будут несправедливо относиться друг к другу?

– Конечно, нет.

– А если не будут относиться несправедливо, тогда скорей?

– Еще бы!

– Ведь несправедливость, Фрасимах, вызывает раздоры, ненависть, междоусобицы, а справедливость – единодушие и дружбу. Не так ли?

– Пусть будет так, чтобы не спорить с тобой.

– Это хорошо с твоей стороны, почтеннейший. Скажи-ка мне вот что: если несправедливости, где бы она ни была, свойственно внедрять ненависть повсюду, то, возникши в людях, все равно, свободные ли они или рабы, разве она не заставит их возненавидеть друг друга, не приведет к распрям, так что им станет невозможно действовать сообща?

– Конечно.

– Да хотя бы их было только двое, но раз уж она в них возникла, разве они не разойдутся во взглядах, не возненавидят, как враги, друг друга, да притом и людей справедливых?

– Да, они будут врагами.

– Если даже, Фрасимах – удивительный ты человек! – несправедливость возникнет только у одного, разве потеряет она тогда свойственную ей силу? Или же, наоборот, она будет иметь ее нисколько не меньше?

– Пускай себе имеет ничуть не меньше.

– А силу она имеет, как видно, какую-то такую, что, где бы несправедливость ни возникла – в государстве ли, в племени, в войске или в чем-либо ином, – она прежде всего делает невозможным действия этих групп, поскольку эти действия сопряжены с ней самой, – ведь она ведет к раздорам, к разногласиям, внутренней и внешней вражде, в том числе и к справедливому противнику. Разве не так?

– Конечно, так.

– Даже возникая в одном человеке, она производит все то, что ей свойственно совершать. Прежде всего она делает его бездейственным, так как он в раздоре и разладе с самим собой, он враг и самому себе, и людям справедливым. Не так ли?

– Да.

– Но справедливы-то, друг мой, и боги?

– Пусть так.

– А богам, Фрасимах, несправедливый враждебен, а справедливый им – друг.

– Угощайся этим рассуждением сам, да смелее. Я тебе не стану перечить, чтобы не нажить врагов среди присутствующих.

– Ну так дополни это мое угощение еще и остальными ответами, подобно тому как ты это делал сейчас. Обнаружилось, что справедливые люди мудрее, лучше и способнее к действию, несправедливые же не способны действовать вместе. Хотя мы и говорим, что когда-то кое-что было совершено благодаря энергичным совместным действиям тех, кто несправедлив, однако в этом случае мы выражаемся не совсем верно. Ведь они не пощадили бы друг друга, будь они вполне несправедливы, стало быть ясно, что было в них что-то и справедливое, мешавшее им обижать как друг Друга, так и тех, против кого они шли. Благодаря этому они и совершили то, что совершили. На несправедливое их подстрекала присущая им несправедливость, но были они лишь наполовину порочными, потому что люди совсем плохие и совершенно несправедливые совершенно не способны и действовать. Вот как я это понимаю, а не так, как ты сперва утверждал.

Нам остается еще исследовать то, что мы вслед за тем решили подвергнуть рассмотрению, то есть лучше ли живется людям справедливым, чем несправедливым, и счастливее ли они. Хотя, по-моему, это уже и теперь видно из сказанного, все же надо рассмотреть это основательнее – ведь речь идет не о чем попало, а о том, каким образом надо жить»¹

¹ Платон Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – М., 1971 г. С. 30–33.

«— Но ведь мы согласились, что достоинство души — это справедливость, а недостаток — несправедливость.

— Да согласились.

— Значит, справедливая душа и справедливый человек будут жить хорошо, а несправедливый — плохо.

— Видно так, согласно твоему рассуждению.

— Но кто живет достойно, тот человек благоденствующий и счастливый, а кто живет недостойно — как раз наоборот.

— Да, не иначе.

— Следовательно, справедливый счастлив, а несправедливый — это жалкий человек.

— Пусть так.

— Но что за прок быть жалким? Иное дело — быть счастливым.

— Как же иначе?

— Следовательно, — чудак ты, Фрасимах! — несправедливость никогда не может быть целесообразнее справедливости.

— Ну, этим и угощайся, Сократ, на Бендидиях!

— Это ты меня угощаешь, Фрасимах, раз ты у меня стал таким кротким и перестал сердиться. Впрочем, я еще не вдоволь угостился — в этом моя вина, а не твоя. Как лакомки, сколько бы чего ни подали к столу, набрасываются на каждое блюдо, дабы отведать и его, хотя они еще недостаточно насладились предыдущим, так, по-моему, и я: не найдя ответа на то, что мы рассматривали сначала, а именно на вопрос, что такое справедливость, я бросил это и кинулся исследовать, будет ли она недостатком и невежеством, или же она — мудрость и добродетель; а затем, когда я столкнулся с утверждением, будто несправедливость целесообразнее справедливости, я не удержался, чтобы не перейти от того вопроса к этому. Так-то и вышло, что сейчас я ничего не вынес из этой беседы. Раз я не знаю, что такое справедливость, я вряд ли узнаю, есть ли у нее достоинства или нет, и несчастлив ли обладающий ею или, напротив, счастлив»¹.

Оборотной стороной справедливости как естественно и объективно существующей реальности права, согласно Платону, являются законы. Приведем несколько авторских высказываний. В диалоге «Законы» Платон рассуждает о цели законов: «Афинянин. Бог или кто из людей, чужеземцы, был виновником вашего законодательства?

Клиний. Бог, чужеземец, бог, говоря по правде.

Все это у нас приспособлено к войне, и законодатель, по-моему, установил все, принимая в соображение именно войну... Он заметил, я думаю, неразумие большинства людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами. Если же на войне, во имя

¹ Там же. С. 35–36.

безопасности, следует иметь общий стол и надо, чтобы стражами были какие-то начальники и их подчиненные, люди организованные, то именно так надо поступать и в мирное время. Ибо то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами. ...Так как никакое достояние, никакое занятие, вообще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на войне: ибо все блага побежденных достаются победителю.

...Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый – сам с собой. [...]

И здесь тоже, чужеземец, победа над самим собой есть первая и лучшая из побед. Быть же побежденным самим собой всего постыднее и хуже. [...]

О том государстве, где лучшие побеждают большинство худших, правильно было бы сказать, что оно одерживает победу над самим собой и в высшей степени справедливо заслуживает похвалы за эту победу; в противном же случае происходит противоположное.

Афинянин. Ни мне, ни вам не подобало бы гоняться за словами, утверждая, что всякий дом и всякая семья, где дурные люди одерживают верх, должна считаться побежденной самой собой, в противном же случае – победившей.

Не правда ли, всякий стал бы устанавливать законы ради наилучшей цели? [...]

А ведь самое лучшее – это не война, не междоусобия: не дай бог, если в них возникнет нужда; мир же – это всеобщее дружелюбие. И победа государства над самим собой относится, конечно, не к области наилучшего, но к области необходимого. Это все равно как если бы кто стал считать наилучшим такое состояние тела, когда оно страждет и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на состояния тела, когда оно в этом совсем не нуждается.

По-моему, истинно и справедливо утверждать, беседуя о божественном государстве, что устроитель, устраивая в нем законы, имел в виду не одну часть добродетели, притом самую ничтожную, но всю добродетель в целом; сообразно с ее видами он и исследовал законы, а не так, как это делают нынешние законодатели, исследующие произвольно установленные виды. Ведь теперь каждый исследует и устанавливает то, в чем у него в данное время нужда: один – законы о наследствах и дочерях-наследницах, другой – об оскорблениях действием, третий – что-либо иное подобное, и так до бесконечности.

Есть два рода благ: одни – человеческие, другие – божественные. Человеческие зависят от божественных. Если какое-либо государство получает большие блага, оно одновременно приобретает и меньшие, в противном же случае лишается и тех и других. Меньшие блага – это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте – сила... на

четвертом – богатство... Первое же и главенствующее из божественных благ – это разумение; второе – сопутствующее разуму здоровое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо – справедливость; четвертое благо – мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке.

Ведь у вас... в особенности превосходен один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что в законах хорошо и что нет, и повелевающий всем единогласно и вполне единодушно соглашаться с тем, что в законах все хорошо, ибо они установлены богами; иные же утверждения вовсе не следует допускать. [...]

Клиний. Ведь нет ничего бесчестного в познании плохого; наоборот, случается, что это служит к исцелению, если принимается благосклонно и без зависти.

Афинянин. ...Гимназии и сисситии во многом приносят пользу государствам и поныне; однако в смысле междоусобий они вредны. Это явствует из поступков милетской, беотийской и фурийской молодежи. К тому же, вероятно, эти учреждения извратили существующий не только у людей, но даже и у животных древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства, а также и те из остальных государств, где более всего привились гимназии. ...Наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущего за собой рождение, уделено нам от природы, соединение же мужчины с мужчиной и женщины с женщиной – противоестественно и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях. Когда люди исследуют законы, почти все рассмотрение вращается вокруг удовольствий и страданий как в государственной жизни, так и в частной. Природа предоставила течь этим двум потокам. Когда из них черпают как надо, когда надо и сколько надо, то счастливы одинаково и государство, и частные лица, и всякое живое существо, но когда это делают невежественно, да к тому же и не вовремя, тогда людям на долю выпадает иная жизнь.

Ведь сплошь и рядом причины бегства и преследования остаются, да и будут оставаться не выясненными. Поэтому не стоит ссылаться на победу или поражение в битвах, точно они служат ясным, а не сомнительным показателем обычаев хороших и плохих.

Воспитание ведет к победе, победа же иной раз – к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев из-за одержанных на войне побед, под влиянием этой наглости преисполнены множеством пороков.

Самым важным в обучении мы признаем надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатоком и достичь совершенства.

В нашем рассуждении мы, очевидно, подразумеваем под воспитанием... то, что с детства ведет к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим согласно

справедливости подчиняться или же властвовать. [...] Воспитание же, имеющее своим предметом и целью деньги, могущество или какое-нибудь другое искусство, лишенное разума и справедливости, низко и неблагородно, да и вовсе недостойно носить это имя.

Не признаем ли мы, что каждый из нас – это единое целое? [...]

Но каждый имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание. [...]

К ним присоединяются еще мнения относительно будущего, общее имя которым «надежда». В частности, ожидание скорби называется страхом, ожидание удовольствия – отвагой. Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона»¹.

В диалоге Платона «Политик» закон представлен как содержание и основа как воспитания людей: «...Воспитание есть привлечение и приведение детей к такому образу мыслей, который признан законом правильным и в действительной правильности которого убедились у тому же на опыте люди самые почтенные и престарелые. И вот, чтобы душа ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону и людям, ему послушным, и чтобы ребенок следовал в своих радостях и скорбях тому же самому, что и старик, и появились песни. Мы их так называем; на самом же деле это заклинания, зачаровывающие душу; они имеют серьезную цель – достичь гармонии, о которой мы говорили. А так как души молодых людей не могут выносить серьезного, то их и надо было назвать забавой, песнями и исполнять их только в качестве таковых, ведь людям больным и слабым телом ухаживающие за ними стараются подносить полезную пищу в сладких блюдах или напитках...

Будь я законодатель, я попытался бы принудить поэтов и вообще всех в государстве именно так; чуть ли не самое большое наказание назначил бы я тому, кто стал бы в стране выражать мнение, будто существуют какие-то люди, жизнь которых приятна, хотя они и дурны, и будто полезным и выгодным является одно, а справедливым – другое. ...Кого следует называть более счастливыми – тех ли, кто ведет самую справедливую жизнь, или тех, кто ведет самую приятную?

Итак, учение, не отделяющее приятное от справедливого, благого и прекрасного, имеет по крайней мере то преимущество, что убеждает каждого человека желать благочестивой и справедливой жизни. Ведь никто не дал бы себя убедить добровольно исполнять то, что не влечет за собой больше радости, чем страдания.

¹ Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

То, на что смотрят издалека, причиняет, так сказать, головокружение всем, а особенно детям. Законодатель же, по-моему, разогнав эту дымку, должен создать у других ясное мнение.

...Законодатель, хоть сколько-нибудь полезный, дерзнул бы, как и в иных случаях, употребить ложь по отношению к молодым людям ради их же блага.» <...>

«Разве мы не сказали, что в этом случае души пьющих людей охватываются огнем и, точно раскаленное железо, становятся мягче, моложе, а вследствие этого и податливее в руках того, кто может и умеет воспитывать их и лепить, словно дули молодых людей? Таким лепщиком является то же самое лицо, что и раньше: это – хороший законодатель. [...]

Стражами, содействующими этим законам, должны быть люди спокойные и трезвые; именно они должны быть начальниками над нетрезвыми. [...]]»¹.

«Афинянин. Царская же, клянусь Зевсом, и вообще всякая власть разрушается разве не самими ее носителями?

Цари ли дали такие законы или кто другой, но это было величайшим установлением для сохранения государственного строя этих трех государств. [...]

То, что два государства всегда помогали друг другу против третьего в случае его неповиновения установленным законам. [...]

Однако большинство требует от законодателей, чтоб они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты большей частью народа. Это вроде того, как если бы требовали от учителей гимнастики и врачей только приятного упражнения и врачевания для поручаемого их попечению тела.

Однако многое из того, о чем молит для себя ребенок, отец просит богов отворить, – чтоб никогда не исполнилось по молитвам сына. [...]

Мегилл. Мне кажется, ты утверждаешь, что должно желать и стремиться не к тому, чтобы все следовало нашей воле, но скорее, чтобы воля следовала за нашим разумением, так что и государству, и каждому из нас должно молиться и хлопотать о том, чтобы обладать умом.

Афинянин. Да, я помню и хочу напомнить вам, что законодатель, человек государственный, должен устанавливать распорядок законов, имея в виду всегда именно это. [...] ...Я утверждаю, что для того, кто не обладает умом, опасно пользоваться молитвами и если уж ему следует молиться, то скорее о том, что противоположно его желаниям. ...Причина гибели царей и всех их замыслов не трусость и отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надлежит подчиняться, но всевозможная порочность другого рода, в особенности же неведение величайших человеческих дел.

¹ Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

Часть души, испытывающая скорбь и удовольствие, все равно что народное большинство в государстве. Когда душа противится знаниям, [правильным] мнениям или разуму, от природы предназначенным править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве, когда большинство не повинуется правителям и законам.» <...>

«Если, забыв меру, слишком малому придают что-либо слишком большое: судам – паруса, телам – пищу, а душам – власть, то все идет вверх дном; исполнившись дерзости, одни впадают в болезни, другие – в несправедливость, это порождение высокомерия. Но к чему мы клоним речь? Вот к чему: смертная душа, друзья мои, не может по своей природе, если она молода и безответственна, вынести величайшей среди людей власти; разум ее преисполняется тяжелейшим недугом неразумия, и она начинает ненавидеть ближайших друзей, а это вскоре губит ее и уничтожает всю ее мощь. Только великие законодатели, познав соразмерность, могут этого остерегаться.

Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них и на демократию как на второй. [...]

Персы более, чем должно, полюбили монархическое начало, афиняне свободу; вот почему ни у тех, ни у других нет умеренности.

Итак, мы утверждаем, что государство, желающее себя сохранить и по мере человеческих сил быть счастливым, должно по необходимости правильно оценивать честь и бесчестье. Но самое ценное по праву – это блага, относящиеся прежде всего к душе, если в ней есть рассудительность, затем прекрасные качества тела и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или какое-то государство выйдут за эти пределы, оценив наиболее высоко достаток или поместив в смысле ценности низшее перед высшим, они совершат дело и негосударственное, и нечестивое.

...Законодатель должен иметь в виду тройкую цель: чтобы устрояемое государство было свободным, внутренне дружелюбным и обладало разумом. [...]»¹.

Генезис законов, согласно Платону, не только соотносится с идеей справедливости, но и с конкретными частными особенностями социальной реальности.

«Афинянин. Близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением

¹ Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недоверчивыми и враждебными как друг по отношению к другу, так и к остальным людям.

Во всяком случае ничто так не способствует людской добродетели, как законодательство и основание государств.

Я хотел сказать, что никогда никто из людей не дает никаких законов, но законы все даются нам случайностями и разными выпавшими на нашу долю несчастьями. Либо какая-нибудь война насильно переворачивает весь государственный строй и изменяет законы, либо бедствие тяжелой нужды. Да и болезни – если нападёт мор – вынуждают делать много нововведений, так что иной раз надолго, на много лет, водворяется безвременье. ...Ни один смертный не дает никаких законов, но все человеческое зависит от судьбы и случая.

Впрочем, не будем так строги: есть и нечто третье, следующее за ними, – искусство. В самом деле: своевременное применение искусства кормчего в случае бури дает, по-моему, большие преимущества. [...]

То же самое действительно и для других дел, особенно же для законодательства. Чтобы государство благополучно существовало, оно постоянно нуждается кроме удачного сочетания местных условий еще в в законодательстве, придерживающемся истины.

Нет, рассудительность с самого начала врождена даже животным и детям и сказывается в том, что одни из них могут, а другие не могут воздерживаться от удовольствий.

На первое место я ставлю возникновение государства из тирании, на второе – из царской власти, на третье – из какого-либо вида демократии, на четвертое – из олигархии. В самом деле, из нее труднее всего возникнуть совершенному государству, ибо при ней больше всего властителей. Мы же говорим, что возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве лицами. А поскольку, чем меньшее число лиц стоит у власти, тем она крепче, как, например, при тирании, то именно в этом случае всего быстрее и легче совершается переход.

Друзья мои, не давайте никому себя убедить, будто государство может легче и скорее изменить свои законы другим каким-то путем, чем под руководством властителей; нигде этого не случится ни теперь, ни впредь.

...Если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассудительностью, возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы – иного не дано.» <...>

«Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и

находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги.

Мне кажется, что для законодателя, который придерживается тех же взглядов, что и я, но не может их выразить в форме закона, мной уже дан образец, что и как следует говорить и ему и тем, для кого он устанавливает законы.» <...>

«...Издавая законы, можно пользоваться двумя средствами – убеждением и силой, насколько это возможно при невежественности и невоспитанности толпы; обычно законодатели пользуются только вторым средством.

...У всех законов должны быть вступления и, приступая к любому законодательству, следует каждому положению предпослать подобающее ему вводное слово. Ибо слово такое имеет большое значение. Очень важен также вопрос, будет ли это ясно запоминаться или нет»¹.

Для Платона характерна телеология законотворчества. Приведем несколько характеризующих эту особенность философии права Платона высказываний. «Относительно очищений государства дело обстоит так: полных очищений существует немало; одни из них легче, другие более тягостны. Тягостные и наилучшие мог бы установить лишь тот, кто одновременно является и тираном и законодателем. Законодатель, лишенный тиранической власти, при установлении нового государственного строя и законов должен удовлетворяться самыми мягкими способами очищений. Наилучший способ мучителен совершенно также, как бывает, когда принимают подобного рода лекарства. При этом правосудие влечет за собой справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием. Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства. Более мягкий способ очищения заключается у нас вот в чем: если неимущие люди, следуя за своими вождями, выкажут из-за недостатка воспитания склонность выступить против имущих, это станет болезнью, вкравшейся в государство. Поэтому их надо выслать прочь, делая это, однако, в высшей степени дружелюбно и смягчая их удаление названием «переселение». Так или иначе всякому законодателю надлежит это сделать сразу.»

«...Большинство... считает, будто хороший законодатель должен стремиться видеть свое государство великим; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы государство было как можно богаче, что бы оно обладало золотыми и серебряными рудниками и владычествовало над большинством государств как на море, так и на суше. Надо было бы добавить: надлежащий законодатель должен стремиться к тому, чтобы его государство было наилучшим и счастливейшим.»

¹ Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

«Законодатель должен все это иметь в виду и предписать всем гражданам по мере их сил не уклоняться от этого установления. Ибо для хозяйства, для государства, наконец, для всех искусств ничто так не важно и никакая наука не имеет такой воспитательной силы, как занятие числами. Самое же главное то, что людей, от природы вялых и невосприимчивых, это занятие с помощью божественного искусства пробуждает и делает вопреки их природе восприимчивыми, памятьливыми и проницательными. Если еще с помощью других законов и занятий удастся изгнать неблагородную страсть к наживе из душ тех, кто собирается усвоить себе на пользу эту науку, то все это вместе было бы прекрасным и надлежащим воспитательным средством. В противном случае вместо мудрости незаметно получится, так сказать, лишь плутовство, как это теперь можно наблюдать у египтян, финикийян и у многих других народов»¹.

«Афинянин. Следующее: всякому ясно, что законодательство – великое дело. Но если хорошо устроенное государство поставит непригодную власть над хорошо установленными законами, то законы эти не принесут никакой пользы и положение создается весьма смешное; более того, это наносит государству величайший ущерб и приводит его к гибели. [...]

Потому, видишь ли, и надо, чтобы лица, законно домогающиеся правительственных должностей, предоставили достаточное доказательство добродетели как своего рода, так и своей собственной, начиная с детства и вплоть до времени избрания. В свою очередь и будущие избиратели должны быть хорошо воспитаны, в духе законов, чтобы путем порицания или одобрения либо выбрать, либо отвергнуть избираемого – смотря по заслугам каждого»².

«Афинянин. В самом деле, в частной и семейной жизни каждого человека есть много мелочей, совершающихся не на виду у всех; здесь, под влиянием личного страдания, удовольствия и вожделения, легко возникают явления, противоречащие советам законодателя, почему нравы граждан оказываются разнообразными и непохожими друг на друга, а это – беда для государства. Однако было бы неблагоприятно и вместе с тем непристойно давать тут законы и устанавливать указания, насколько явления эти незначительны, хоть и часты. С другой стороны, если люди привыкнут поступать противозаконно в часто повторяющихся мелочах, то это поведет к губительной порче самих законов, пусть и установленных в письменной форме. Поэтому, хотя и затруднительно дать здесь законы, тем не менее промолчать невозможно.

¹ Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

² Там же.

...Тщетно было бы надеяться на прочность законодательства в вопросах общественных, если не предусмотрен надлежащий распорядок в частной жизни»¹.

«Афинянин: Устанавливать законы для предотвращения подобных проступков и наказания за них, коль скоро они совершены, в предположении, что такие люди непременно встретятся, – вот в этом-то, повторяю, и есть что-то позорное. Мы ведь не то что древние законодатели. ... Законы свои они давали детям богов, героям, то есть существам также божественным. Нет, мы – люди и даем теперь законы семени людей; поэтому мы вправе бояться, что у нас встретятся граждане с природой неподатливой, точно рог, так что их ничем не проймешь. Впрочем, не хотелось бы даже думать, что получивший правильное воспитание гражданин может когда-либо остро заболеть этой болезнью, зато много попыток подобного рода можно ожидать со стороны принадлежащих гражданам слуг, чужеземцев и их рабов.

Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из двух действий: оно делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным.

Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было проступок, даже если совершивший его бежал за пределы государства.

Кто стремится сделать законы рабами людей и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом государства в целом. А кто, хотя и не имеет ничего общего ни с кем из подобных людей, при отправлении главнейших государственных должностей не обратил внимания на такие явления или, хотя и обратил, из трусости не встал на защиту отечества, – такого гражданина следует числить на втором месте в смысле испорченности»².

«Ну а в государственном управлении, утверждают эти люди, разве лишь незначительная какая-то часть причастна природе, большая же часть искусству. Стало быть и всякое законодательство обусловлено будто бы не природой, но искусством, вот почему эти положения и далеки от истины.

О богах, мой милый, подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими какой народ условился их считать при возникновении своего законодательства. Точно также и прекрасно по природе одно, а по закону – другое; справедливого же вовсе нет по природе. Законодатели пребывают относительно него в разногласии и постоянно вносят здесь все новые и новые изменения.

¹ Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

² Там же.

Эти изменчивые постановления законодателей, каждое в свой черед, являются господствующими для своего времени, причем возникают они благодаря искусству и определенным законам, а не по природе.

...Приверженцы упомянутых учений, как кажется, смотрят на огонь, воду, землю и воздух как на первоначала всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позднее из этих первоначал»¹.

«Так вот и для этого, как всегда, законодателю надо приготовить лекарство.

Впрочем, давно уже сказано, что трудно сражаться сразу с двумя, да вдобавок еще противоположными бедами, как это бывает при болезнях и во многих других случаях. И теперь нам предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством. Богатство развратило душу людей роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства.

Друзья, сегодня вы здесь, а завтра вас здесь не будет. Вам нелегко разобраться сейчас в вашем имущественном положении, да и в самих себе (Как советует Пифийская надпись). И вот я как законодатель устанавливаю: вы не принадлежите самим себе и это имущество не принадлежит вам. Оно – собственность всего вашего рода, как его предшественников, так и последующих поколений; более того, весь ваш род и имущество – это собственность государства. ...Я установлю законы, приняв в расчет все то, что наиболее полезно всему государству и всему роду в целом. Этой цели я справедливо подчиню интересы каждого отдельного человека. А вы благосклонно и внимательно следуйте тем путем, который свойствен человеческой природе. Нашей же задачей будет позаботиться о прочих ваших делах, что мы и сделаем по мере возможности с величайшей тщательностью, ничего не упуская из виду.

Не скроем тягостной стороны таких законов... По-видимому здесь упускается из виду, что среди людей подобные требования встретят тысячи препятствий; им не захотят повиноваться, скорее соглашаясь подвергнуться чему угодно, чем вступить в брак против воли, в особенности с лицами больными или увечными телесно или духовно. Возможно, некоторым покажется, будто законодатель совсем не взвесил этого. Но это предположение неверно. Итак, в защиту законодателя и тех людей, кому он дает законы, надо предпослать, пожалуй, некое общее вступление и обратиться к подвластным с просьбой извинить законодателя, если он в своих заботах об общем благе не всегда вместе с тем сможет устранить личные несчастья, случающиеся с каждым из граждан»².

Платон одним из первых утверждает принцип публичности права.

¹ Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

² Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).

«Если кто из граждан пожелает в течение большего срока наблюдать жизнь других людей, никакой закон им в этом не может препятствовать. Ведь государство, из-за своей необщительности не ознакомившееся на опыте с хорошими и дурными людьми, никогда не сможет быть достаточно кротким и совершенным. Да и законы невозможно соблюдать, если они будут восприняты не сознательно, а лишь в силу привычки. Среди прочих постоянно выделяются люди с божественным нравом, вполне достойные общения. Правда, их немного, и в государствах с благими законами они встречаются не чаще, чем там, где законы плохи. Человек, живущий в государстве с благими законами, должен постоянно, странствуя по морю и по суше, разыскивать следы таких людей, кто не испорчен, дабы с их помощью укрепить хорошие стороны узаконений, а упущения исправить. Без таких поисков государство не может быть вполне устойчивым, как и тогда, когда поиск выполняется плохо.

Хороший судья должен впитать в себя эти сочинения как средство, предохраняющее от прочих учений, и совершенствовать как самого себя, так и свое государство с целью уготовить хорошим людям сохранение справедливости и ее развитие, а людям дурным – искоренение невежества, распущенности, трусости, короче говоря, всевозможной несправедливости, насколько это в его силах и насколько поддаются исцелению превратные мнения порочных людей. Для душ же тех людей, которым суждено иметь такие мнения, только смерть может быть исцелением.

Поэтому прекрасно говорят о мертвых, что тело их лишь образ, сущность же каждого из нас бессмертна: она именуется душой, которая отходит к иным богам, чтобы отчитаться перед ними; как гласит дедовский закон, для человека хорошего этот отчет не страшен, а для дурного очень страшен и никакой серьезной помощи после смерти он ожидать не может.

Хорошие голова и душа спасают все живое»¹.

Закон и справедливость, согласно Платону образуют основу внешнего и внутреннего устройства общества. Приведем, основанные на идеалистическом понимании философии права высказывания Платона по поводу сущности политики.

«Чужеземец. Тогда, говорю я, надо сразу же в нашем роде отделить двуногих от четвероногих и, приняв во внимание, что роду человеческому выпал тот же жребий, что и пернатым, снова разделить двуногое стадо на гладкое и пернатое; когда же оно будет поделено и обнаружится искусство пасти людей, надо взять политика и царя и, поставив его во главе как возничего, вверить ему бразды правления государством: ведь именно в этом состоит присущая ему наука.

Сократ мл. Ты прекрасно и как должно представил мне счет да еще как бы добавил к счету проценты, увеличив тем самым оплату.

¹ Там же.

Чужеземец. Ну что ж, давай просмотрим снова, с начала до конца, объяснение наименования искусства политика.

Сократ мл. Отлично.

Чужеземец. Вначале мы установили повелевающую часть познавательного искусства. В качестве уподобления ей мы назвали самоповелевающую часть. От этой части мы отделили немаловажный род – искусство выращивания животных, от него, в свой черед, вид стадного выращивания, а от этого последнего – выращивание сухопутное. От выращивания сухопутных мы отделили прежде всего искусство выращивания безрогих животных, а уж если кто желает отделить от него следующую часть, он должен по меньшей мере представить ее троякой, если хочет охватить ее единым понятием и назвать ее искусством пасти несмешанное стадо. Следующим сечением будет отделение от двуногого стада людей и искусства их пестовать, а это уже – искомое нами искусство царствовать, или, что то же самое, государственное искусство

Сократ мл. Все это, безусловно, верно.

Чужеземец. Но, Сократ, так ли хорошо мы все это выполнили, как следует из твоих слов?

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. Полностью ли, достаточно ли осветили мы наш предмет? Или нашему исследованию как раз более всего не хватает завершенного объяснения, хотя какое-то объяснение мы и дали?

Сократ мл. Скажи яснее.

Чужеземец. Я именно и собираюсь сейчас получше разъяснить для нас обоих то, что я думаю.

Сократ мл. Говори же.

Чужеземец. Не правда ли, одним из многих искусств пестования, сейчас перед нами явившихся, было государственное искусство, состоящее в попечении о некоем одном стаде?

Сократ мл. Да.

Чужеземец. И это, согласно нашему определению, являет собой выращивание не лошадей либо каких-то других животных, но людей и заключается в общем их воспитании.

Сократ мл. Это так.

Чужеземец. Давай же посмотрим, какое различие существует между всеми прочими пастухами, с одной стороны, и царями – с другой.

Сократ мл. Какое же?

Чужеземец. Не получилось бы, что кто-нибудь – представитель совсем иного искусства – вдруг назовет себя также воспитателем стада и станет играть эту роль.

Сократ мл. Разве это возможно?

Чужеземец. Например, что́, если разные торговцы, землепашцы, булочники, а вслед за ними учителя гимнастики и врачи станут всячески оспаривать у пастухов человеческого стада, которых мы назвали политиками, право называться руководителями воспитания не только всего человеческого стада, но и его начальников?

Сократ мл. Это было бы с их стороны неправильным.

Чужеземец. Возможно. Сейчас мы посмотрим. Ведь мы знаем, что с волопасом никто не станет вступать в спор об уходе за волами, но он сам – и воспитатель стада, и его врач, и как бы сват, и что касается приплода и родов, то он – единственный знаток повивального искусства. Даже если речь идет об играх и способности воспринимать музыку – насколько животные могут это по своей природе, – никто другой не умеет так хорошо владеть звуками инструментов и голоса, которыми он ободряет и успокаивает стадо. И о прочих пастухах можно сказать то же самое. Разве не так?

Сократ мл. Совершенно верно.

Чужеземец. Так может ли показаться нам правильным и безупречным рассуждение о царе, когда мы одного его считаем пастухом и воспитателем человеческого стада и забываем о тысячах других, оспаривающих это звание?

Сократ мл. Никоим образом.

Чужеземец. Так разве неправильным было наше прежнее опасение, когда мы заподозрили, что, называя лишь некоторые черты царя, мы не дадим безупречного в своем совершенстве образа политика, пока не перечислим всех тех, кто вокруг него толпится и оспаривает у него звание пастуха, и, отделив от них этот образ, не представим лишь его в чистом виде?

Сократ мл. Сущая правда»¹.

О характере государственного правления в диалоге Платона «Политик»: «Чужеземец. Отвечая на вопрос о царе и политике, существующем при нынешнем круговращении и порождении, мы описали пастуха человеческого стада при круговращении противоположном и, таким образом, назвали вместо смертного – бога: это очень большая погрешность. А объявив его правителем всего государства, но не разобрав, как он правит, мы, с одной стороны, высказались верно, с другой же – недостаточно полно и ясно: в этом случае и ошибка меньше, чем та.

Сократ мл. Это правда.

Чужеземец. Итак, надо надеяться, что, определив характер государственного правления, мы наконец сможем сказать, что такое политик.

Сократ мл. Отлично.

Чужеземец. Вот мы и предпослали этому миф – чтобы показать относительно стадного выращивания, что не только все оспаривают это занятие

¹ Платон Политик / <http://psylib.org.ua/books/plato01/29polit.htm> дата обращения 05.11.18

у искомого нами сейчас лица, но также что мы должны яснее разглядеть его – того, кому одному только и пристало, по образцу пастухов и волопасов, иметь попечение о выращивании человеческого стада и носить соответствующее этому имя.

Сократ мл. Правильно.

Чужеземец. Я даже думаю, Сократ, что этот образ божественного пастыря слишком велик в сравнении с царем, нынешние же политики больше напоминают по своей природе, а также образованию и воспитанию подвластных, чем властителей.

Сократ мл. Истинно так.

Чужеземец. Но такова ли их природа или иная, от этого не менее и не более должно их рассмотреть.

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Пойдем же по прежнему пути. Мы сказали, что существует самоповелевающее искусство, распоряжающееся живыми существами и пекущееся не о частных лицах, а о целом обществе; назвали же мы это тогда искусством стадного выращивания. Припоминаешь ли ты?

Сократ мл. Да.

Чужеземец. Вот тут-то мы и допустили ошибку. Мы совсем не учли политика и никак его не назвали: он тайно ускользнул от наименования.

Сократ мл. Каким образом?

Чужеземец. Выращивать все без исключения стада присуще, видимо, остальным пастухам, политику же не свойственно. А между тем мы приложили это наименование и к политику, хотя следовало бы назвать их всех по общему для них признаку.

Сократ мл. Ты прав, если такое имя бывает.

Чужеземец. Как же не быть общему уходу за всеми, из которого не исключено выращивание и любые другие заботы? Назовем ли мы это уходом за стадом, пестованием или еще как-нибудь, – например, всеобщим попечением, – это имя могло бы охватить и политика, и всех прочих пастухов, ведь надо так сделать, этому учит нас рассуждение.

Сократ мл. Правильно. Но какое же теперь последует разделение?

Чужеземец. Подобное тому, какое мы проделали, когда обособили стадное выращивание пеших – бесперых, несмешанных и безрогих – животных; лишь сделав такое различие, мы охватили одним определением уход за стадом в наше время и в царствование Кроноса.

Сократ мл. Это очевидно. Но снова спрошу: что же потом?

Чужеземец. Ясно, что, когда таким образом названо это имя – «уход за стадом», никто не станет нам возражать, говоря, что и вообще-то нет подобного попечения, как прежде справедливо могли возразить, что, мол, у нас не существует никакого искусства выращивания, достойного называться этим именем, а если бы и было какое-нибудь, то оно скорее подобало бы многим другим, чем кому-нибудь из царей.

Сократ мл. Правильно.

Чужеземец. Забота же о целом человеческом сообществе и искусство управления всеми людьми в первую очередь и преимущественно принадлежат царю.

Сократ мл. Ты правильно говоришь.

Чужеземец. Однако, Сократ, замечаешь ли ты, что под самый конец мы снова ошиблись?

Сократ мл. Каким образом?

Чужеземец. А вот: хотя мы в высшей степени правильно рассудили, что существует некое искусство выращивания двуногого стада, не следовало, однако, тотчас же называть это искусство царским и политическим – так, как если бы на этом все и кончалось.

Сократ мл. А как же?

Чужеземец. Сначала, как мы и говорили, нужно было переделать название, приблизив его больше к уходу, чем к пропитанию, а затем рассечь надвое и его, ведь предстоит произвести еще немало сечений.

Сократ мл. Каких именно?

Чужеземец. Можно было бы отделить божественного пастыря от попечителя-человека.

Сократ мл. Правильно.

Чужеземец. Затем, обособив попечительское искусство, следует его снова рассечь надвое.

Сократ мл. На какие же части?

Чужеземец. На попечение насильственное и мягкое.

Сократ мл. То есть?

Чужеземец. Раньше мы и тут оказались простоватей, чем должно, и допустили ошибку, соединив в одно царя и тирана, – как самих, так и образы их правления, – в то время как они в высшей степени неподобны.

Сократ мл. Истинно так.

Чужеземец. А теперь, исправляя нашу ошибку, согласно сказанному, не разделим ли мы человеческое попечительское искусство надвое – на насильственное и мягкое?

Сократ мл. Несомненно.

Чужеземец. И, назвав попечение тех, кто правит с помощью силы, тираническим, а мягкое попечение о стаде двуногих кротких животных – политическим, мы наречем человека, владеющего таким искусством попечительства, подлинным царем и политиком, не так ли?

Сократ мл. Значит, чужеземец, рассуждение о политике получило у нас таким образом завершение.

Чужеземец. Это было бы для нас прекрасно, Сократ. Однако верным это должно представляться не только тебе, но и мне. На самом же деле мне не кажется, будто образ царя получил у нас завершение: подобно ваятелям,

что иногда спешат, не рассчитав времени, и опаздывают из-за того, что добавляют к своим творениям много лишних деталей, и мы сейчас, спеша выставить напоказ погрешность прежнего нашего рассуждения и решив, что царю подходят великие образцы, подняли тяжелейший пласт мифа и вынуждены были воспользоваться большей, чем требовалось, его частью. Так мы сделали доказательство еще более длинным и уже совсем не смогли придать завершенность мифу; наше рассуждение, словно черновой набросок, приняло чисто внешние очертания, отчетливости же, которую придают краски и смешение оттенков, пока что не получило. Между тем с помощью слова и рассуждения гораздо лучше можно выписать любое изображение, чем с помощью живописи и какого бы то ни было другого ручного труда, – лишь бы уметь это делать. Другим же – тем, кто не умеет, – надо пользоваться работой рук.

Сократ мл. Правильно! Покажи же, чего не хватает в том, что у нас было сказано»¹.

Выводы про искусство политики: «Чужеземец. Но таким образом не погубим ли мы и сами искусства, и все их дела, а заодно не уничтожим ли мы и политика, и ткацкое искусство, о котором шла речь? Ведь все они остерегаются того, что превышает умеренное или меньше него, – потому что усматривают в этом не пустяк, а помеху делу: сохраняя таким образом меру, они совершают все хорошее и прекрасное.

Сократ мл. Конечно.

Чужеземец. Ведь если мы уничтожим политика, наш поиск царственного знания зайдет в тупик.

Сократ мл. Да, совершенно.

Чужеземец. Значит, подобно тому как в «Софисте» мы вынуждены были признать, что существует несуществующее, – ведь к этому привело нас рассуждение – и сейчас нам, видно, придется сказать, что большее и меньшее измеримы не только друг по отношению к другу, но и по отношению к становлению меры? Ведь невозможно, чтобы политик или другой какой-либо знаток практических дел был бесспорно признан таковым до того, как по этому вопросу будет достигнуто согласие.

Сократ мл. Значит, надо как можно скорее это согласие установить.

Чужеземец. Но дело это, Сократ, еще более трудное, чем то, а мы помним, каким долгим оно было. Впрочем, справедливым будет следующее предположение относительно того и другого...

Сократ мл. Какое же?

Чужеземец. А вот какое: впоследствии для точного пояснения главного вопроса понадобится изложенное нами сейчас. А что оно для нашей

¹ Платон Политик / <http://psylib.org.ua/books/plato01/29polit.htm> (дата обращения 05.11.18).

ближайшей цели вполне хорошо и достаточно, мне кажется, прекрасно поможет нам понять следующее положение: надо считать, что для всех искусств в равной степени большее и меньшее измеряются не только в отношении друг к другу, но и в отношении к становлению меры. Ибо если существует это, то существует и то, а если существует то, значит, существует и это, и, не будь какого-нибудь из них, не было бы ни того ни другого.

Сократ мл. Это верно, но что же дальше?

Чужеземец. Ясно, что мы разделим искусство измерения, как было сказано, на две части, причем к одной отнесем все искусства, измеряющие число, длину, глубину, ширину и скорость путем сопоставления с противоположным, а к другой – те искусства, которые измеряют все это путем сопоставления с умеренным, подобающим, своевременным, надлежащим и со всем тем, что составляет середину между двумя крайностями.

Сократ мл. Ты назвал два огромных раздела, сильно отличающихся один от другого.

Чужеземец. То, Сократ, что люди изысканного ума говорят иногда, полагая, будто произносят нечто в высшей степени мудрое, а именно, что искусство измерения направлено на все становящееся, – это самое мы сейчас и сказали, ибо все, что относится к области искусств, каким-то образом причастно измерению. Но люди эти, не привыкнув рассматривать подобные вещи, деля их на виды, валят их все в одну кучу, несмотря на огромное существующее между ними различие, и почитают их тождественными, а также и наоборот: не разделяют на надлежащие части то, что требует такого деления. Между тем следует, когда уж замечаешь общность, существующую между многими вещами, не отступать, прежде чем не заметишь всех отличий, которые заключены в каждом виде, и, наоборот, если увидишь всевозможные несходства между многими вещами, не считать возможным, смутившись, прекратить наблюдение раньше, чем заключишь в единое подобие все родственные свойства и охватишь их однородной сущностью.

Однако об этом, а также обо всем избыточном и недостаточном сказанного будет довольно. Сохраним лишь выделенные нами здесь два рода измерительного искусства и постараемся запомнить, что они собой представляют.

Сократ мл. Постараемся.

Чужеземец. Ну что ж, перейдем теперь к другому рассуждению – относительно того самого, что мы ищем, и обо всех вообще обстоятельствах подобного рода бесед.

Сократ мл. О каком рассуждении ты говоришь?

Чужеземец. Если бы кто-нибудь спросил нас относительно беседы, касающейся изучения грамоты: когда задается кому-нибудь вопрос, из каких букв состоит некое имя, ради чего предпринимается это исследование –

ради самого предложенного вопроса или ради того, чтобы стать более знающим во всех вопросах, которые могут быть поставлены, – как бы мы на это ответили?

Сократ мл. Разумеется, чтобы знать всё.

Чужеземец. А как же обстоит дело с нашим исследованием политика? Предпринимается ли оно ради него самого или же для того, чтобы стать более сведущими в диалектике всего?

Сократ мл. Разумеется, ради последнего.

Чужеземец. В самом деле, ведь никто, находясь в здравом уме, не стал бы гоняться за понятием ткацкого искусства ради самого этого искусства. Однако, думаю я, от большинства людей скрыто, что для облегчения познания некоторых вещей существуют некие чувственные подобия, которые совсем нетрудно выявить, когда кто-нибудь хочет человеку, интересующемуся их объяснением, без труда, хлопот и рассуждений дать ответ. Что же касается вещей самых высоких и чтимых, то для объяснения их людям не существует уподобления, с помощью которого кто-нибудь мог бы достаточно наполнить душу вопрошающего, применив это уподобление к какому-либо из соответствующих ощущений. Поэтому-то и надо в каждом упражнять способность давать объяснение и его воспринимать. Ибо бестелесное – величайшее и самое прекрасное – ясно обнаруживается лишь с помощью объяснения, и только него, и вот ради этого-то и было сказано все то, что сейчас говорилось. Упражняться же, чего бы это ни касалось, гораздо легче бывает в малых вещах, чем в большом.

Сократ мл. Ты великолепно сказал»¹.

Роль людей в политике по мнению Платона в диалоге «Политик»: «Чужеземец. Значит, необходимо рассмотреть это теперь следующим образом: в каком из упомянутых нами государственных устройств кроется умение управлять людьми? Ведь это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений. Его надо понять для того, чтобы знать, кого следует отделить от разумного государя из тех, кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы.

Сократ мл. Надо это сделать так, как указало нам рассуждение.

Чужеземец. Неужели можно полагать, что большинство людей в государстве может обладать этим знанием?

Сократ мл. Вряд ли!

Чужеземец. А в городе с населением в тысячу человек может ли им обладать сто или хотя бы пятьдесят мужей?

Сократ мл. Если так, то это было бы легчайшим из всех искусств; а мы знаем, что из тысячи человек не найдется против остальных эллинов такого количества даже отличных игроков в шашки, не то что царей. Мы должны

¹ Платон Политик / <http://psylib.org.ua/books/plato01/29polit.htm> (дата обращения 05.11.18).

в соответствии с прежним рассуждением наречь царем того, кто обладает царским знанием, – правит ли он на самом деле или нет.

Чужеземец. Ты верно вспомнил. Согласно этому, хорошее правление, если только оно бывает, следует искать у одного, двоих или во всяком случае немногих людей.

Сократ мл. Конечно!

Чужеземец. И мы должны будем считать, как мы это сейчас решили, что, правят ли эти люди согласно нашей доброй воле или против нее, согласно установлениям или без них, богаты они или бедны, они правят в соответствии с неким искусством правления. Ведь врачей мы почитаем врачами независимо от того, лечат ли они нас по нашему согласию или против нашей воли, когда они делают нам разрезы, прижигания или, пользуя нас, причиняют другую какую-то боль, действуют они согласно установлениям или помимо них и богаты ли они или бедны, – пока они руководствуются искусством, очищая или как-то по-иному ослабляя либо, наоборот, укрепляя наше тело, – лишь бы врачеватели действовали на благо наших тел, превращали их из слабых в более крепкие и тем самым всегда спасали врачуемых. Именно таким образом, а не иным мы дадим правильное определение власти врача, как и всякой другой власти.

Сократ мл. Ты совершенно прав»¹.

«Чужеземец. А ведь вспомни: мы сказали, что сведущий человек – подлинный политик – делает все, руководствуясь искусством и не заботясь о предписаниях, коль скоро ему что-нибудь покажется лучшим, чем то, что он сам написал и наказал тем, кто находится вдали от него.

Сократ мл. Да, мы так сказали.

Чужеземец. Значит, если какой-либо один человек или множество людей, которым предписаны законы, попытаются нарушить их в пользу того, что им представляется лучшим, то они по мере сил будут поступать так же, как тот подлинный политик?

Сократ мл. Несомненно.

Чужеземец. Итак, если они – те, кто берется за это, – невежественны, то, пытаясь подражать истинному, они будут подражать ему очень плохо; если же они искусные люди, то это будет уже не подражание, а сама наивысшая истина.

Сократ мл. Безусловно»².

«Чужеземец. Значит, видно, подобным же образом следует нам теперь отделить от политического знания все инородное, чуждое ему и недружественное и оставить только ценное и сродное. А это – военное искусство, судебное и ораторское, поскольку последнее связано с царским искусством

¹ Платон Политик / <http://psylib.org.ua/books/plato01/29polit.htm> (дата обращения 05.11.18).

² Платон Политик / <http://psylib.org.ua/books/plato01/29polit.htm> (дата обращения 05.11.18).

и помогает ему управлять делами города с помощью убеждения, склоняющего к справедливости. Лишь отделив все это по возможности легким способом, можно будет увидеть то, что мы имеем, обнаженным, единственным в своем роде.

Сократ мл. Ясно, что надо попытаться это сделать.

Чужеземец. После попытки искомое и обнаружится. Давай попытаемся выявить его с помощью музыки. Скажи мне...

Сократ мл. Что именно?

Чужеземец. Есть ли у нас музыкальная наука и вообще наука, дающая знание всего того, что связано с умелостью рук?

Сократ мл. Есть.

Чужеземец. Что же? Не скажем ли мы, что наука о том, следует ли нам изучать какую-либо из этих наук или нет, также будет относящимся к этим наукам знанием?

Сократ мл. Да, скажем.

Чужеземец. Однако мы скажем, что это знание будет отличным от тех?

Сократ мл. Да.

Чужеземец. Так как же: ни одна из этих наук не должна управлять другой? Или все они должны управлять этой отличной от них наукой? Или, наоборот, она должна быть распорядительницей и управительницей их всех?

Сократ мл. Она должна управлять остальными.

Чужеземец. Значит, ты считаешь, что та наука, которая указывает, надо ли обучаться, должна управлять у нас теми, которые обучают и направляют?

Сократ мл. Конечно.

Чужеземец. И та наука, которая указывает, надо ли применять убеждение или нет, должна управлять той, что владеет убеждением?

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Пусть так. Какой науке мы припишем умение убеждать большинство, толпу не посредством поучения, а силой самих слов ?

Сократ мл. Я думаю, ясно, что это надо отнести к ораторскому искусству.

Чужеземец. А в вопросе, нужно ли действовать по отношению к кому-то убеждением, силой или здесь вообще надо воздержаться от действий, — какой науке принадлежит решение?

Сократ мл. Той, которая управляет наукой убеждения и речи.

Чужеземец. А это будет, думаю я, не иная какая-нибудь наука, но способность управлять государством.

Сократ мл. Ты прекрасно сказал.

Чужеземец. Как видно, ораторское искусство легко отделяется от политического в качестве иного вида, подчиненного этому.

Сократ мл. Да»¹.

«Чужеземец. Мы знаем, что только политик и хороший законодатель способны с помощью музыки царского искусства внушить истинное мнение тем, кто причастен правильному воспитанию, как мы сейчас говорили.

Сократ мл. Это похоже на правду.

Чужеземец. Того же, кто в этом немощен, мы никогда не назовем тем именем, которое сейчас ищем.

Сократ мл. Совершенно верно.

Чужеземец. Что же? Разве мужественная душа, восприняв подобную истину, не станет более кроткой и причастной всему справедливому? А не приобщившись к ней, разве не отклонится она более в сторону звериной природы?

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. А что будет с кроткой природой? Разве, восприняв подобные мнения, не станет она подлинно рассудительной и разумной, особенно в государственной жизни? А если она не приобщится к тому, о чем мы говорим, разве не приобретет она позорнейшую и справедливую славу глупости?

Сократ мл. Несомненно»².

Признавая преимущество естественного (объективного) права перед позитивным (относительным) Платон не склонен примитивизировать отношение к «писанным законам». Согласно Платону, «писанные законы» – результат претворения в жизнь идеальных законов. Отсюда, в качестве реакции на несовершенство законотворчества и правоприменительной практики в конкретном локальном обществе он предлагает три решения: 1) смириться и исполнять, 2) влиять на законотворчество, понимая несовершенство законов, 3) покинуть государство. Этот принцип в совершенстве представлен в сравнительно небольшом произведении «Критон», которое в силу высокой степени значимости для понимания идеи объективного права мы приведем в полном объеме.

«Сократ. Что это ты пришел в такое время, Критон? Или уже не так рано?

Критон. Очень рано.

Сократ. Который же час?

Критон. Едва светает.

Сократ. Удивляюсь, как это тюремный сторож согласился впустить тебя.

Критон. Он ко мне уже привык, Сократ, потому что я часто сюда хожу; к тому же я отчасти и ублаготворил его,

Сократ. А ты сейчас только пришел или давно?

Критон. Довольно давно.

¹ Платон Политик / <http://psylib.org.ua/books/plato01/29polit.htm> (дата обращения 05.11.18).

² Там же.

Сократ. Почему же ты не разбудил меня сразу, а сидишь возле меня и молчишь?

Критон. Клянусь Зевсом, Сократ, я бы и сам не желал – в такой беде да еще и не спать. Я давно удивляюсь тебе, глядя, как ты сладко спишь, и нарочно тебя не будил, чтобы ты провел время как можно приятнее. Я и прежде, в течение всей твоей жизни, нередко дивился, какой счастливый у тебя характер, а тем более дивлюсь теперь, при этом несчастье, как легко и кротко ты его переносишь.

Сократ. Но ведь было бы нелепо, Критон, в мои годы роптать на то, что приходится умереть.

Критон. И другим, Сократ, случается попадать на старости лет в такую беду, однако же их старость нисколько не мешает им роптать на свою судьбу.

Сократ. Это правда. Но зачем же ты так рано пришел?

Критон. Я пришел с печальным известием, Сократ, печальным и тягостным – не для тебя, как мне представляется, а для меня и для всех твоих близких; до того оно тягостное и мрачное, что для меня, кажется, не может быть ничего мрачнее.

Сократ. Какое же? Уж не пришел ли с Делоса корабль, с приходом которого я должен умереть?

Критон. Он еще не пришел, но думается мне, что придет сегодня, судя по словам тех, кто прибыл с Суния и оставил его там. Из этого ясно, что он придет сегодня, а завтра тебе необходимо будет, Сократ, окончить жизнь.

Сократ. В добрый час, Критон! Если так угодно богам, пусть так и будет. Только я не думаю, чтобы он пришел сегодня.

Критон. Из чего ты это заключаешь?

Сократ. Я тебе скажу. Ведь я должен умереть на другой день после того, как придет корабль?

Критон. Так постановили ведающие этим делом.

Сократ. Вот я и думаю, что он придет не сегодня, а завтра. Заключаю же я это по тому сну, который видел этой ночью; пожалуй, было кстати, что ты не разбудил меня.

Критон. Какой же это был сон?

Сократ. Мне виделось, что подошла ко мне какая-то прекрасная, величественная женщина в белых одеждах, позвала меня и сказала: «Сократ! В третий ты день, без сомнения, Фтии достигнешь холмистой».

Критон. Станный сон, Сократ!

Сократ. А ведь смысл его как будто ясен, Критон.

Критон. Даже слишком, конечно. Но, дорогой Сократ, хоть теперь послушайся меня и не отказывайся от своего спасения. Если ты умрешь, меня постигнет не одна та беда, что я лишусь друга, какого мне никогда и нигде больше не найти; нет, вдобавок многим из тех, кто недостаточно знает нас с тобой, покажется, что я не позаботился спасти тебя, хотя и мог сделать это,

стоило мне только не поскупиться. А что может быть позорнее такой славы, когда о нас думают, будто мы ценим деньги больше, чем друзей? Большинство не поверит, что ты сам не захотел уйти отсюда, несмотря на наши настояния.

Сократ. Но для чего нам так заботиться о мнении большинства, дорогой Критон? Порядочные люди – ас ними и стоит считаться – будут думать, что все это свершилось так, как оно свершилось на самом деле.

Критон. Но ты уже убедился, Сократ, что приходится считаться и с мнением большинства. Твое дело показало теперь, что большинство способно творить не только мелкое, но, пожалуй, и самое великое зло, если кто оклеветан перед толпой.

Сократ. О, если бы, Критон, большинство способно было творить величайшее зло, с тем чтобы быть способным и на величайшее добро! Это было бы прекрасно! А то ведь люди не способны ни на то, ни на другое: они не могут сделать человека ни разумным, ни неразумным, а делают что попало.

Критон. Так-то оно так, Сократ, но ты мне вот что скажи; уж не боишься ли ты, как бы доноски, если ты уйдешь отсюда, не втянули нас – меня и остальных близких – в беду за то, что мы тебя отсюда похитили, и нам не пришлось потерять много денег, а то и все наше состояние и вдобавок подвергнуться еще чему-нибудь? Если ты боишься чего-нибудь такого, то оставь это; ведь справедливость требует, чтобы мы, ради твоего спасения, пошли на такую опасность, а если понадобится, то и на еще большую. Нет, послушайся меня и сделай по-моему.

Сократ. И об этом я беспокоюсь, Критон, и о многом другом.

Критон. Этого уж ты не бойся. Да и не так много требуют денег те, кто берется спасти тебя и вывести отсюда. Что же касается наших доноскиков, то разве ты не видишь, какой это дешевый народ: для них вовсе не понадобится много денег. В твоём распоряжении мое имущество, и я думаю, его будет достаточно. Если наконец, заботясь обо мне, ты думаешь, что не надо тратить моего достояния, то здесь есть чужеземцы, которые готовы за тебя заплатить; один из них – Симмий Фиванец – уже принес необходимые для этого деньги. То же самое готов сделать Кебет и еще очень многие. Повторяю, не бойся ты этого и не отказывайся от своего спасения; и пусть тебя не мучает то, о чем ты говорил на суде, – что, уйдя отсюда, ты не знал бы, на что себя употребить: ведь и в других местах всюду, куда бы ты не пришел, тебя будут любить. Если бы ты пожелал отправиться в Фессалию, то у меня там есть друзья, они будут тебя высоко пенить и оберегать, так что во всей Фессалии никто не доставит тебе огорчения.

К тому же, Сократ, ты затеял, по-моему, несправедливое дело – предать самого себя, когда можно спастись. Ты добиваешься для себя того же самого, чего могли бы добиваться – да и добились уже – твои враги, стре-

мясь погубить тебя. Кроме того, ты предаешь, по-моему, и своих собственных сыновей, покидая их, между тем как мог бы их возрастить и воспитать. Это и твоя вина, если они будут жить как придется; а им, конечно, предстоит испытать все, что выпадает обыкновенно сиротам на их сиротскую долю. Или не нужно и заводить детей, или уж надо вместе с ними переносить все невзгоды, кормить и воспитывать их, а ты, по-моему, выбираешь самое легкое. Надо выбрать то, что выбрал бы хороший и мужественный человек, особенно если он уверял, что всю жизнь заботился о доблести. Что касается меня, так мне стыдно и за тебя, и за нас, твоих близких, если станут думать, что все это произошло с тобой по какому-то малодушию с нашей стороны: и то, что дело попало в суд, хотя могло бы туда и не попасть, и то, как шло разбирательство, и, наконец, это последнее, похожее на нелепую развязку; ведь можно подумать, что мы всё упустили по нашей трусости и малодушию, и мы тебя не спасли, и сам ты себя не спас, хотя это было осуществимо и возможно, если б мы на что-нибудь годились. Вот ты и смотри, Сократ, как бы, кроме беды, не было бы и позора для нас с тобой. Все-таки подумай, – впрочем, думать уже некогда, а нужно решить, решение же может быть только одно, потому что в следующую ночь это должно совершиться, а если еще станем ждать, то уже ничего нельзя будет сделать. Право, Сократ, послушайся меня и ни в коем случае не поступай иначе.

Сократ. Милый Критон, твое усердие стоило бы очень дорого, если бы оно было еще и верно направлено, а иначе чем оно больше, тем тягостнее. Нам надо обсудить, следует ли это делать или нет. Таков уж я всегда, а не только теперь: я не способен повиноваться ничему из всего, что во мне есть, кроме того разумного убеждения, которое после тщательного рассмотрения представляется мне наилучшим. А те убеждения, которые я высказывал прежде, не могу отбросить и теперь, после того как меня постигла эта участь; напротив, они представляются мне все такими же, и я почитаю и ценю то же самое, что и прежде. Если сейчас мы не найдем доводов лучше, чем эти, то, будь уверен, я с тобой ни за что не соглашусь, даже если бы власть большинства страдала нас, словно детей, еще большим количеством пугал, чем теперь, когда она нам преподносит оковы, казни и лишение имущества. Как же в таком случае разобрать нам это наиболее подходящим образом? Не вернуться ли сначала к тому, что ты говорил насчет мнений, и не посмотреть ли, верно ли мы говаривали неоднократно, что на одни мнения следует обращать внимание, а на другие – нет. Или это верно говорилось лишь в то время, когда мне еще не нужно было умереть, а теперь вдруг стало ясно, что так мы только говорили, а на деле это сущие пустяки? Я очень хочу, Критон, разобрать вместе с тобой, покажется ли мне это суждение хоть сколько-нибудь иным при моем нынешнем положении или все таким же, и отступимся ли мы от него или последуем ему? Как-никак, а люди, которые, по-моему, знали, что говорили, неоднократно утверждали то самое, что я сейчас сказал: из мнений, какие бывают у людей, одни следует высоко

ценить, а другие нет. Ради богов, Критон, разве это, по-твоему, не верное утверждение? Ведь тебе, судя по-человечески, не предстоит завтра умереть, и у тебя нет в настоящее время такого несчастья, которое могло бы сбивать тебя с толку; так посмотри же, разве неправильно, по-твоему, говорят люди, что не все человеческие мнения следует ценить, но одни надо уважать, а другие нет. Что ты скажешь? Разве это не верно?

Критон. Верно.

Сократ. Значит, хорошие мнения нужно ценить, а дурные не нужно?

Критон. Да.

Сократ. Но хорошие мнения – это мнения людей разумных, дурные – неразумных?

Критон. Как же иначе?

Сократ. Ну а как бы мы решили такой вопрос: человек, занимающийся гимнастикой, обращает внимание на любое мнение – и похвалу и порицание – всякого человека или только одного – врача или учителя гимнастики?

Критон. Только его одного.

Сократ. Значит, этому человеку надо бояться порицаний и радоваться похвалам его одного, а не большинства?

Критон. Очевидно.

Сократ. Стало быть, он должен действовать, упражнять свое тело, есть и пить только так, как это кажется нужным тому, кто к этому делу приставлен и понимает в нем, а не так, как это кажется нужным всем остальным.

Критон. Да, это так.

Сократ. Пусть так. А если он этого одного не послушается и не будет ценить его мнения и одобрения, а будет ценить отзывы большинства или тех, кто в этом ничего не понимает, то не потерпит ли он какого-нибудь ущерба?

Критон. Как же иначе?

Сократ. Какой же это ущерб? В чем он коснется ослушника?

Критон. Очевидно, он коснется его тела, – ведь тело он и губит.

Сократ. Ты верно говоришь. Не так ли и в остальном, Критон, чтобы не перечислять всех случаев? И во всем, что касается справедливого и несправедливого, позорного и прекрасного, хорошего и плохого, – а как раз это мы теперь и обсуждаем, – нужно ли нам слушаться и бояться мнения большинства или же мнения одного человека, если только есть такой, кто это понимает и кого должно стыдиться и бояться больше, чем всех остальных, вместе взятых? Если мы не последуем за ним, мы погубим и обезобразим то, что от справедливости становится лучше, а от несправедливости погибает, как мы и раньше это утверждали. Разве это ничего не значит?

Критон. Думаю, что так, Сократ.

Сократ. Ну, а если, последовав мнению невежд, мы погубим то, что от здорового становится лучше, а от нездорового разрушается, – стоит жить

после того, как оно будет разрушено? А ведь таково хотя бы наше тело, не правда ли?

Критон. Да.

Сократ. Так стоит ли нам жить с негодным и разрушенным телом?

Критон. Никоим образом.

Сократ. А стоит ли нам жить, когда разрушено то, чему несправедливость вредит, а справедливость бывает на пользу? Или, может быть, то, на что действует справедливость и несправедливость, – что бы это там ни было, – мы считаем менее важным, чем тело?

Критон. Никоим образом.

Сократ. Значит, наоборот, более ценным?

Критон. Да, и намного.

Сократ. Стало быть, друг мой, уж не так-то мы должны Заботиться о том, что скажет о нас большинство, а должны думать о том, что скажет о нас человек, понимающий, что справедливо и что несправедливо, – он один, да еще сама истина. Таким образом, в твоём толковании неправильно прежде всего то, что ты считаешь, будто мы должны заботиться о мнении большинства, что справедливо, прекрасно, хорошо и что нет. «Но ведь большинство, – скажут на это, – в состоянии убить нас».

Критон. Конечно, скажут, Сократ.

Сократ. Верно говоришь... Но, мой милый, не знаю, как тебе, а мне кажется, что это наше рассуждение похоже на прежнее. Подумай-ка вот о чем: считаем мы еще или не считаем, что всего больше нужно ценить не самую жизнь, но жизнь хорошую?

Критон. Конечно, считаем.

Сократ. А что хорошее, прекрасное, справедливое – все Это одно и то же, считаем мы или нет?

Критон. Считаем.

Сократ. Так вот, на основании того, в чем мы согласны, нам и следует рассмотреть, справедливо ли будет, если я сделаю попытку уйти отсюда вопреки воле афинян, или же это будет несправедливо, и если окажется, что справедливо, то попытаемся это сделать, если же нет – то оставим такую попытку. А что ты говоришь о денежных издержках, о молве и о воспитании детей, то, говоря по правде, Критон, не есть ли это соображения людей, которые одинаково готовы убивать, а потом, если это было бы в их силах, воскрешать, и все это ни с того ни с сего; иначе говоря, не есть ли это соображения того же самого большинства? Но нам с тобою, как этого требует наше рассуждение, следует рассмотреть только то, о чем мы сейчас говорили: справедливо ли мы поступим, если заплатим деньги тем, кто меня отсюда выведет, и станем благодарить их, а также если сами выйдем отсюда либо выведем других, – или же мы поистине нарушим справедливость, поступив так? Если окажется, что поступать таким образом – несправедливо, тогда нечего уже считаться с тем, что, оставаясь здесь и ничего не предпринимая,

мы должны умереть или как-нибудь по-другому пострадать, – лишь бы не совершить несправедливости.

Критон. Говорить-то ты говоришь хорошо, Сократ, но укажи, что нам делать.

Сократ. Рассмотрим, мой друг, сообща, и если у тебя найдется что возразить на мои слова, то возражай, и я тебя послушаюсь, а если не найдется, то перестань уже, дорогой мой, повторять мне одно и то же, что я должен уйти отсюда вопреки афинянам. Впрочем, мне очень важно поступать в этом деле с твоего согласия, а не вопреки тебе. Обрати внимание на то, удовлетворит ли тебя начало рассмотрения, и постарайся отвечать на вопросы то, что думаешь.

Критон. Ну, конечно, постараюсь.

Сократ. Утверждаем ли мы, что никоим образом не надо добровольно нарушать справедливость или что в одном случае надо поступать несправедливо, а в другом нет? Или же несправедливый поступок никак не может быть хорошим или прекрасным, в чем мы и прежде нередко с тобою соглашались? Или все те наши прежние соглашения улетучились за эти несколько дней, и мы, люди пожилые, Критон, долго и как будто серьезно беседуя друг с другом, не заметили того, что ничем не отличаемся от детей? Или же всего вероятнее, что, как мы тогда говорили, так оно и есть: согласно или не согласно с этим большинство, пострадаем ли мы от этого больше или меньше, чем теперь, все равно – несправедливый поступок есть зло и позор для совершающего его, и притом во всех случаях. Утверждаем мы это или нет?

Критон. Утверждаем.

Сократ. Значит, ни в коем случае нельзя поступать несправедливо.

Критон. Нет, конечно.

Сократ. И значит, вопреки мнению большинства, нельзя и отвечать несправедливостью на несправедливость, раз уж ни в коем случае нельзя поступать несправедливо.

Критон. Очевидно, нет.

Сократ. Так что же, Критон: делать зло должно или нет?

Критон. Разумеется, не должно, Сократ.

Сократ. Ну, а воздавать злом за зло, как это утверждает большинство, будет справедливо или несправедливо?

Критон. Никоим образом.

Сократ. Потому что делать людям зло или поступать несправедливо – разницы нет никакой.

Критон. Ты прав.

Сократ. Стало быть, не надо ни отвечать на несправедливость несправедливостью, ни делать кому бы то ни было зла, даже если бы пришлось и пострадать от кого-нибудь. Обрати внимание, Критон, что, соглашаясь с этим, ты соглашаешься вопреки общепринятому мнению, – ведь я знаю, что

так думают и будут думать лишь немногие. А когда одни думают так, а другие иначе, тогда уже не бывает общего мнения, и непременно каждый презирает другого за его образ мыслей. Поэтому и ты вдумайся хорошенько, разделяешь ли ты этот взгляд, согласен ли ты со мной, и можем ли мы начать обсуждение, исходя из того, что никогда не будет правильным поступать несправедливо, отвечать на несправедливость несправедливостью и воздавать злом за претерпеваемое зло. Или ты отступаешься и не разделяешь исходного положения? А я с давних пор и по сей час держусь такого мнения. Если же, по-твоему, все это не так, а как-нибудь иначе, скажи и наставь меня. Но если ты останешься при прежних взглядах, тогда слушай дальше.

Критон. Я остаюсь при прежних взглядах и согласен с тобой, продолжай же.

Сократ. Я скажу о том, что отсюда следует, – или, вернее, спрошу: если ты признал что-нибудь справедливым, нужно ли это исполнять или не нужно?

Критон. Нужно.

Сократ. Вот и делай вывод: уходя отсюда без согласия государства, не причиняем ли мы этим зла кому-нибудь, и если да, то не тем ли, кому всего менее следует его причинять? Или нет? И не преступим ли мы то, что сами признали справедливым?

Критон. Я не могу отвечать на твой вопрос, Сократ, потому что не понимаю его.

Сократ. Тогда посмотри вот как: если бы, чуть только собрались бы мы отсюда удрать – или как бы это там ни называлось, – вдруг пришли бы Законы и Государство, стали бы и спросили: «Скажи-ка, Сократ, что это ты задумал делать? Не замыслил ли ты этим своим поступком, который собираешься совершить, погубить нас, Законы, и все Государство, насколько это от тебя зависит? Или, по-твоему, еще может стоять целым и невредимым то государство, в котором судебные приговоры не имеют никакой силы, но по воле частных лиц становятся недействительными и отменяются?» Что скажем мы на эти и на подобные вопросы, Критон? Ведь всякий – не только оратор – может многое сказать в защиту этого поправленного закона, который требует, чтобы судебные решения сохраняли свою силу. Или, может быть, мы скажем им: «Государство поступило с нами несправедливо и неправильно решило дело»? Так мы, что ли, скажем?

Критон. Именно так, клянусь Зевсом, Сократ!

Сократ. А что сказали бы Законы? «Разве мы с тобой, Сократ, улаживались и об этом, или только о том, чтобы выполнять судебные решения, вынесенные Государством?» И если бы мы удивились их словам, то, вероятно, они сказали бы: «Не удивляйся нашим словам, Сократ, но отвечай, – ведь у тебя и так вошло в привычку прибегать к вопросам и ответам. Скажи же, в чем провинились перед тобой и мы и Государство, за что ты собира-

ешься погубить нас? Прежде всего не мы ли породили тебя? И разве не благодаря нам взял в жены твою мать отец твой и произвел тебя на свет? Укажи, порицаешь ли ты за что-нибудь тех из нас, которые относятся к браку?» «Нет, не порицаю», – сказал бы я на это. «А те, которые относятся к воспитанию ребенка и к его образованию? Ведь ты и сам был воспитан согласно им! Разве нехорошо распорядились те из нас, Законов, которые этим управляют, что предписывали твоему отцу, чтобы в твоё воспитание входили музыка и гимнастика?» «Хорошо», – сказал бы я. «Так. А раз ты родился, взращен и воспитан, можешь ли ты отрицать, что ты наше порождение и наш невольник, – и ты и твои предки? Если же это так, неужели ты считаешь, что твои права и наши права равны? И что бы мы ни намерены были с тобою сделать, неужели ты считаешь себя вправе противодействовать этому? Если бы у тебя был отец, то с ним ты не был бы равноправен, то же самое и с твоим господином, будь у тебя господин, – так что если бы ты от них что-нибудь терпел, то не мог бы воздавать им тем же самым: ни отвечать бранью на брань, ни побоями на побои, ни многое тому подобное; так неужели же с Отечеством и Законами все это тебе позволено? И если мы, находя это справедливым, вознамеримся тебя погубить, то ты, насколько это от тебя зависит, вознамеришься погубить нас, – то есть Закон и Отечество, и при этом будешь говорить, что поступаешь справедливо, – ты, который поистине заботишься о доблести? Или ты, при всей своей мудрости, не замечашь того, что Отечество дороже и матери, и отца, и всех остальных предков, оно более почтенно, более свято и имеет больше значения и у богов и у людей – у тех, у кого есть ум, – и перед ним надо благоговеть, ему надо покоряться и, если оно разгневано, угождать ему больше, чем родному отцу. Надо либо его переубедить, либо исполнять то, что оно велит, а если оно приговорит к чему-нибудь, то нужно терпеть невозмутимо, – будут ли то побои или оковы, пошлет ли оно на войну, на раны и на смерть; все это нужно выполнять, ибо в этом справедливость. Нельзя отступать, уклоняться или бросать свое место в строю. И на войне, и на суде, и повсюду надо исполнять то, что велит Государство и Отечество, или же стараться вразумить их, в чем состоит справедливость. Учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над Отечеством – нечестиво». Что мы на это скажем, Критон? Правду ли говорят Законы или нет?

Критон. Мне кажется, правду.

Сократ. «Ну вот и рассмотрим, Сократ, – скажут, вероятно, Законы, – правду ли мы говорим, что ты намереваешься поступить с нами несправедливо, замыслив теперь такое дело. Мы тебя родили, вскормили, воспитали, наделили всевозможными благами, и тебя, и всех остальных граждан, однако мы объявляем, что всякому желающему из афинян, после того как он занесен в гражданский список и познакомился с государственными делами и с нами, Законами, предоставляется возможность, если мы ему не нравимся, взять свое имущество и выселиться, куда ему угодно. Никто из нас.

Законов, не ставит препятствий и не запрещает тому из вас, кто пожелает, отправиться в колонию – раз и мы и Государство ему не нравимся – или даже переселиться в другое государство, куда ему угодно, и сохранить при этом свое имущество. О том же из вас, кто остается, зная, как мы судим в наших судах и ведем в Государстве прочие дела, мы уже можем утверждать, что он на деле согласился выполнить то, что мы велим; а если он не слушается, то мы говорим, что он втройне нарушает справедливость: тем, что не повинуется нам, своим родителям, тем, что поступает вопреки нам, своим воспитателям, и тем, что, дав согласие нам повиноваться, он все же оказывает неповиновение и не старается переубедить нас, когда мы делаем что-нибудь нехорошо, и хотя мы предлагаем, а не грубо приказываем исполнять наши решения и даем ему на выбор одно из двух – или переубедить нас, или исполнять, – он не делает ни того, ни другого.

Таким-то вот обвинениям, говорим мы, будешь подвергаться и ты, Сократ, если совершишь то, что у тебя на уме, и притом не меньше, а больше, чем иные афиняне...» А если бы я сказал; «Почему же?» – они, пожалуй, справедливо заметили бы, что ведь я-то больше иных афинян соглашался с ними. Они сказали бы: «У нас, Сократ, есть много доказательств, что тебе нравились и мы, и наше Государство, потому что не обосновался бы ты в нем крепче всех афинян, если бы оно не нравилось тебе так крепко. Ты никогда не выезжал из нашего города ради празднеств, где бы их ни праздновали, – разве что однажды на Истм, да еще на войну; ты никогда не путешествовал, как другие люди, и не нападала на тебя охота увидеть другой город с другими законами. С тебя было довольно нас и нашего города – вот до чего предпочитал ты нас и соглашался жить под нашим управлением; да и детьми обзавелся ты в нашем городе потому, что он тебе нравится. Наконец, если бы ты хотел, ты еще на суде мог бы потребовать для себя изгнания и сделал бы тогда с согласия Государства то самое, что задумал сделать теперь без его согласия. Но в то время ты напускал на себя благородство и как будто бы не смущался мыслью о смерти и твердил, будто предпочитаешь смерть изгнанию; а теперь ты тех слов не стыдишься и нас, Законы, не почитаешь, пытаясь нас уничтожить. Ты поступаешь так, как мог бы поступить самый негодный раб, собираясь бежать вопреки обязательствам и соглашениям, по которым ты обязывался жить под нашим управлением. Итак, прежде всего отвечай нам вот на что: правду ли ты говорил или неправду, утверждая, что ты не на словах, а на деле согласился жить под нашим управлением?» Что мы на это скажем, Критон? Не согласимся ли мы с этим?

Критон. Непременно, Сократ.

Сократ. «В таком случае, – могут они сказать, – не нарушаешь ли ты обязательств и соглашений, которые ты с нами заключил не по принуждению, не бывши обманут и не имевши надобности решать дело за короткий срок: ведь у тебя было семьдесят лет – довольно времени, чтобы уйти, если

бы мы тебе не нравились и эти соглашения казались бы тебе несправедливыми. Но ты не предпочел не Лакедемона, ни Крита, таких благоустроенных, как ты постоянно утверждаешь, ни еще какое-нибудь из эллинских или варварских государств; ты отлучался отсюда реже, чем хромые, слепые и прочие калеки, – очевидно, тебе более, чем остальным афинянам, нравился этот город и мы, Законы. А теперь ты отказываешься от наших соглашений? Последовал бы ты нашему совету, Сократ! Не смешил бы ты людей своим бегством из города!

Подумай в самом деле: преступив наши соглашения и свершив эту ошибку, что хорошего сделаешь ты для себя самого и для своих близких? Что твоим близким будет угрожать изгнание, что они могут лишиться родного города или потерять имущество, это по меньшей мере очевидно. Да прежде всего ты сам, если отправишься в один из ближайших городов, в Фивы или Мегары, – ведь оба этих города управляются хорошими Законами, – то придешь туда, Сократ, врагом государственного порядка этих городов: с все те, кому дорог их город, будут на тебя коситься, считая тебя губителем законов, и ты упрочишь за твоими судьями славу, будто они правильно решили твое дело, – ведь губитель законов очень и очень может показаться также и губителем молодежи и людей несмышленных. А может быть, ты намерен избегать благоустроенных государств и порядочных людей? Но в таком случае стоит ли тебе жить? Или ты пожелаешь сблизиться с такими людьми и не постыдишься с ними беседовать? Но о чем же беседовать, Сократ? О том же, о чем и здесь, – о том, что для людей всего дороже доблесть и справедливость, обычаи и законы? Неужели, по-твоему, это было бы достойно Сократа? А ведь надо бы додумать об этом. Но, положим, ты ушел бы подальше от этих мест и прибыл бы в Фессалию, к друзьям Критона; там величайшее неустройство и распущенность, и, верно, они с удовольствием стали бы слушать твой рассказ о том, как это было смешно, когда ты скрылся из тюрьмы, переряженный в козью шкуру или еще во что-нибудь, что надевают обыкновенно при побеге, и изменив свою наружность. А что ты старый человек, которому, как оно и естественно, уже недолго осталось жить, посмел так малодушно цепляться за жизнь, преступив самые главные законы, – разве никто так о тебе не скажет? Может, и не скажет, если ты никого не заденешь, а не то, Сократ, придется тебе выслушать много такого, чего ты вовсе не заслужил. И вот будешь ты жить, заискивая у всякого и прислуживаясь, и ничего тебе не останется делать, кроме как услаждать себя едой, как будто ты отправился в Фессалию на обед. А где беседы о справедливости и доблести? Ты желаешь жить ради детей, для того чтобы вскормить и воспитать их? Как же это, однако? Ты уведешь их в Фессалию, вскормишь и вспоишь и ради этого сделаешь их чужестранцами? Или же, по-твоему, если ты будешь жив, они, несмотря на твое отсутствие, получают лучшее воспитание и образование, потому что твои близкие позаботятся о них? Значит, если ты переселишься в Фессалию, они позаботятся,

а если переселишься в Аид, то не позаботятся? Надо думать, что позаботятся и тогда, если только на что-нибудь годятся те, кто называет себя твоими близкими.

Нет, Сократ, послушайся ты нас, твоих воспитателей, и не ставь ничего выше справедливости – ни детей, ни жизни, ни еще чего-нибудь, чтобы, придя в Аид, ты мог этим оправдаться перед теми, кто правит там. В самом деле, Сократ, если ты сделаешь то, что намерен, то будет это и менее справедливо и менее благочестиво, а значит, и здесь не будет от этого хорошо ни тебе, ни твоим, да и после того, как ты придешь туда, будет не лучше. Если ты теперь отойдешь, то отойдешь обиженный не нами, Законами, а людьми. Если же ты уйдешь из тюрьмы, так позорно воздав обидой за обиду и злом за зло, преступив заключенные с нами соглашения и договоры и причинив зло как раз тем, кому всего менее следовало причинять его, – самому себе, друзьям. Отечеству и нам, то мы разгневаемся на тебя при твоей жизни, да и там наши братья, Законы Аида, неблагосклонно примут тебя, Зная, что ты и нас пытался погубить, насколько это от тебя зависело. Не дай Критону убедить тебя совершить то, что он советует, слушайся лучше нас».

Уверяю тебя, милый друг Критон, мне кажется, что я все это слышу, как и корибантствующим кажется, что они слышат флейты, и отголосок этих речей гудит во мне так, что я не могу слышать ничего другого. Вот ты и знай, каково мое мнение теперь; если ты станешь ему противоречить, то будешь говорить понапрасну. Впрочем, если думаешь одолеть, говори!

Критон. Но мне нечего сказать, Сократ.

Сократ. Оставь же это, Критон, и сделаем так, как указывает бог»¹

Платонизм оказал существенное влияние на формирование идеи государственности как умопостигаемого идеального принципа. Продолжая концептуализацию права, осуществляемую в философии Сократа и Платона, Аристотель соотносит правовую реальность с категориями логики и, одновременно, вводит социальность как основополагающий принцип функционирования правовой системы не как идеальной модели, а как реально существующей.

Первый систематик-философ родился в 384 году до н. э. в Стагире. Ему довелось родиться в семье людей, имеющих благородное происхождение. Отец Аристотеля на тот момент являлся потомственным лекарем, который служил при царском дворе врачом, и именно от него сын узнавал азы философии и искусства врачевания. Детские годы мальчика в основном протекали при дворе. Будучи ребёнком ему пришлось лишиться всей своей семьи и попасть под опеку Проксена, который дал ему хорошее воспитание. В 367 году 17-летний Аристотель поехал в Афины, чтобы изучать там

¹ Платон Критон Цит. по <http://psylib.org.ua/books/plato01/02krito.htm> (дата обращения: 12.09.2017).

философию, там он пробыл в течении 20 лет. Во время пребывания в этом великом городе, он поступил в знаменитую академию, открытую Платоном. Проявляя большие успехи в учебе, он был замечен мыслителем, а после стал его лучшим учеником.

Область его философских достижений и интересов довольно интересна. Аристотель основал собственную философскую школу в Ликее – гимназии на востоке города, близ храма Аполлона Ликийского. У Аристотеля была довольно интересная привычка – изучать что-либо прогуливаясь вперед-назад, в связи с этим его школа и ученики получили такое название – перипатетики, то есть «прогуливающиеся». В своей школе философ читал два основных вида лекций: экзотерические – вид лекций предназначенный для широкой публики; и акроаматические – то есть лекции, предназначенные для основательно подготовленных последователей.

Аристотель признавал объективное существование материи, считал, что она вечна, несотворима и неуточима, однако, сама по себе инертна и пассивна. Также философ рассматривал соотношение категорий материи и формы, акта и потенции, усматривал причинную зависимость сущего. Благодаря своим анализам в области соотношения акта и потенции, он ввел в область философии принцип развития, из которого вытекает понятие перичности.

Являясь лучшим учеником и другом Платона, он осмеивался оспаривать его учения об идеях. Платон считал, что идеи образуют особый высший бестелесный мир, а Аристотель видел в них лишь сущности материальных явлений, заключённые в самих этих последних. В ходе этих споров Аристотель произнес свою известную фразу: «Платон мне друг, но истина дороже».

В 343 года Аристотель был приглашен на службу к царю Филиппу II в качестве учителя для его сына – Александра Македонского. Философ прививал ему серьезные мысли и старался возбуждать большие стремления к благородным поступкам и подвигам. До конца своих дней пользовался огромным уважением и являлся лучшим спутником, другом и вдохновителем у царя Александра. Преемником Аристотеля на посту главы Ликейя стал его самый талантливый ученик Теофраст (Феофраст).

Известные труды Аристотеля – это «Метафизика», «Политика», «Физика» и др. Наследие философа довольно обширно, принято причислять его к самым влиятельным диалектикам, основоположником формальной логики.

Приведем некоторые высказывания философа, иллюстрирующие его отношение к государственно-правовой реальности: ««Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же Общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ

стремится к общению, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин», «господин» суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин – тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин – тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число – это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки – политики. Это, однако, далеко от истины.

Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчленив сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение»¹.

«Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреческих племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей – селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок. Об этом именно и упоминает Гомер, говоря: «Правит каждый женами и детьми», ведь они жили отдельными селениями, как, впрочем, и вообще жили люди в древние времена. И о богах говорят, что они состоят из власти царя, потому что люди – отчасти еще и теперь, а отчасти и в древнейшие времена – управлялись царями и, так же как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили, это представление и на образ жизни богов.

Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном

¹ Аристотель Политика / http://yakov.works/libr_min/01_a/ri/stotel_18.htm (дата обращения 03.11.18).

смысле существо, либо в сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игровой доске»¹.

«Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо, Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позывах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения»².

«Так как всякая семья составляет часть государства, а все указанные выше люди являются частями семьи и так как добродетели отдельных частей должны соответствовать добродетелям целого, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устройению, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин. И с этим необходимо считаться, потому что женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни. Основоположения относительно этого предмета нами определены, о прочем речь будет идти в своем месте. Ввиду этого мы наши теперешние рассуждения, считая их законченными, оставляем и обращаемся к новому началу. Прежде всего разберем мнения тех писателей, которые представили свои проекты наилучшего государственного устройства»³«.

¹ Аристотель Политика / http://yakov.works/libr_min/01_a/ri/stotel_18.htm (дата обращения 03.11.18).

² Там же.

³ Аристотель Политика / http://yakov.works/libr_min/01_a/ri/stotel_18.htm (дата обращения 03.11.18).

В целом, Аристотель ярко иллюстрирует античный переход от правового идеализма к пониманию права как материально и обыденно функционирующей системы знания.

Достояние древнегреческой философии права становится основанием для формирования древнеримского правотворчества. Среди прочих авторов, оказавших влияние на концептуализацию учения о праве в древнем Риме интерес представляет Цицерон.

Марк Туллий Цицерон родился в 106 году до н.э., в греческом городе под названием Арпинум. Его семья относилась к сословию всадников. Для того, чтобы сыновья могли получить достойное образование, отец Цицерона отвез их в Рим. Таким образом, переехав в Рим, мальчик начал оттачивать свои врожденные ораторские способности, изучая риторику и философию. В то же время он начал впервые выступать в гражданских процессах. Выступая на различных процессах, Цицерон начал все больше укреплять свой авторитет и зарабатывать славу выдающегося оратора, побеждая в то время не менее известных ораторов. В течении своей жизни занимал различные должности, самой значительной из которых, явилась должность консула.

В ходе его творческой деятельности на свет появились сочинения, которые можно разделить на:

- Речи
- Риторические сочинения о теории красноречия
- Письма
- Философские сочинения

К числу Речей можно отнести такие выдающиеся работы как «В защиту Секста Росция из Америк» (80 г.), «Против Гая Верреса» (70), «О предоставлении империя Гнею Помпею» (66) и другие. Основные их особенности состоят в их живом изложении, искусном построении периодов, пышностью слога. В своих риторических сочинениях Цицерон выясняет и обосновывает свое положение оратора в обществе. К знаменитым работам относят «Об ораторе» (55 г.); «Брут, или о знаменитых ораторах» (46 г., очень важная для нас история римского красноречия) и «Оратор» (46 г., об идеале оратора). Письма Цицерона также являются неисчерпаемым и неоценимым источником в то время, их насчитывается немалое количество – примерно 864.

Философские сочинения Цицерона выражены преимущественно в диалоговой форме, но по сути своей не имеющие какой-либо, оригинальности, так называемой самостоятельной ценности. Причиной того служило то, что они в основном почерпнуты из греческих источников, которые Цицерон делал специально доступными для своих соотечественников. Он стремился ознакомить римлян с греческой философией, дававшей ему много отрады в часы отдыха. Когда тревожные события отеснили Цицерона от политической деятельности и семейные несчастья опечалили его, философия была ему развлечением и утешением. Потому важнейшие из его философских

трактатов принадлежат последним годам его жизни; он тогда усердно изучал системы академиков, перипатетиков и стоиков; результаты своих размышлений о них он излагал ясным языком и часто с одушевлением; философскую терминологию латинского языка выработал именно он. К наиболее выдающимся следует отнести «О государстве», написано в 54 г., сохранилось не в полном виде; «Парадоксы стоиков» (46 г.); «О пределах блага и зла» (45 г.); «Учение академиков» (45 г., сохранились вторая книга первой и первая второй редакции).

Цицерон рассматривал философию с основным в качестве утешительницы и целительницы. В связи с этим он выбирал только практическую сторону философии, через которую, по его мнению, проходят все взгляды философских течений. Он пишет, что заниматься философией его побудила «душевная скорбь, вследствие великого и тяжкого удара судьбы. Если бы я мог найти большее утешение от какого-нибудь другого занятия, я предпочел бы прибегнуть к нему [не к философии]. А тем средством, к которому я прибегнул, я не мог воспользоваться лучше, чем отдавшись не только чтению книг, но также изучению всей философии».

Заслуга Цицерона состоит в том, что он в своих сочинениях сформировал философский язык в латинской терминологии. Но он не просто переводит с греческого языка на латинский философские понятия, а преобразует всю философию в духе римского миропонимания.

Говоря в целом о римском (завершающем периоде) античной философии права, стоит отметить поворот от в чистом виде философии к развитию и обоснованию самостоятельных частных правовых дисциплин. Профилизация права становится закономерным процессом формирования самостоятельной правовой дисциплины, все еще взаимосвязанной с философией, но выполняющей собственные прагматические задачи.

Развитие философии права в средние века вводит в систему координат понятие божественного закона как всеобщего основания. Божественный закон представляет собой синтез естественного права и почитаемого в качестве такового свод правил, изложенный в священном Писании. Вместе с тем, в средневековой практике конкретизируется и содержание позитивного права как закона, созданного людьми. Характеризуя этот период развития права, Нерсесянс отмечает следующее. «Смысл естественного закона для человека как особого существа, одаренного богом душой и разумом (прирожденным, естественным светом разума и познания), состоит в том, что человек по самой своей природе наделен способностью различать добро и зло, причастен к добру и склонен к действиям и поступкам свободной воли, направленной к осуществлению добра как цели. Это означает, что в сфере практического поведения человека (в области практического разума, требующего делать добро и избегать зла) действуют правила и веления, естественно определяющие порядок человеческих взаимоотношений в силу

прирожденных человеку влечений, инстинктов и склонностей (к самосохранению, браку и деторождению, к общежитию, богопознанию и т. д.). Для человека как разумного природного существа действовать по естественному закону означает вместе с тем требование действовать по велению и указанию человеческого разума.

Различие в естественных (физических, эмоциональных и интеллектуальных) свойствах и качествах разных людей, разнообразие жизненных обстоятельств и т. п. приводят к неодинаковому пониманию и применению требований естественного закона и различному отношению к ним. Обусловленная этим неопределенность, которая связана с неконкретизированностью велений естественного закона, противоречит их общеобязательному и по сути своей единому для всех людей характеру и смыслу. Отсюда, т. е. из существа самого естественного закона, вытекает необходимость человеческого закона, который, с учетом потребности в определенности и дисциплине в человеческих отношениях к правилам и принципам естественного закона, берет их под защиту и конкретизирует их применительно к разнообразным обстоятельствам и частностям человеческой жизни.

Человеческий закон в трактовке Фомы – это положительный закон, снабженный принудительной санкцией против его нарушений. Совершенные и добродетельные люди, замечает он, могут обходиться и без человеческого закона, для них достаточно и естественного закона. Но чтобы обезвредить людей порочных и неподдающихся убеждениям и наставлениям, необходимы страх наказания и принуждение. Благодаря этому в людях развиваются природные нравственные свойства и задатки, формируется прочная привычка действовать разумно, по свободной (т. е. доброй) воле.

Человеческим (положительным) законом, согласно учению Фомы, являются только те человеческие установления, которые соответствуют естественному закону (велениям физической и нравственной природы человека), иначе эти установления – не закон, а лишь искажение закона и отклонение от него. С этим связано различие Фомой справедливого и несправедливого человеческого (позитивного) закона.

Цель человеческого закона – общее благо людей, поэтому законом являются лишь те установления, которые, с одной стороны, имеют в виду это общее благо и исходят из него, а с другой стороны, регламентируют человеческое поведение лишь в его связи и соотнесенности с общим благом, которое выступает в виде необходимого (конституирующего) признака и качества положительного закона.

Из соответствия человеческого закона естественному вытекает также необходимость установления в положительном законе реально выполнимых требований, соблюдение которых посильно для обыкновенных, несовершенных в своем большинстве, людей. Закон положительный должен брать людей такими, каковы они есть (с их недостатками и слабостями), не

предъявляя чрезмерных требований (в виде, например, запрещения всех пороков и всего зла).

С этим связана и одинаковость (равенство) требований, предъявляемых положительным законом в интересах общего блага ко всем людям (равенство тягот, повинностей и т. д.). Всеобщность закона, таким образом, подразумевает момент равенства, в данном случае в виде применения равной меры и одинакового масштаба требований ко всем.

Положительный закон, кроме того, должен быть установлен надлежащей инстанцией (в пределах ее правомочий, без превышения власти) и обнародован.

Только наличие у человеческих установлений всех этих свойств и признаков делает их положительным законом, обязательным для людей. В противном случае речь идет о несправедливых законах, которые, по оценке Фомы, не будучи собственно законами, не обязательны для людей»¹.

В средневековом праве основными источниками являлись местные позитивно принимаемые правовые акты, священное Писание и конкретные логические построения, показывающие взаимосвязь между определенным событием и его юридической трактовкой. В этот период позиции логики и риторики в праве только усиливаются, но при этом, логическая опора носит вспомогательное, а не смыслообразующее значение.

Следующим важнейшим периодом концептуализации права становится новое время. В этот период поднимается вопрос о пересмотре схоластического подхода к правовой реальности. Право теперь представляет интерес как объективная данность, столь же объективная как и законы природы. В отличие от законов природы право при этом не познается, а создается как социальная надстройка. Следовательно, в познании нуждается прежде всего не природа законов, а природа человека и общества, а право должно соотноситься с этой научно постигаемой природой.

Одним из значимых философов права новоевропейской традиции являлся Фрэнсис Бэкон. Определяя степень его влияния на философию права Нерсисянц полагает следующее. «Отвергая схоластику и спекулятивный априоризм, он (Бэкон) защищал и развивал эмпирический метод исследования природы (включая сюда и «природу человека»). В программном произведении Бэкона «Великое восстановление наук» философско-правовой проблематике посвящен специальный раздел с характерным названием: «Образец трактата о всеобщей справедливости, или об источниках права, в одной главе, в форме афоризмов». Проблема «всеобщей справедливости» трактуется Бэконом в юридическом плане, в плоскости надлежащих качеств позитивного права, его источников и т. д. В гражданском обществе, – писал он, – господствует или закон, или насилие. Но насилие иногда принимает обли-

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. М. Норма., 2005. С. 441-442.

чье закона, и иной закон больше говорит о насилии, чем о правовом равенстве. Таким образом, существуют три источника несправедливости: насилие как таковое, злонамеренное коварство, прикрывающееся именем закона, и жесткость самого закона. Бэкон проводит различие между законом по существу (справедливым законом, противостоящим насилию, включающим в себя принцип «правового равенства» и выражающим требования «всеобщей справедливости») и формальным законом (законом лишь по «обличью», форме, названию, словом – несправедливым, насильственным, антиправовым законом). Речь по сути дела идет о различении права и закона. Имея в виду именно справедливые (правовые) законы, Бэкон писал, что «законы – якоря государства». Наличие этого различения права и закона в концепции Бэкона тем более важно подчеркнуть, что в силу своего метода и преимущественного интереса к вопросам позитивного права он оказал заметное влияние на проникновение эмпирически ориентированного позитивистского метода в юриспруденцию, на становление позитивистской правовой науки и вообще развитие юридического позитивизма, представители которого, напротив, принципиально отвергают такое различие. Естественное правовое значение такой бэконовской характеристики закона, как справедливость, отчетливо видно из следующих его слов: В то же время в высшей степени правильно то, что люди обладают уже от природы некоторыми нравственными понятиями, сформированными под влиянием естественного света и естественных законов, такими, как добродетель, порок, справедливость, несправедливость, зло»¹.

Одним из наиболее видных авторов, оказавших влияние на новоевропейскую философию права был Джон Локк.

Родился этот замечательный философ 29 августа 1632 г. Рингтон, Англия, в семье судейского чиновника.

В 15 лет поступил в Вестмирскую школу (лучшее учебное заведение того времени), далее с 20 лет обучался в Крайст-Черч-колледж Оксфордского университета. Локк учился старательно и в 1658 стал научным сотрудником колледжа. Он должен был преподавать философию Аристотеля, однако разочаровавшись в ней, стал заниматься медициной. Не получив результатов и в медицине, Локк в возрасте 35 лет волей судьбы знакомится с лордом Эшли (Шефтсберри в дальнейшем) и становится его домашним врачом.

Увидев в Джоне родственную душу, Шефтсберри стал заботиться о будущих продвижениях своего домашнего врача. Таким образом, при поддержке нового друга, Джон Локк становится философом. Он посвящает своё время дискуссиям и на основании полученного опыта начинает писать “Опыт о человеческом разумении” и оканчивает его написание спустя 20 лет.

¹ Нерсисянц В.С. Философия права. М. Норма., 2005. С. 456.

В 1683-1689 философ вынужден был эмигрировать в Голландию, где знакомится с кругом Вильгельма Оранского и после его провозглашения королем Англии в 1689 г возвращается на родину и анонимно публикует свою новую работу: “Два трактата о государственном правлении”, где ставит цивилизованную форму правления в противовес деспотичной. Занимаясь наряду с государственной службой научной и литературной деятельностью, в 1693 издает “Мысли о воспитании”, а в 1695 свет увидел и “Разумность христианства”.

Умирает философ в возрасте 72 лет, 28 октября 1704 года, от астмы в загородном доме своей подруги.

Философские достижения:

Основные философские труды:

1. “Опыт о человеческом разумении”
2. “Два трактата о государственном правлении”
3. “Мысли о воспитании”
4. “Разумность христианства”

Несмотря на то, что Локк считает целью своей философии создание средств для достижения человеком счастья, его учения и достижения можно поделить на три раздела: философия познания, социальная философия и этическая философия.

Философия познания предполагает, что разум- это основное средство познания, которое отличает человека от других чувствующих существ. Врожденных идей и принципов не существует, они формируются в процессе эмпирического познания (чувственного опыта). Пределы человеческого познания ограничиваются субъективными факторами (ограниченность органов чувств) и объективными (недоступная бесконечность макро и микромиров).

Социальная философия излагается в “Два трактата о государственном правлении”, где Локк говорит об двух переживаемых обществом состояниях – естественном (законы природы, полная независимость человека) и гражданском (законы общества, система правления). Философ преследует цели мирного сосуществования людей, он выступает против всяческого насилия. Человеку следует жить умеренно и рационально.

Этическая философия, в ней Локк говорит об важности воспитания. Все, что человек должен получить от воспитания, необходимо своевременно закладывать. Воспитание должно ориентироваться на развитие интеллекта и внутреннего мира.

Весьма существенное влияние на становление философии права оказал Шарль Луи де Монтескье. Он родился 18 января 1689 г. Ла-Бред, Франция.

Отец философа был суров, и маленький Шарль рос в условиях патриархата. Его мать умерла, когда ему было семь лет, а спустя еще три года отец отправляет его в колледж при монастыре, где будущий философ изучает античную литературу и увлекается философией.

Спустя восемь лет начал изучать право в Бордоском университете и стал адвокатом в 1708, а в 1716 получил титул барона и пост заместителя председателя парламента Бордо. Однако карьера юриста не привлекала Монтескье, он стал интересоваться действующими законами, проблемами, связанными с социальными институтами и принципами права. Спустя десять лет, в 1726 Шарль с радостью отказывается и продает свою должность.

В 1721 году, одно из произведений философа “Персидские письма”, где высмеивается государственное устройство, политика, религия и самодержавное правление западного общества, видит свой свет. В 1725 пишет “Книдский храм”. Благодаря своей творческой деятельности в 1728 году принимается в Французскую академию. В этом же году Монтескье пускается в путешествие по Италии, Германии, Голландии. Большое впечатление на философа оказало пребывание в Англии, где была разрешена политическая оппозиция.

В 1731 году его путешествие оканчивается, и Шарль возвращается на родину, где последующее годы занимается написанием очередного произведения “О духе законов”, которое считается трудом всей его жизни. Также рукой Монтескье было написан философско-исторический трактат “Размышления о причинах величия и падения римлян”, где рассказывается, что активное участие граждан в управлении государством – залог развития и процветания.

В 1754 году отправляется в Париж, чтобы оказать правовую помощь другу, однако философ заболевает и 10 февраля 1755 умирает.

Основные философские труды:

1. “Персидские письма”
2. “Книдский храм”
3. “Размышления о причинах величия и падения римлян”
4. “О духе законов”

Идеи, изложенные в произведении “О духе законов”, повлияли на развитие не только Франции, но и всего мира. Их суть заключается в разделении власти на три ветви: судебную, законодательную и исполнительную, исполнительную должен возглавлять король, ни одна из них не должна поглощать другую, тогда по словам самого философа возникнет хаос. Разделение властей несет в себе цель избавить государство от злоупотребления властью

Также Монтескье много писал об государстве и обществе. Суть одной из идей, например, заключается в том, что формирование государства обусловлено необходимостью людей, живущих в обществе, в общих правилах. Люди, живущие в обществе, рано или поздно чувствуют силу и в результате возникают конфликты между народами. По словам философа, людьми правят не боги или судьба, а физический и нравственный порядок – примеры прошлого, законы, нравы, обычаи, этот порядок именуется народным духом, который необходимо беречь от изменений, так как он не враждебен

принципам правления, а все, что мы делаем независимо и с желанием – делаем лучше всего. Ум философа добрался и до человеческой свободы, которая, по его мнению, обеспечивается только законом “Свобода – это и есть право делать то, что не запрещено законом” говорил он.

Глава 2. Историческая эволюция реальности права и государства: социоструктурный и системный аспект

Время как определяющая категория социальных изменений не является постоянной величиной. Время событийное или социальное время неумолимо ускоряется и это ускорение носит характер прогрессии. Увеличивается население, увеличивается человеческий потенциал, сокращается расстояние, коммуникация становится практически мгновенной (при необходимости). Планета становится обозримой замкнутой системой с конкретным количеством территорий и природных ресурсов. В силу процесса глобализации происходит трансформация правовой реальности, но не на локальном уровне (государства), а на глобальном (в масштабах планеты). При этом процесс трансформации не может быть одновременным и равномерным. В результате дизритма социальных изменений разрушаются привычные связи, нарушается коммуникация, подвергаются деструкции социальные группы.

Деструктивные процессы, сопутствующие глобальной трансформации не несут аксиологического содержания (они не благо и не зло) – они просто есть и с ними нужно считаться. С другой стороны, общество никогда не исходило из абсолютной объективности, всегда любые процессы рассматриваются прагматически и субъективно. Отсюда справедлива констатация факта: глобальные изменения неизбежны, но облик глобального мирового пространства может быть разным. Современные политические системы вступают в состояние конкурентной борьбы за гегемонию в мире, который станет результатом трансформации и объединения. Но на сегодняшний день эта борьба не может быть завершенной ввиду невозможности самой глобализации в ее абсолютном смысле. Несмотря на это, общество трансформируется, усиливается динамика социальных процессов, интенсифицируется взаимное проникновение социальных институтов в сферу политики, равно как и политика включает в себя все больше сфер изначально не политического характера.

Наличие социальной деструкции в современном мире неизбежно. Объяснение этому очень простое: социальные группы обладают в той или иной степени характером статики, что с одной стороны помогает им выжить во время медленных изменений и добавляет элемент хрупкости в эпоху нестабильности. Подразделяясь на составные части (институты, группы) общество изменяется не сразу и не все, а частями и с разной скоростью. Отсюда как следствие возможно разрушение статичных конструкций, отстающих по скорости изменения, или наоборот, развивающихся слишком быстро. Другой аспект деструкции связан с тем, что общество (глобальное) делится на множество локальных обществ, коммуникативно связанных, но разделенных между собой.

Происходящие процессы трансформации возможны как локально (в рамках замкнутой правовой реальности), так и интегрировано (в системе взаимопроникновения социальных систем). Так как политический институт в рамках каждого из локальных образований (государств) отвечает за жизнеспособность государства, то содержанием института политики также является борьба за власть и сохранение себя. Точкой соприкосновения этих двух главных интересов является стратегическое планирование сценария процесса глобализации с выгодным для себя результатом. Отсюда, одним из главных инструментов политической власти становится институт науки, позволяющий не только исследовать общество, но и влиять на его изменение, предсказывать последствия тех или иных процессов и гармонизировать трансформационные процессы локальных обществ. Чтобы выявить природу социальной деструкции и основные стратегии противодействия ей обратимся к последовательному рассмотрению сущностных оснований изменения общества и выделим возможные методологические подходы.

Стоит учитывать, что исследование не обращено к статичному предмету. Предмет – процесс трансформации и его системные последствия. Выявим наиболее важные направления. Во-первых, коль скоро речь идет о системной трансформации, то и анализ исследуемого предмета должен быть системным. Во-вторых, существенным дополнением системного метода служит метод феноменологического рассмотрения, прагматика которого в том, чтобы различать в явлениях аспект видимости и их сущностные основания¹. И, наконец, третьим аспектом, позволяющим раскрыть сущность трансформационных процессов является структурно-функциональный анализ, разработанный Мертоном и Парсонсом. На наш взгляд, только комплексное исследование глобальной трансформации современного общества с выводами на институциональном уровне позволит разрешить вопросы, возникающие абстрактно, как реакция на субъективно-видимые или частично-видимые социальные процессы и ответить на главные практические вопросы настоящего исследования: какова социальная природа деструкции основных институтов, как необходимо реагировать локальному обществу (государству) на процессы глобальной трансформации и как следует понимать (и реагировать на него) феномен экстремизма.

¹ Здесь стоит прокомментировать. Когда речь идет о видимости явления, которая не соответствует субстанциальному содержанию, с точки зрения социологии, сама по себе видимость уже значима и содержательна на уровне последствий. Простой пример из области социологии экономики. Экономический кризис может начаться благодаря видимости экономического кризиса и, напротив, одним из первых симптомов завершения экономического кризиса является не только социально отраженная мысль о том, что кризис есть, но и о том, что он проходит стадию разрешения. Тем самым, видимость в социальной системе также является существенным фактором, что, вместе с тем не говорит о том, что сама по себе видимость есть нечто большее.

Концептуально, исследование общества имеет две стороны – отражение ситуации на определенном этапе развития и рассмотрение исторического аспекта бытия социума, в рамках которого производится рассмотрение процессов трансформации, затрагивающих различные стороны организации общества и формы протекания социальных процессов. С одной стороны, характерным является построение моделей социума, с другой – рассмотрение исторических процессов, как непрерывной текучести социальных трансформаций. Последнее нередко характеризуется условным выделением этапов развития общества по определенным абстрактным критериям (например, форма правления или экономическая организация), однако, в целом, подобные исторические классификации не отражают в полной мере сложную специфику социального развития. Это проявляется, в частности, на уровне многообразия исторических подходов, источником которого является взятие за основу исторической классификации различных критериев деления (политика, экономика, культура и т. д.). Различные социальные трансформации имеют различные исторические рамки, и, в этом отношении крайне затруднительным является адекватное отражение специфики социального развития в последовательном историческом рассмотрении.

Оба обозначенных подхода – к выделению модели общества и к рассмотрению его исторической непрерывности развития объединяются в современной социологии на уровне создания динамической модели общества, которая, с одной стороны, рассматривает актуальное положение дел в рамках определенной правовой реальности, с другой – определяет интенции развития и исторические основания настоящей формы социального бытия. В рамках такого подхода производится рассмотрение специфики ситуации в обществе, имеющей место на момент рассмотрения. При этом, не ускользает от исследования ни момент исторических процессов, предопределивших сложившуюся ситуацию, ни перспективы и направленность социального развития. Подобное рассмотрение далеко от застывшего схватывания актуального положения дел, и, в сущности, не является ограниченным временными рамками, несмотря на то, что предметом рассмотрения в историческом плане является современность.

Отметим следующий аспект: общество стремится к существованию на уровне гармоничной системы, однако историческая данность демонстрирует наличие множества внутренних противоречий и отклонений от идеального состояния общественной структуры. Социум как систему (в первоначальном значении термина) можно рассматривать только на идеальном уровне, чем объясняется, в частности, укоренившаяся практика рассмотрения моделей гармоничного социального устройства в качестве утопий, не согласующихся с реалиями протекания общественных процессов.

Однако социальное бытие обнаруживает двойственность: с одной стороны, можно судить о наличии определенной идеальной модели, отражаю-

щей интенцию развития общества, как минимум, на уровне государственного регулирования социальных процессов, с другой, имеет место социальная реальность, характеризующаяся наличием ряда внутренних противоречий, как на структурном уровне, так и на уровне социального процесса. Адекватное отражение ситуации в обществе должно отражать на уровне социальной модели актуально существующий социальный порядок, рассматривать исторические предпосылки и естественное направление развития социальных процессов, и, вместе с тем, учитывать момент целеполагания на уровне государственного управления, что включает в себя соотнесение актуальной и идеальной моделей общества. В контексте обозначенных выше методологических задач, значительный интерес приобретает рассмотрение эволюции правовой реальности, что, с одной стороны, способствует определению предпосылок сложившейся ситуации, с другой – способствует пояснению ряда налично данных в рамках современной ситуации социальных процессов.

Эволюция правовой реальности, или, если быть точнее – социальных систем, представляет собой сложное явление, раскрытие которого требует как аналитического, так и исторического подхода. Само по себе рассмотрение изменений, происходящих на уровне общества в рамках его истории, как эволюции отражает существенную особенность социального процесса. Здесь следует обратить внимание на соотношение термина «эволюция» с термином «развитие». Развитие нередко рассматривается как развертывание неких внутренне присущих объекту, имплицитно содержащихся в нем качеств и характеристик. Развитие, как развертывание – это, в сущности, линейный процесс, разнообразие в котором может иметь место разве что на уровне последовательности проявления отдельных внутренне присущих развивающемуся объекту качеств.

Развитие, как эволюция представляет собой куда более сложный процесс, поскольку в данном случае всякий объект рассматривается не абстрактно, сам по себе, но в рамках системы более высокого порядка, в которую он оказывается включен. Иными словами, эволюция предполагает наличие определенной внешней среды, существенные характеристики которой детерминируют изменение внутренних характеристик и качеств объекта. Данный аспект отражает динамику взаимодействия с внешней средой и момент адаптации системы к внутренним и внешним условиям. Вместе с тем, понятие эволюции предполагает не только момент адаптации, но также и процесс конкурентного отбора наиболее жизнеспособных форм организации системы. Здесь же отметим еще одно свойство – неравномерность и зачастую деструктивность изменений, происходящих внутри системы в качестве реакции на актуальные внешние запросы. Рассмотрение развития общества (как и любого другого системного объекта) в качестве чистого развертывания внутренне присущих качеств не учитывает данный аспект внут-

ренной конфликтности адаптационных процессов. Тогда как, признание существенного значения внешних факторов в развитии правовой реальности приводит к необходимости рассмотрения специфики адаптационных процессов в их значении на уровне системы и ее внутренних характеристик равновесности элементов.

Еще одним важным аспектом рассмотрения социального развития именно в качестве эволюции является момент исторической конкуренции различных социальных систем, и, в частности, момент многообразия социальных структур, что дополняется множеством исторических фактов последовательной смены общественных систем, а также их вытеснения и поглощения другими социальными системами¹. В этом отношении, если рассматривать вопрос на частном уровне, процесс социального развития невозможно рассматривать в качестве чистой последовательности заложенных в общественный процесс предпосылок развития, поскольку сами по себе культурные, этнические и социальные предпосылки развития общества неоднократно были подвергнуты радикальному пересмотру. Также и общее рассмотрение специфики социальных процессов, реализовывавшихся по мере развития человечества позволяет усмотреть определенную последовательность изменений, произошедших на уровне общества. В этом заключается сильная сторона эволюционного подхода, в объектив рассмотрения которого попадает как частный аспект онтогенеза, так и глобальный процесс филогенеза.

В сущности, проблема возможности адекватного рассмотрения (и вообще допущения) неких глобальных закономерностей развития мирового общества упирается в вопрос о том, существует ли в рамках факторов развития правовой реальности определенная общая линия, или какой-либо инвариантный набор факторов, определяющих процесс социального развития. Ответ на этот вопрос сам по себе требует произведения глубокого социально-исторического исследования. На общем уровне данный вопрос может быть проинтерпретирован следующим образом: существуют ли набор факторов и интенций развития, существование которого имеет место на уровне всякой правовой реальности, а также имеет ли место наличие определенной линии развития внешней среды существования правовой реальности, которая, в свою очередь могла бы детерминировать собственно процессы социальной адаптации, определяющие направленность развития различных обществ. Двоякость данного вопроса, в конечном счете, упирается в усмотрение внутренних и внешних закономерностей, определяющих развитие правовой реальности.

Поиск внутренних закономерностей развития общественных систем представляет собой предмет социальной философии и политической, равно

¹ Заходя в перед, отметим, что конкурентность приобретает наивысшее значение в замкнутой системе: когда объект притязания ограничен (допустим, планетарными рамками) противоборство становится принципиальным и абсолютным.

как и экономической теории, на уровне которых производятся попытки выведения общих закономерностей развития социальных структур через выделение набора определяющих структурных закономерностей в рамках рассматриваемой на их уровне предметной области.

Поиск внешних закономерностей развития правовой реальности упирается в исследования общего характера внешней по отношению к социальной системе среды, что включает в себя как совокупность природных факторов, так и набор внешних воздействий со стороны других социальных структур. Исследование последнего осложняется тем, что, в сущности, наиболее актуальным для развития правовой реальности является именно набор внешних социально-политических и экономических взаимодействий, в то время как внешняя среда в данном случае складывается также из социальных систем, что усложняет какой-либо процесс выделения общих закономерностей, обладающих характеристикой всеобщности и инвариантности. И наконец, еще одним существенным аспектом рассматриваемой проблемы является то, что на уровне внешних условий существования общественных систем может иметь место не только инвариантный набор единых принципов развития, но определенная интенция развития, в результате которой можно судить не только об эволюции отдельной правовой реальности, но также и о процессе развития (или эволюции) внешней для отдельного общества среды.

Если мы говорим об эволюции мирового общества, как всеобщей социально-политической среды, то существенное значение приобретает, во-первых, характер взаимодействий между локальными социальными структурами, и, во-вторых, направленность основных тенденций развития мирового общества.

Здесь следует обратить внимание на масштабы рассмотрения социальных систем. В сущности, продемонстрированная выше проблематичность в определении общей линии развития общества посредством анализа и соотнесения отдельных социальных систем на различных исторических этапах развития разрешается посредством выхода теоретического рассмотрения на глобальный уровень, в рамках которого подвергается исследованию демографическая ситуация и ее развитие на уровне истории человечества, динамика и основные изменения культуры, экономики, политической организации общества. Также немаловажное значение в данном отношении приобретают факторы динамики социальных процессов, уровень взаимодействия отдельных социальных систем и общие тенденции социальной динамики мирового общества. Таким образом, рассмотрение развития правовой реальности, конечной целью имеющее углубление понимания современной специфики социального развития, предполагает усмотрение общих тенденций развития общества и их современной реализации. Системный анализ проблемы эволюции социальной среды в данном отношении предполагает как

вскрытие внутренне присущих обществу факторов развития, так и отражение общих тенденций, развертывающихся на уровне мирового процесса.

На системном уровне, рассматривая изменения, произошедшие на уровне социальной среды, в рамках которой можно рассматривать существование отдельного общества, нельзя не отметить существенную тенденцию интеграции, в результате которой значительно выросла как степень динамики взаимодействий между отдельными государствами, так и уровень зависимости и взаимосвязи отдельных общественных структур.

Рассматривая, для сравнения, общественные системы древности, Нового времени и современности несложно проследить тенденцию утраты самостоятельности и обособленности отдельных общественных структур. Так, например, античный полис представлял собой своеобразный микрокосм, в рамках которого происходило производство основных продуктов потребления, необходимых для адекватного существования членов общества, а внешние взаимодействия экономического и политического характера имели дополнительное значение, связанное с интересами по приобретению дополнительных ресурсов или предметов роскоши, не входящих в число жизненно необходимых продуктов производства.

Эта тенденция сохранилась в существенной мере и в рамках средневекового общества, в котором уровень самодостаточности и замкнутости отдельных государств оставался на высоком уровне. Здесь мы видим в качестве определяющих географические факторы сорасположенности государств, на уровне которых в первую очередь определялась степень интенсивности различного рода социальных взаимодействий. Вместе с тем, уже в рамках новоевропейского общества существенным образом возросла степень внешней активности государств, что связано как с экстенсивной колонизаторской деятельностью, так и со значительным ростом производства, результатом которого стало образование крупных промышленных организаций, сфера экономических интересов которых уже превышала рамки отдельного государства.

На этом уровне как активность внешней среды, так и уровень взаимодействия с ней в отдельном обществе существенным образом возросли. Современная ситуация представляет собой последовательное продолжение обозначенной тенденции, поскольку в настоящее время процессы экономической специализации отдельных государств, возникновение политических и военных блоков, активное культурное взаимодействие привели к ситуации, когда социальную систему в рамках отдельного государства уже нельзя рассматривать в полной мере как самостоятельную обособленную систему. По сути, в настоящее время реализуется противоречие между определенностью и самостоятельностью отдельных государств, и их органической включенностью в систему мирового общества. Парадокс заключается в том, что речь идет о возможном поглощении отдельных государств мировой системой (гипер-государством), но в обозримом будущем такая мировая система

невозможна. Отсюда, речь идет о ситуационном доминировании одних государственных моделей над другими с поглощением не в общество вообще, а в конкретный политический блок.

Следует отметить, что рассмотрение эволюции не означает одно лишь рассмотрение истории, конечным результатом которой является сложившаяся ситуация. Современное общество также находится в состоянии эволюции, в силу чего адекватное отражение направленности процессов развития общества видится возможным как раз на уровне эволюционной теории. По этой причине разработка основных теоретических и методологических вопросов, связанных с эволюционным рассмотрением общества представляет собой не только вводное историческое рассмотрение, но и существенное методологическое и теоретическое раскрытие исследуемой тематики. Выводы, полученные в рамках данного этапа рассмотрения, в сущности, представляют собой первоначальную теоретическую разработку исследуемой проблемы. Иными словами, на уровне рассмотрения специфики эволюции социальных систем одним из существенных результатов является построение теоретической (и при этом по сути своей динамической) матрицы рассмотрения современных социальных процессов.

Эволюция общества представляет собой системное явление, и в этом отношении важнейшей точкой рассмотрения является определение специфики системности социальных процессов. С точки зрения эволюционной теории единица эволюции представляет собой целостный системный объект, обладающий внутренними механизмами сохранения идентичности. Рассматривая общество, необходимо, с одной стороны, определять его границы, с другой – рассматривать его как систему, что предполагает внутренне присущий момент целеполагания к достижению и сохранению целостности. В этом отношении следует отметить, что общественное развитие складывается из двух основных факторов – совокупности индивидуальных интенций членов общества и интересов социальных структур, в рамках которых производится воздействие на различные стороны общественной жизни. На индивидуальном уровне каждый член общества стремится к благополучию, критерии которого как связаны с культурной традицией, в рамках которой производилось формирование личности, так и с личной историей человека. На уровне социальных структур (будь то экономические организации или политические структуры) первостепенное значение приобретают не интересы отдельной личности, но системное целеполагание социальной структуры. На этом уровне проявляется первое существенное противоречие, определяющее специфику развития правовой реальности – противоречие между индивидуальным и общим в социальном развитии.

Это противоречие естественным образом проявляется в том, что, будучи по различным причинам заинтересованными в благополучии общества, как его представители, так и социальные структуры, придерживаются

различных целей, определяющих направленность преобразовательной социальной деятельности. Здесь реализуется принцип параллельного существования на уровне общества различных по уровню организации структурных элементов, что в значительной мере находит отражение в рассмотренном Парсонсом феномене многослойного характера социальной структуры. Необходимым выводом из данного явления является положение о том, что благополучие общества напрямую зависит от его согласованности на уровне различных уровней организации. Так, например, на уровне государства должно производиться отражение наиболее существенных потребностей населения, в то время как экономическая структура должна удовлетворять как критериям адекватности трудоустройства населения, так и потребительским запросам.

Для общества большое значение имеют процессы регуляции отношений между различными его структурными компонентами. Данная теоретическая позиция содержит одно существенное ограничение – степень значимости внутренних социальных противоречий между индивидуальным и системным в обществе напрямую зависит от масштаба общества и степени свободы, которой располагают его представители. Здесь существенное значение приобретает как уровень механизмов принуждения в обществе, детально рассмотренный М. Фуко, так наличием в культуре общества механизмов актуализации несоответствия между индивидуальным и общественным. И здесь важно не только историческое рассмотрение изменений, произошедших в рамках истории человечества, но и типология общественных и культурных систем.

Наиболее близкой данному рассмотрению является типология, базирующаяся на разделении типов общества на традиционные и инновационные. В рамках традиционных обществ порядок, в рамках которого реализуется существование людей, представляет собой данность, характеризующуюся безусловным признанием ценности сложившейся ситуации. В этой связи сама по себе возможность отрицания сложившегося порядка представляет собой культурное отклонение, поскольку предполагает радикальный пересмотр укоренившихся в культуре общества ценностей и норм. Напротив, в рамках инновационного общества на уровне культуры прописаны механизмы осмысления социальной реальности, в результате чего уровень общественного самосознания, и, в частности, отрицания необходимости существующей ситуации приводят к повышению внутренней противоречивости общества, и, как следствие – возрастанию социальной динамики.

В этом отношении следует отметить рост показателей процесса повышения уровня среднего образования среди населения планеты, а также распространения типа политической организации государства, в рамках которого реализуется высокий уровень обратной связи между отдельными членами общества и институтом политической власти. В настоящее время более 80% государств имеют республиканскую форму осуществления власти,

что знаменует собой одно из важнейших условий интенсификации социальной динамики в современном обществе. Даже в рамках государств, культура которых рассматривается в качестве традиционной, данный момент политического устройства имеет существенное значение. Речь идет о том, что в рамках современного общества существенное развитие получили факторы, обуславливающие высокий уровень социальной динамики, и одновременно определяющие повышение значения внутренних социальных противоречий.

Рассматривая в данном отношении развитие общества, следует отметить теоретическую важность разделения социальных процессов на естественные, определяемые внутренними потребностями частной социальной структуры или отдельных личностей, и адаптационные, связанные с внутренней регулятивной функцией общества по противодействию внешним и внутренним деструктивным тенденциям. Рассмотрим подробнее сущность данного разделения.

Естественные социальные процессы – это процессы социализации личностей, их существования в рамках общества, а также функционирования и развития отдельных социальных структур и социальных институтов в целом в наиболее приоритетном для них направлении. Так, например, рыночная экономика предполагает преобладание естественных процессов экономического развития, для которых характерно минимальное вмешательство со стороны государства, а наиболее важными факторами, определяющими направленность экономической политики организаций, являются факторы, определяющие их экономическую эффективность. Одним из возможных последствий естественного протекания экономических процессов является их несоответствие интересам отдельных прослоек населения, что в качестве непосредственного результата может привести к повышению социальной напряженности. В данном случае вероятен исход, при котором противоречие между экономическими интересами отдельных организаций и стремлением государства к достижению социального благополучия населения и внутренней стабильности общества может привести к введению специальных мер, представляющих собой вмешательство в экономическую сферу, целью которого является устранение факторов социальной конфликтности. Типичный пример государственного регулирования экономических процессов – антимонопольная политика.

Данные меры представляют собой адаптационный социальный процесс, являющийся реакцией на возникновение внутренних противоречий на уровне общества. Еще одним примером адаптационных социальных процессов является изменение функционирования социальных институтов общества в военное время, что знаменует собой подчинение отдельных сфер общественной реальности интересам государства в целом. Здесь мы подходим к важному теоретическому аспекту, в значительной мере проясняющему специфику динамики социальных процессов – проблеме взаимосвязи и взаимодействия социальных институтов.

На уровне социальных институтов происходит реализация различных функций общества. При этом распределение данных функций, на первый взгляд, превращает социальные институты в параллельные друг другу срезы социального бытия. Однако на деле обнаруживается существенный уровень взаимосвязи между различными социальными институтами, что отражает функциональную взаимосвязь социальных процессов. Так, например, социальный институт семьи, основными функциями которого является воспроизводство членов общества и их первоначальная социализация, находится в непосредственной зависимости от экономической ситуации в обществе, и при этом находится в прямой функциональной взаимосвязи с институтом образования. Социальный институт экономики непосредственно зависит от правовой системы, а эффективность экономической деятельности напрямую связана с адекватностью функционирования образовательной системы и достижениями науки.

Речь в данном случае идет не только о том, что адекватность функционирования социальных институтов представляет собой системную проблему, но и о том, что одной из существенных разновидностей внутреннего социального противоречия является конфликт интересов отдельных социальных институтов. Так, например, адекватное развитие научного знания нередко связано со значительной затратой ресурсов на исследования, в то время как экономическую поддержку получают, в первую очередь, те исследования, окупаемость которых наиболее вероятна. Существенно, что стабильность и благополучие общества связаны не только с уровнем развития социальных институтов, но и со степенью согласованности их функционирования.

Дисбаланс социальных институтов представляет собой как один из наиболее существенных типов внутренних социальных противоречий, так и существенное основание социальной динамики, как на уровне естественной деструктивности социальных процессов в рамках такого конфликтного состояния общества, так и на уровне активной преобразовательной деятельности государства, что представляет собой пример адаптационных процессов в обществе.

Немаловажное значение имеет и демографический аспект современного развития мирового общества. Как показывают исследования С. П. Капицы, современное человечество пребывает на стадии нарушения воспроизводства традиций в силу изменения возрастного состава населения планеты. По сути, речь идет о том, что в современной социальной структуре реализуется еще один существенный фактор дестабилизации социума – фактор демографического перевеса молодого населения по отношению к пожилым и зрелым людям – носителям культурных норм и традиций. В результате этого явления, с учетом плюрализма современной культуры как результата активной межкультурной коммуникации, невозможно однозначно судить о

культурной принадлежности. При этом сложившаяся демографическая ситуация имеет еще одну важную особенность – плотность населения планеты определяет как динамику социальных контактов, так и степень важности проблемы распределения ресурсов, что само по себе определяет повышение уровня социальной и политической нестабильности.

Как отмечает С. П. Капица, современные темпы роста населения приводят к столь масштабным социальным, экономическим и политическим последствиям, что государственные структуры оказываются не в состоянии адекватно перестроиться в связи с складывающейся ситуацией. Речь идет о том, что темпы изменения внешних и внутренних социальных условий, по сути, достигли пиковой отметки (что подтверждается на уровне демографии, в частности, расчетами динамики роста населения), в связи с чем современные социальные системы пребывают в состоянии непрерывной трансформации, не поспевающей за темпами глобальных изменений в обществе.

Здесь находит свое проявление парадоксальная тенденция деструктивности интегративных факторов развития общества. Суть данной проблемы заключается в том, что увеличение сложности и масштаба правовой реальности при условии ее внутренней неоднородности представляет собой существенный дестабилизирующий фактор. По сути, процесс уплотнения взаимодействий между различными социальными системами, обладающими собственными структурными характеристиками, наборами ценностей и норм, а также различающимися по уровню развития и способу организации приводит к повышению конфликтности и противоречивости общественных отношений. Современное общество, находящееся на стадии глобализации, в силу ряда внешних тенденций, рассмотренных выше, приходит к стадии предельного уплотнения взаимоотношений между различными социальными системами. Однако этот процесс определяется не внутренними характеристиками органичного соответствия взаимодействующих друг с другом социальных систем, но внешними факторами возникновения и установления глобальных экономических, политических и культурных взаимоотношений, что проявляется на уровне формирования единого информационного и экономического пространства, а также возникновения системы международных политических взаимоотношений, в рамках которых наиболее существенные вопросы разрешаются в многостороннем порядке. Как итог – актуализация противоречий и повышение интенсивности деструктивных процессов в современном мире.

В ходе проведенного рассмотрения, с одной стороны, были рассмотрены основные тенденции развития мирового общества и их актуализация на современном этапе развития. С другой стороны, были показаны основные факторы, определяющие динамику частной правовой реальности в ее отношении к внешней социальной среде. Сопоставление полученных результатов позволяет судить о перспективах развития частных социальных

систем в рамках мирового социального процесса и основных проблемах, связанных с сохранением внутренней стабильности общества. Наиболее существенным в данном случае является положение о переходном, и в значительной мере конфликтном состоянии современного общества.

Конфликтность в данном случае проявляется на уровне противоречия между системными процессами мирового общества, направленность которых состоит в унификации форм отношений и объединении отдельных социальных систем в единое поле взаимодействия, и высокой степенью разнородности отдельных обществ. Последнее коренится в стремлении отдельных обществ к сохранению идентичности, и, в частности, в исторически сложившихся различиях в векторной направленности развития отдельных обществ, что проявляется на уровне культурных традиций и ценностей, а также экономических и политических интересов государств. В этом отношении одним из существенных выводов является признание внутренней противоречивости и нестабильности общества, как основания структурного изменения по образцам наиболее развитых форм организации мирового общества.

В рамках мирового общества реализуется процесс жесткой конкуренции на структурном уровне, в рамках которого наиболее слабые социальные системы проходят процесс реорганизации с заимствованием культурных норм, способа политического устройства и экономической организации. В этом отношении стремление общества государства к сохранению идентичности в своей реализации напрямую зависит от конкурентности общественной структуры, ее эффективности как в достижении интересов государства, так и в удовлетворении основных потребностей населения. В этом отношении большое значение приобретает момент согласованности различных структурных компонентов общества, что проявляется на уровне соотношения интересов и степени развития существующих на уровне общества социальных институтов. Таким образом, развитие общества и сохранение его самостоятельности требует, с одной стороны, ограничения деструктивного воздействия со стороны внешней среды (в частности, имеется ввиду противодействие или управление интегративными процессами и их последствиями), с другой – внутреннего развития общества, что требует согласования структурных и функциональных характеристик основных социальных институтов.

Рассмотренная выше специфика взаимоотношения частной общественной системы и мировой социальной среды требует существенной детализации, что обусловлено необходимостью выработки конкретного знания и методологических оснований по противодействию деструктивным социальным факторам. В этом отношении представляется актуальным рассмотрение специфики процесса глобализации в современном мире и его влияния на развитие отдельных социальных систем.

Прояснение термина «глобализация» вызвано не только актуальностью данного феномена как предмета социологического исследования, но и обилием концепций и поливариантных трактовок, которые могут привести к путанице. Собственно, данный параграф отвечает на вопросы, что мы имеем в виду под глобализацией, что такое глобальные социальные изменения и каков их структурно-функциональный аспект.

Понятие глобализации в научном обиходе тесно связано с наметившейся в последние десятилетия тенденцией к повышению уровня интегративных процессов в мировом обществе, что затрагивает как уровень экономики, так и сферы политических и информационных взаимодействий. В этой связи глобализация современного общества, хоть и рассматривается, как процесс, одновременно представляет собой указание на взаимосвязанность социальных процессов в рамках отдельных государств, их вплетенность в общую ткань мирового общества. В этом отношении в объектное поле исследования нередко попадает проблема глобальных взаимосвязей в современном обществе, что грозит существенной подменой смысла. Наличие высокой степени взаимосвязанности между отдельными социальными системами не означает, что мировое общество пришло к состоянию целостной взаимосвязи содержащихся в нем структурных элементов. Современное общество не является еще целостной гармоничной системой, в связи с чем необходимо рассматривать глобализацию в первую очередь, как процесс, а не как актуальное состояние современного социума. При этом, что немало важно, рассмотрение глобализации, как процесса означает расширение исторических рамок рассмотрения глобализационных процессов. Данный подход предполагает исследование интегративных процессов, как самостоятельного явления, имеющего значение вне зависимости от степени их развития на уровне общества.

В этом отношении, например, С. П. Капица рассматривает высокий уровень социальной взаимосвязи человечества уже в рамках древней истории. Здесь, впрочем, необходима существенная оговорка – глобальный характер социальных отношений предполагает планетарный масштаб значения отдельных социальных процессов. В этом смысле следует различать процессы интеграции и процессы глобализации по критерию их масштабности. Позиция Капицы в данном вопросе опирается на общность его исследовательского метода, обобщающего человечество начиная с момента возникновения человека в единую развивающуюся общественную группу, исходя из рассмотрения демографических характеристик общества. Однако при рассмотрении масштаба последствий событий в конкретном обществе, зачастую отделенном от остального человечества природными преградами, становится ясно, что, в зависимости от степени обособленности социальных систем можно судить о большем или меньшем распространении последствий конкретных социальных отношений.

Например, процесс глобализации можно датировать эпохой Великих Географических Открытий, в результате которых впервые было сформировано представление о мире, как глобусе – замкнутой системе. При рассмотрении глобализации, как процесса, становится видно, что на различных этапах развития общества можно судить о большей или меньшей степени завершенности глобализационных процессов. Вместе с тем, современная экономическая и политическая ситуация позволяет судить о том, что процесс глобализации еще далек от полного своего завершения.

Существенную теоретическую важность приобретает раскрытие критериев, на основании которых можно судить о незавершенности процесса глобализации. В связи с этим нуждается в определенности проблема характера и глубины взаимосвязи социальных систем. Для более полного теоретического ее раскрытия рассмотрим классическое теоретическое деление социальных систем на открытые и закрытые. Основопологающим в данном отношении является исследование К. Поппера, рассмотревшего характеристики открытости, или, напротив, замкнутости социальных систем. Понятия «открытая система» и «закрытая система» в данном случае употребляются не в отношении всей совокупности внешних факторов существования общества (например, природных условий), а относительно других социальных или культурных систем. Закрытая правовая реальность в данном случае представляет собой обособленную от других обществ социальную систему, обладающую характером самодостаточности и противостоящую каким-либо внешним взаимодействиям.

Закрытый характер правовой реальности может быть продиктован как внешними условиями (например, географическое положение), так и внутренними установками, определяющими ее замкнутый характер. Открытая система, напротив, характеризуется наличием внешних взаимоотношений, вовлеченностью в процессы взаимодействия с внешней социальной средой. Как это продемонстрировал Поппер, открытые системы характеризуются значительно большим потенциалом развития. И, напротив, на уровне закрытых систем можно судить о статичности, предопределяемой циклическим характером социальных процессов и отсутствием каких-либо внешних источников развития.

В современном мире практически невозможно встретить абсолютно закрытую систему. Даже Северная Корея, рассматриваемая в качестве классического примера закрытой системы, вступала в политические, экономические и информационные взаимодействия со странами внешнего мира. Вместе с тем, абсолютно открытая система также представляет собой абстракцию, поскольку одной из существенных характеристик правовой реальности является наличие определенных границ, на уровне которых реализуется ее определение. Открытость системы представляет собой одновременно подверженность внешним воздействиям. Полное подчинение внешним тенденциям приводит к ассимиляции системы, ее поглощению внешней

средой. Таким образом, открытая и закрытая социальные системы представляют собой полярную идеализацию, тогда как на деле существующие общественные системы характеризуются определенной мерой закрытости, и, напротив, определенной степенью открытости. В контексте произведенного рассмотрения единственный возможный вариант построения абсолютно закрытой правовой реальности – образование мирового общества как единой структуры. Иными словами, завершение процесса глобализации знаменует собой установление единой закрытой правовой реальности¹.

Для прояснения данного тезиса достаточно отметить, что для глобального общества не существует внешней социальной среды, как ограничивающего фактора. Вместе с тем, в рамках современной мировой правовой реальности данная граница пролегает на уровне обособленности и самостоятельности отдельных общественных систем от мировой системы социальных отношений. Таким образом, будучи исчерпанным территориально, мир, тем не менее, не утратил границы, определяющие систему глобальных экономических, политических, правовых и культурных взаимоотношений. Современное мировое общество остается в определенной мере открытым, а отдельные общественные структуры проявляют свой обособленный характер. Данное теоретическое рассмотрение приводит к важному выводу: процесс глобализации представляет собой постепенное стирание границ между отдельными общественными системами. Иными словами, процесс глобализации предполагает постепенную утрату идентичности отдельных обществ и их объединение в единую систему. При этом, что существенно, речь идет не только о территориальном и экономическом объединении (или раскрытии границ, как в Евросоюзе), но также об унификации правовой системы и установлении единой культурной традиции.

Следует сразу отметить неоднозначность оценки глобализационных процессов и их перспектив в развитии мирового общества. В особенности это затрагивает сферу культуры, на уровне которой в наибольшей степени проявляются различия между отдельными обществами. Показателен спор Хантингтона и Бека относительно тенденций развития мировой культуры. Позиция Хантингтона в данном вопросе предполагает в качестве конечного итога глобализационных процессов преобладание какой-то одной культурной традиции, что предстает у него в качестве итога «столкновения цивилизаций», результатом которого должно стать доминирование в мировом обществе определенного общего для всех набора культурных норм и мировоззренческих установок. Данная позиция предполагает конкурентную борьбу

¹ Показательно то, что в процессе глобализации как борьбе за утверждение своих локальных институциональных особенностей в качестве мировых, как правило, не ставится речь о представлении результата глобализации. Иными словами, хоть и глобализация содержит элемент борьбы политических систем за гегемонию, однако, на настоящий момент ни одно государство, ни одна политическая система не способна к реализации на глобальном уровне.

между различными культурами в качестве естественного и неустранимого фактора развития мирового общества. При этом завершение процесса глобализации, как устранение основных факторов социальной обособленности предполагает установление некой единой культурной традиции, объединяющей всех представителей общества. Напротив, позиция

У. Бека, рассматривающего космополитизм в качестве единственной конструктивной перспективы развития мирового общества состоит в том, что помимо интеграционных процессов в настоящее время большое значение имеют также процессы социальной и культурной дифференциации, что отражает многообразие социальных и культурных запросов представителей одного общества. В этой связи удовлетворение культурных запросов членов общества возможно либо путем построения идеальной мировоззренческой системы, отвечающей основным духовным и социальным потребностям человека во всем их многообразии, либо путем постепенного расслоения культуры общества на ряд направлений, отражающих мировоззренческую специфику отдельных социальных групп. С учетом того, что данный процесс рассматривается Беком в качестве естественного, факт культурного многообразия представляет собой не столько проблему, сколько ее решение: объединение различных культурных традиций в мировоззрении человека способствует наиболее полному удовлетворению его культурных и социальных запросов.

Следует отметить, что в рамках современного социального процесса реализуются обе тенденции, рассмотренные мыслителями в качестве исходных положений теории. Вызванный бурным развитием информационных технологий стремительный рост темпов и масштабов диалога культур, вкупе с рассмотренной С. Капицей тенденцией разрыва преемственности поколений в современной демографической ситуации приводят к ситуации, когда в рамках одного мировоззрения уживаются элементы различных культурных традиций, что, как отметил Дж. Холтон, являет собой на деле неосознанное противоречие, но, вместе с тем, представляет собой повсеместный факт. Таким образом, современное общество пребывает в состоянии глубокой культурной неоднородности, что связано как с обозначенными выше факторами, так и с высоким уровнем миграции населения. Вместе с тем, существенное значение приобретают и процессы интеграции в области культуры, что связано с распространением массовой культуры и идеалов потребления. В этом отношении, в частности, примечательным является факт неприятия на уровне отдельных культурных традиций и социальных прослоек идеалов массовой культуры, что представляет собой проявление конфликта между традициями и устоями ряда культур и современными тенденциями, приобретающими глобальный характер.

Невозможно дать однозначную и окончательную оценку рассмотренным тенденциям. Однако существует важный аспект развития современной культуры, понимание которого может способствовать частичному проясне-

нию данной проблемы. Разрыв мировоззренческой целостности современной культуры, рассмотренный выше, представляет собой явление ризоматичности культуры, ее постмодернового характера. В этом отношении, в силу противоречивости мировоззренческих предпосылок, нельзя утверждать наличие цельной сложившейся мировоззренческой позиции у носителей смешанных мировоззрений. По этой причине проявление мировоззренческих оснований личности носит ситуативный характер и само по себе является, в первую очередь, результатом вовлеченности личности в определенную социальную ситуацию, а не проявлением четкой установившейся жизненной позиции. В этой связи на уровне социальных процессов представителей различных мировоззрений большее значение имеет не культурная принадлежность, а включенность в социальную ситуацию и владение определенным общим набором социальных норм взаимодействия. По сути, многообразие культурных норм приводит к преобладанию социологических факторов над культурно-мировоззренческими, в связи с чем, процесс интеграции требует, в первую очередь, унификации социальной структуры, что проявляется на правовом и экономическом уровне.

Если детально рассмотреть существо массовой культуры, становится видно, что, как таковая, она представляет собой не столько цельный набор мировоззренческих установок, сколько продукт социальной ситуации, в рамках которой процессы материального накопления и потребления продуктов и услуг получили существенное развитие. В этом корни универсальности массовой культуры, поскольку она отражает естественные и «псевдо-естественные» потребности человека, вне зависимости от его культурной принадлежности. Нельзя, впрочем, полностью отрицать наличие мировоззренческих оснований массовой культуры. Генетически она восходит к этике протестантизма, в рамках которой материальное благополучие носит, в сущности, онтологический статус богоугодности существования. В некотором роде, данная концепция была выражена в интенциях прагматизма (Пирс, Дьюи). Основным мотивом данной культурной традиции является выражение стремления к самореализации через универсальный эквивалент материальной состоятельности. Однако, в сущности, распространение идеалов массовой культуры происходит не только на уровне прямой коммуникации или потребления информационных продуктов, но также и на уровне трансформации правовой реальности. Выход общества на уровень избыточного самообеспечения приводит к ситуации, когда продукты и услуги, не относящиеся к числу жизненно необходимых, приобретают преобладающее значение, а возникновение досуга, как результат повышения эффективности производства благ, приводит к актуализации развлекательной информационной продукции, львиную долю которой составляют продукты массовой культуры.

Существенным в данном случае является то, что распространение массовой культуры представляет собой именно социологически обусловленное явление, само по себе также детерминирующее характер социальных

взаимодействий. Данный процесс, в сущности, не затрагивает напрямую культурные нормы отдельных мировоззренческих структур – он проявляется не на уровне прямой борьбы с существующими системами ценностей, а, скорее, представляет собой их конкурентное вытеснение на уровне социального процесса. Как таковые, элементы мировоззренческих систем могут сохраняться, однако до тех пор, пока человек не выработает цельное четко выраженное мировоззрение, можно судить о социологической ситуативности его социальных действий. В этом состоит одна из особенностей современного процесса глобализации – фактически, столкновение цивилизаций возможно в том случае, когда речь идет об актуализации культурной традиции и проявлении противоречий между различными культурами. В настоящее же время можно судить скорее о неосознанной приверженности определенным культурным нормам, в силу чего как социальное действие, так и момент мировоззренческих конфликтов определяются, в первую очередь, социальной ситуацией.

По этой причине можно судить о том, что, во-первых, противостояние проникновению идеалов и моделей общества потребления возможно лишь в том случае, когда собственная культура общества достигнет своего систематического раскрытия, и, во-вторых, сосуществование различных культур в рамках глобального общества возможно в том случае, когда правила и модели социального взаимодействия оказываются едиными для всех членов общества. Таким образом, по сути, можно судить о процессе поглощения и включения на уровне массовой культуры отдельных элементов различных мировоззренческих систем.

Специфика процесса глобализации состоит в постепенном замещении индивидуально присущих отдельной общественной системе структурных особенностей универсальной структурой, охватывающей мировую систему в целом. Однако остается открытым вопрос о том, каково происхождение данных общих тенденций и форм социального развития. Вопрос состоит в том, что эти общие тенденции возникли в рамках отдельного общества и получили дальнейшее развитие на уровне мировой социальной среды. Социальные системы, структура которых, в конечном счете, получает всеобщее распространение, имеют существенное преимущество над другими социальными системами в плане конструктивности глобализационных процессов. Причина заключается в том, что принятие извне определенных культурных элементов или моделей экономического, политического или правового устройства общества предполагает изменение социальной структуры и длительный процесс адаптации к произошедшим социальным изменениям, что на первоначальном уровне может иметь ряд деструктивных последствий. При этом для общества, являющегося источником определенной глобальной тенденции, данный процесс является естественным, при этом существенное значение имеет как активная роль данной общественной струк-

туры по отношению к внешней социально среде, так и опережение ряда других обществ в развитии. По этой причине, говоря о процессе конкуренции различных общественных систем, следует рассматривать не только показатели эффективности протекания внутренних процессов, но также и момент влияния на мировую ситуацию, определяющего степень благоприятности внешних для общества факторов.

Значение в определении специфики процесса глобализации приобретает рассмотрение источников глобальной структуры, или центров глобализации. Здесь, возможны две разновидности развития глобализационных процессов – постепенная актуализация тенденций, имеющих надгосударственный масштаб, либо рассмотренное выше распространение результатов развития одного конкретного общества на мировую систему в целом. Как для первого, так и для второго варианта важное значение имеет вариативность развития глобальной общественной структуры, и, в частности, вопрос о естественном, или, напротив, управляемом развитии мировой социальной структуры. Под естественным развитием подразумевается последовательное развитие определенных исторических тенденций развития экономики, культуры, права, политической структуры общества. Здесь речь идет о развитии глобального общества, как разворачивании исторических предпосылок глобальной организации мировой правовой реальности. Управляемый процесс глобального развития предполагает наличие активного начала, проводящего определенную линию целеполагания на уровне мировой системы. Именно на этом уровне наиболее существенно заявляет о себе конкурентный характер глобального развития общественных систем¹.

Значение центров глобализации заключается не только в том, что на их уровне реализуется активное преобразование мирового общества. По сути, они представляют собой своеобразную парадигму, образец успешного социального устройства, в связи с чем характерным процессом является не только их активное воздействие на мировые процессы, но также активное заимствование моделей организации общественной структуры со стороны социальных систем, пребывающих в состоянии внутренней противоречивости или недостаточного развития отдельных социальных институтов,. Рассмотрим подробнее специфику заимствования в процессе развития социальных систем. В этом отношении рассмотрим специфику развития отдельного общества на уровне внутренних механизмов, детерминирующих его направленность.

На уровне каждого отдельного общества существует определенная исторически сложившаяся система социальных и культурно-обусловленных

¹ Стоит понимать, что активное начало в процессе глобализации (как конечном процессе) не становится итогом процесса. Напротив, как правило, система инициатор реализует свой потенциал на стадии инициативы, тогда как далее, по объективным причинам эффективности института науки в ситуацию вмешиваются новые лидеры, которые восприняли изначальный импульс, учли ошибки и продвинулись значительно дальше, чем те, кто изначально являлись инициаторами процесса.

ценностей, норм поведения и моделей социального, экономического, правового и политического взаимодействия. В ряде государств можно судить об относительно схожем социальном устройстве и культурной принадлежности населения, однако определенный момент национального (или государственного) самосознания все же является необходимым. Общественное самосознание предполагает не только осознание собственной культурной или социальной принадлежности, но также и рефлексию над сложившейся культурной и социальной ситуацией. В этом отношении критика существующего социального порядка также является неотъемлемым элементом адекватного рассмотрения собственной правовой реальности. Речь идет не о слепом утверждении необходимости критики на уровне каждого общества, но о признании динамического и зачастую противоречивого процесса социального развития, что само по себе является основанием наличия внутренних социальных проблем.

С учетом высокого масштаба организации социальных структур, интенсификации внутренних и внешних взаимодействий и ряда других факторов нестабильности, которые в совокупности свидетельствуют о переходном состоянии современного общества, критика сложившейся социокультурной ситуации представляет собой необходимое основание выявления и разрешения актуальных проблем общества. Однако, чем более серьезный характер приобретают существующие социальные противоречия, тем более деструктивным на уровне масс может оказаться их осознание, одним из результатов которого может стать утрата доверия существующему политическому режиму или даже постановка под вопрос адекватности менталитета в обществе. В этом отношении сопоставление собственного социального порядка с социальной ситуацией наиболее стабильных и развитых стран мирового сообщества может привести к упрочнению идеи предпочтительности их направления развития. Таким образом, при условии высокой степени внутренней нестабильности общества, с учетом современных информационных процессов одним из вероятных исходов может стать активное принятие на уровне населения ценностных установок успешной общественной структуры, и одновременно – пересмотр и постановка под вопрос собственных ценностных установок общества.

Этот процесс, в конечном счете, может привести к ряду благоприятных последствий для населения, но для общественной системы он является в первую очередь деструктивным, поскольку на уровне пересмотра структурных и содержательных элементов общественного устройства происходит, в первую очередь, разрушение существующей социальной структуры. Не существует гарантий, что подвергаемый пересмотру социальный порядок на должном уровне развития не мог бы удовлетворить те потребности членов общества, актуализация которых в условиях сравнения с зарубежными образцами, в итоге, привели к его деструкции.

Результативность социальных изменений в условиях процесса глобализации представляет собой лишь одну из сторон вопроса. Другая сторона проблемы заключается в утрате социальной системой собственного пути развития, имеющего как историческую и культурную значимость, так и существенные перспективы развития. Определяющим фактором в данном отношении является то, что самостоятельная правовая реальность, будучи формально замкнутой, на деле оказывается открытой по отношению к глобальным процессам и тенденциям развития мирового общества. На уровне отдельной правовой реальности реализуются как собственные процессы, так и глобальные тенденции, зачастую перекрывающие и вытесняющие внутренне присущий социальной системе способ протекания общественных процессов. Существенный интерес приобретает рассмотрение основных уровней, на которых в настоящее время происходит реализация социальных процессов. Поскольку основные функции общества и его структура представлена на уровне важнейших социальных институтов, правомерна постановка вопроса о замещении функционально обусловленной структуры самостоятельной общественной системы глобальной функцией мирового общества.

Одной из существенных тенденций развития современного общества становится выход ряда отношений и структур на новый уровень масштаба. В первую очередь можно отметить постепенный выход экономики на уровень создания корпораций, производственная и экономическая деятельность которых не ограничивается каким-либо отдельным государством. В рамках этих организаций реализуется экономическая деятельность, по своему масштабу приобретающая глобальный характер. Речь идет как о производственных компаниях, продукция которых распространяется по всему миру, так и о платежных системах, международных банках и инвестиционных компаниях и т. д. Существование подобных организаций является закономерным процессом выхода мировой экономики на самостоятельный, глобальный уровень. Данный процесс связан как с процессами экономической специализации отдельных государств, в результате которой производство и товарообмен реализуется не в рамках того государства, в котором были произведены товары, но в рамках тех стран, где продукция или услуги данных организаций оказываются востребованными. Само по себе явление торговли между представителями различных государств не является каким-либо экстраординарным явлением – процесс торговли издревле связан с распространением товаров, происхождение которых выходит за рамки правовой реальности, в рамках которой эти товары были произведены. Однако ранее субъектами данных отношений являлись частные лица, а основная доля потребления товаров и услуг приходилась на внутренний сектор экономики. Современное экономическое развитие привело к ситуации, когда решающим фактором в развитии производства на уровне отдельных государств является экономическая эффективность, а развитие транспортных

технологий позволяет реализовывать экономические отношения по всему миру, и, в частности, обеспечивать население экспортными товарами любого типа. В этой связи в современном мире все более отчетливо прослеживается тенденция специализации производства.

Вместе с тем, львиная доля экономических отношений относится к сфере негосударственной экономики, что предопределяет как свободный характер развития рыночных отношений, так и самостоятельный, обособленный от государственных структур характер развития организаций. Выход крупных корпораций на транснациональный уровень представляет собой естественный процесс и закономерный итог глобальных тенденций экономического развития. Однако, формирование глобальных по своему масштабу организаций затрагивает не только сферу экономики. Современное общество вступило на ту стадию развития, когда сами по себе политические взаимодействия между отдельными государствами регламентируются системой соглашений, имеющих международное значение. По сути, правовая сфера также вышла на глобальный уровень, что проявляется как на уровне создания международных правовых организаций, деятельность которых направлена на урегулирование конфликтных ситуаций внешнеполитического характера, и, в частности, контроль над выполнением основных юридических соглашений, субъектами которых выступают отдельные государства. Та же самая тенденция образования глобальных организаций прослеживается и на политическом уровне, что проявляется на уровне формирования политических блоков и коалиций, преследующих определенные общие цели.

Актуальность имеет вопрос приоритетности политики государства в отношении таких крупномасштабных международных организаций. Сущность его состоит в следующем: насколько зависимым оказывается отдельное общество от данных глобальных организаций, и одновременно то, насколько серьезное влияние на их деятельность может оказать отдельное государство. Рассматривая данный вопрос на примере экономической сферы отметим, что современный уровень развития общества, и, в частности, явление специализации производства, привели к ситуации, когда экономика государства оказывается в состоянии прямой зависимости от мировой экономической ситуации, определяемой, в первую очередь, на уровне глобальных экономических организаций. Так, например, отказ платежной банковской системы от работы в рамках определенного государства может привести к колоссальным последствиям на уровне экономики этого государства, не оказав при этом фатального воздействия на саму банковскую систему.

Современные государства находятся в состоянии прямой зависимости от международных экономических организаций. Данный аспект глобальной взаимосвязи четко прослеживается на примере экономических кризисов, в настоящее время приобретающих глобальный характер и затрагивающих все включенные в систему мировой экономики государства. Это явление было бы невозможно, в случае если бы производство и потребление на

уровне отдельного общества государства охватывало весь спектр необходимых продуктов производства в необходимом для населения объеме. Экономическая несамодостаточность современных государств является причиной их зависимости от глобальных экономических организаций. Немаловажное значение имеет также процесс инвестирования в различные сферы экономики внутри государства, что также определяет характер подконтрольности и зависимости внутренних экономических процессов на уровне государства. Разумеется, существует и обратная зависимость – на уровне государства существуют такие рычаги воздействия на экономическую ситуацию, как налоговая, таможенная политика, система различных экономических санкций и, наоборот, льготной налоговой и таможенной политики. Однако сущность вопроса состоит в том, которая из систем является самодостаточной, а какая находится в состоянии зависимости. Если на предыдущих этапах развития общества государство представляло собой самодостаточную общественную систему, для которой различные экономические организации представляли частный момент правовой реальности, то в процессе развития рыночных отношений государство и крупные экономические организации вышли сначала на уровень равнозначности, что связано с выходом экономики на уровень самостоятельного развития, и, далее, в настоящее время все более отчетливо прослеживается тенденция, на уровне которой уже отдельные государства представляют собой частный момент всеобщей экономической системы.

Схожие тенденции реализуются на уровне политики и права, где процесс формирования системы международных отношений перешел с уровня системы разовых дипломатических соглашений между самостоятельными державами к формированию единой юридической базы, определяющей и регламентирующей характер международных отношений. Что касается области культуры, выход свободной коммуникации на глобальный уровень, ставший возможным благодаря развитию информационных технологий, активные процессы диалога культур, развитие СМИ привели к постепенному формированию единого информационного пространства, в рамках которого ограничение коммуникации носит разве что языковой характер. Все это приводит к тому, что собственное культурное и идеологическое содержание правовой реальности оказывается включенным в систему мирового информационного пространства.

Что существенно, одной из тенденций развития глобальных социальных структур является возникновение организаций, осуществляющих контроль над ситуацией в мире. Речь идет как о формировании международной судебной практики, так и о возникновении контролирующих органов международного масштаба, функцией которых является обеспечение соблюдения международного права на уровне отдельных общественных систем. В этом отношении, в частности, показательным является возникновение меж-

государственных органов обеспечения безопасности, целью которых является борьба с преступностью на международном уровне. Прецедент международного преследования преступников является одним из существенных свидетельств выхода мировой правовой реальности на новый уровень интеграции. Не менее важным моментом контроля над мировой ситуацией является постановка на международном уровне глобальных проблем человечества, что связано как с инициативой ученых (Римский клуб), так и с постановкой данных глобальных вопросов на уровне выработки международных норм посредством формирования многосторонних политических соглашений.

Данные проблемы являются как действительно актуальной задачей, стоящей перед мировым сообществом, так и существенным рычагом политического давления, поскольку речь идет о прямом воздействии на внутренние процессы отдельных государств, в частности, развитие оборонной промышленности и общего уровня вооружений государства. Существенный интерес в данном отношении представляет то, насколько независимыми являются данные международные организации по отношению к интересам отдельных государств. По сути, вопрос о субъекте управления международными процессами на уровне глобальных организаций представляет собой один из первостепенных вопросов, на уровне которых возможен конструктивный анализ перспектив развития мирового сообщества.

Не вызывает сомнений, что процесс интеграции современного общества представляет собой естественный и во многом необходимый процесс, результаты которого во многом способствуют как урегулированию ряда конфликтных ситуаций на уровне внешнеполитического взаимодействия, так и общему повышению эффективности экономики отдельных государств. Вместе с тем, процесс глобализации имеет и ряд негативных, деструктивных по своему характеру последствий, существенным образом влияющих на возможность достижения социальной стабильности на уровне отдельных общественных систем. Ранее были рассмотрены факторы высокой степени динамики социальных изменений, а также риск утраты идентичности локальных общественных систем. Еще одной существенной угрозой является выход на международный уровень таких деструктивных явлений, как преступность и терроризм. Возникновение данных явлений свидетельствует о внутренней противоречивости процесса глобализации, и, в частности, о возникновении деструктивных механизмов противодействия последствиям глобализации. Выход деструктивных социальных явлений на глобальный уровень представляет собой отрицательную сторону процесса глобализации, вернее – симптоматику внутренней противоречивости социальных процессов в мировом обществе. Их наличие требует как объединения усилий отдельных социальных систем по борьбе с негативными явлениями в современном обществе, так и свидетельствует о важности регуляции (и, возможно, сдерживании) глобализационных процессов с целью снижения их деструктивности.

Основным выводом настоящего обзора является то, что в рамках мирового общества происходит постепенное формирование глобальной структуры, включенность в которую на частном уровне отдельных государств начинает прослеживаться уже в настоящее время. При этом, если ранее на уровне государства реализовывался контроль над основными сферами социальных отношений, в настоящее время все более серьезной оказывается тенденция включения отдельных государств как частных элементов в мировую глобальную структуру, в связи с чем встает вопрос о том, насколько сохранились функции государства по управлению социальными процессами в рамках общества государства. В сущности, тенденции глобализации – это одновременно тенденции к вытеснению роли государства в управлении социальными процессами.

Итог проведенного рассмотрения в отношении влияния глобализационных процессов на развитие отдельного общества государства состоит в том, что в рамках современной ситуации структурная целостность общества напрямую зависит от его внутренней эффективности и самодостаточности. Рассмотренные выше тенденции возникновения ряда определяющих социальные процессы внутри общества факторов затрагивают, в первую очередь те общественные системы, развитие которых, и, в частности, вес в мировой системе взаимоотношений является недостаточным как для поддержания внутренней стабильности и целостности, так и для воздействия на внешние процессы. Произведенное выше рассмотрения воздействия глобальных структур на процессы в отдельно взятом обществе представляет собой лишь одну сторону процесса развития мирового общества и связанных с этим изменений на уровне частных социальных систем. Другая сторона этого процесса состоит в том, что мировая система, в силу взаимосвязанности ее компонентов, также в существенной мере зависит от процессов, реализующихся внутри отдельного общества. Более того, современный этап развития общества, хоть и характеризуется большим значением интеграционных и глобализационных процессов, тем не менее, представляет собой стадию становления глобальной системы отношений (которая на настоящий момент не представляется возможной как результат, хотя речь идет приближении к некой ситуации результативности). В этой связи вопрос сохранения идентичности правовой реальности имеет практическое значение как в силу открытости процесса развития мирового общества, так и в силу рассмотренной выше незавершенности глобализационных процессов. Вопрос о том, каковы перспективы, и, в частности, каков возможный облик глобального общества хоть и представляет существенную значимость, относится к сфере гипотетики, поскольку развитие современного общества представляет собой в высшей степени динамичный, и одновременно нелинейный процесс, что связано с глубокой трансформацией правовой реальности. В частности, абсолютная экспликация интегративных тенденций представляет собой лишь

один из возможных подходов к рассмотрению перспектив развития мирового общества. Под нелинейностью процесса в данном случае подразумевается внутренняя динамика самих тенденций развития общества.

Так, например, динамика роста населения планеты, при линейном ее рассмотрении, предполагает перенаселение планеты и глобальную экологическую и гуманитарную катастрофу уже в течение нескольких ближайших десятилетий, в то время как прогнозы ведущих специалистов в области демографической проблематики показывают, что, с учетом ряда дополнительных факторов, сам процесс роста населения стабилизируется, и население планеты не превысит отметки в 12 миллиардов человек. Глобальный и, по сути, беспрецедентный характер современных процессов мирового развития также не позволяет судить в одной лишь тенденции, поскольку речь идет о глубокой трансформации общества, что, в частности, может затронуть и сами по себе тенденции общественного развития. Вместе с тем, не оставляет сомнений тот факт, что в рамках сложившейся ситуации одной из важнейших проблем на уровне отдельного общества является сохранение внутренней целостности и идентичности, а на внешнеполитическом уровне – способности к воздействию на глобальные мировые процессы, или, как минимум, способности к сохранению собственного вектора развития. Речь идет не об отрицании глобализации и не о выходе из системы глобальных отношений, но о создании прочных оснований для проведения собственной политики. В этом отношении, по сути, стратегическим является не просто сохранение относительной стабильности общественной структуры, но ее выход на такой уровень развития и согласования культурных оснований существования общества, а также основных социальных институтов, при котором общественная структура будет способна выдержать конкуренцию с зарубежными образцами.

Следует отметить, что основным предметом конкуренции общественных систем является структура общества, что проявляется как на уровне ценностной ориентации представителей общества, так и в форме организации основных общественных процессов и отношений. В этой связи, с учетом того, что современное общество находится на активной стадии самоорганизации, определяющее значение приобретают информационные процессы, на уровне которых происходит как формирование самосознания общества, так и определение вектора развития общества, что особенно существенно в условиях современного демократического правления большинства стран. Немаловажным в данном отношении является культурный фактор, также существенным образом определяющий интенции социального развития. В этом отношении раскрытие специфики информационных процессов в современном обществе является важным условием адекватного понимания сущности современной социокультурной ситуации, как на уровне частного общества, так и на уровне мировой правовой реальности.

Глава 3. Социоструктурные основания социальной деструктивности

Изменение скорости и масштабов информационного обмена нельзя однозначно охарактеризовать с точки зрения их деструктивности или конструктивности. Как показывает проведенный обзор, стремление общества к сохранению стабильности предполагает противодействие динамическим процессам, связанным с современным уровнем информационных технологий. Однако современный уровень технического прогресса в сфере информационных технологий включает в себе как деструктивные, так и конструктивные последствия в отношении развития отдельной социальной структуры. Здесь можно судить не столько о деструктивности современных информационных процессов, как таковой, сколько о качественном повышении интенсивности и масштаба внутренних и внешних процессов, что является существенным фактором повышения динамики социального развития.

Возвращаясь к тематике культурных оснований социальной деструктивности, следует рассмотреть важную проблему – формы контроля над информационными процессами, и, в частности, степень контролируемости современных информационных процессов. Культура является важным основанием социальной практики, и, как таковая, определяет формы протекания социальных процессов и их направленность. Однако сама по себе культура также находится в сфере практики – она транслируется, претерпевает изменения и развитие. И в этом отношении воздействие на культуру с целью достижения определенных результатов на уровне социальных процессов представляет собой один из важных методов управления обществом.

От того, насколько управляемы культурные процессы во многом зависит степень подконтрольности социальных процессов. Причина в том, что, помимо системы принуждения и внешнего управления, являющихся неотъемлемыми составляющими властной структуры, необходим момент добровольного подчинения членов общества целям государства. Соотношение момента властного принуждения и естественных социальных процессов определяет степень благополучия общества. Еще Конфуций выразил этот принцип в идеале «незаметного» правления¹. Чем реже государству приходится обращаться к силовым мерам, тем более стабильным является социальный порядок. Речь идет о том, что помимо прямого регистрируемого воздействия на протекание социальных процессов в рамках экономической и социальной политики, огромное значение имеет регулятивная функция государства, в рамках которой естественное протекание социальных процессов, в конечном счете, соответствует государственным интересам.

¹ Конфуций, Лунь Юй / электронный ресурс «ModernLib» URL: http://modernlib.ru/books/konfuciy/lun_yuy/read/ 17. 08. 2017 14:40

Однако возможность регуляции социальных процессов посредством воздействия на культуру доступна не только представителям властных структур государства. Подобное воздействие может быть оказано и извне — на уровне содержания информационной продукции, приобретаемой обществом государства. Опасность такого воздействия состоит в описанном выше его нерегистрируемом характере. В этом отношении развитие информационных технологий означает, по сути, увеличение технических возможностей по управлению социальными процессами извне. Причем речь идет как о тенденциях и условиях развития общественной структуры, так и о конкретных процессах. Рассмотрим подробнее обозначенные факторы.

Тенденции развития общества — это вектор направленности социальных процессов. На культурном уровне речь идет о наличии определенного набора актуальных вопросов, разрешение которых представляет собой направление деятельности большинства членов общества. Речь может идти о достижении определенных ценностей, принятых в данном обществе как безусловные, или стремлении к самореализации посредством определенных социально значимых, статусных достижений. То, какие конкретно достижения следует рассматривать в качестве значимых определяется ценностной ориентацией общества. В этом смысле внешнее воздействие на социальные процессы в обществе на уровне общих тенденций — это самостоятельный и во многом естественный процесс проникновения культурных ценностей и моделей поведения.

Управление отдельными социальными процессами извне представляет собой активное, целенаправленное воздействие на конкретные стороны жизни общества. Момент активности в данном случае означает непосредственное участие внешних социальных сил в формировании тенденций и процессов развития общества. Ярким примером такой деятельности может выступить актуализация определенных социальных проблем на уровне средств массовой информации и Интернет-ресурсов. Как было показано выше, развитие общества во многом определяется осознанием его внутренних проблем, их актуализацией на уровне общественного мнения. Социальная активность в данном случае выступает как конструктивная по направленности, но дестабилизирующая сложившийся порядок деятельность. Естественный процесс развития общества требует существования подобной преобразовательной активности. Однако слишком активная актуализация социальных проблем представляет собой существенную угрозу для социального порядка, поскольку актуализация в массовом сознании социальных проблем означает одновременно и их обострение.

Современные информационные процессы позволяют актуализировать социальные конфликты. При этом, сам по себе момент конфликтности является неотъемлемой стороной социальных процессов, поскольку одной из движущих сил социального развития является конкуренция, сущность которой сама по себе конфликтна. Какой бы эффективной ни была организация

общества, социальный процесс предполагает расхождения интересов отдельных социальных групп, и, как следствие – наличие членов общества, чьи интересы в той или иной мере ущемлены в рамках сложившейся ситуации. Здесь мы подходим к важному теоретическому разделению: в рамках отражения социальных проблем может реализовываться как конструктивная практика осмысления абстрактности социальной модели, так и деструктивная практика актуализации социальных конфликтов. Будучи схожими формально, они кардинально различаются по своей направленности. Рефлексия над социальными проблемами предполагает необходимость их разрешения. В этом отношении рассмотрение конфликтной ситуации в первую очередь производится с целью ее осмысления и разрешения. Социальная рефлексия направлена на стабилизацию ситуации в обществе посредством осознания и решения внутренних проблем. Напротив, актуализация социальных конфликтов направлена, в первую очередь, на разрушение сложившегося порядка, и, как таковая, может не содержать в себе оснований для стабилизации ситуации в обществе.

Немаловажным фактором, определяющим стабильность социальной структуры и ее независимость от внешних воздействий является соотношение социальной активности членов общества на уровне прямых социальных контактов и в рамках общего информационного пространства. Чем выше вовлеченность членов общества в активную социальную деятельность (и одновременно, чем ниже погруженность в информационные ресурсы), тем больше шансов к сохранению культурной и социальной идентичности.

Рассматривая на общем уровне влияние прогресса в области информационных технологий на условия существования и развития частных социальных систем, следует отметить многомерность воздействия, оказываемого современным уровнем развития информационных технологий на их развитие. Нельзя однозначно судить о благоприятности, или, напротив, деструктивности современных информационных процессов для развития локальных социальных систем. Однако можно с уверенностью судить о том, что развитие информационных технологий привело к интенсификации ряда дестабилизирующих социальных факторов. Существование современного общества уже невозможно представить без информационных технологий, однако стремления общества к сохранению стабильности предполагает системное противодействие ряду тенденций, актуализировавшихся в результате научно-технической революции. Речь идет не об отрицании прогресса, а, скорее об управлении его последствиями. И в этом отношении на уровне социальной практики можно встретить различные методологические подходы к данной проблеме.

Отрицание прогресса, хоть и реализуется фактически на уровне движения антиглобализма, государственной цензуры медиапродукции, а также запрета информационных ресурсов, не является перспективным в условиях

мировой конкуренции. Таким образом, адекватное противодействие дестабилизирующим факторам, связанным с развитием информационных технологий и ускорением информационного обмена, заключается, в первую очередь, в адекватной регуляции процессов социализации, культурном развитии членов общества, с привитием им способности к критическому осмыслению информационной продукции. Немаловажным фактором в данном случае является общий показатель стабильности правовой реальности, и, в частности, эффективности функционирования социальных институтов. Вместе с тем, не менее важным является участие государства в информационных процессах, с целью их оптимизации.

Рассмотрение внутренней структуры общества, и, в частности, сбалансированности и развитости различных социальных институтов раскрывает лишь одну сторону проблемы внутренней стабильности общества. На деле всякая правовая реальность является включенной в мировую систему социальных взаимодействий. Рассмотрение одних лишь внутренних факторов развития общества в данном случае является однобоким, поскольку как процессы социального развития, так и условия функционирования отдельных социальных институтов обнаруживают существенную взаимосвязь с условиями внешней по отношению к социальной системе среды. Современный этап развития общества характеризуется высоким уровнем интенсивности процессов, по масштабу превышающих рамки какой-либо одной правовой реальности. И в этом отношении проблема стабильности социальной структуры требует раскрытия механизмов взаимодействия общества с внешней социальной средой.

Высокая интенсивность экономического и информационного взаимодействия в данном отношении является фактором, ставящим под вопрос возможность сохранения социальной системой собственного устоявшегося социального порядка. В современном обществе реализуется непрерывный процесс конкуренции форм организации общества, и этот процесс непосредственно затрагивает организацию социальных институтов. Процесс глобализации – это процесс выхода социальных процессов на глобальный уровень, и реализуется он, в первую очередь, на уровне выхода отдельных социальных институтов на глобальный уровень. В этой связи, например, можно судить о глобальной экономической среде, международной правовой системе и т. д. Однако современный уровень развития глобальных социальных институтов не знаменует собой установление единой структуры социальных отношений.

Данное явление в настоящее время проявляется как тенденция, в связи с чем, можно судить об интенции со стороны мировой социальной среды к унификации форм и принципов социального взаимодействия. В этой связи отдельные социальные системы, по сути, испытывают на себе давление со стороны мирового общества, что само по себе является серьезным дестаби-

лизирующим фактором. Рассматривая механизмы, в рамках которых осуществляется тенденция экспансии структурной организации общественных процессов, в качестве важнейшего следует рассматривать принцип конкуренции. Эта конкуренция осуществляется на всех уровнях, от культурного до экономического.

Определяющим в данном случае является то, что современная информационная открытость социальных систем ведет к проникновению в общественное сознание различных моделей общественного устройства, что реализуется не на теоретическом уровне, а на уровне актуально существующих примеров социального устройства. Успешное, стабильное общество в данном случае выступает в качестве парадигмы – налично данного образца адекватной организации социальных процессов. В этом отношении актуализация внутренних проблем общества знаменует собой повышение на уровне общественного сознания актуальности внешних моделей, что реализуется на уровне сопоставления ситуации в собственном государстве и иных государствах. Нельзя не учитывать тот факт, что простое заимствование структурной организации развитых обществ на деле может не только не способствовать повышению социальной стабильности, но, напротив, привести к еще большему обострению внутренних противоречий. Как было показано выше, процесс изменения общества не является мгновенным, в силу чего изменение в масштабах какого-то одного социального института, тем более, являющееся результатом не внутреннего развития, но внешнего воздействия, может привести к возникновению новых актуальных проблем.

Это является одним из существенных аргументов в пользу самостоятельного развития социальных систем, поскольку историческое сохранение целостности взаимосвязи различных социальных институтов может способствовать в дальнейшем более адекватному их согласованию. Вместе с тем, коль скоро процессы замещения структурных форм реализуются на уровне конкуренции между структурой общества и мировыми образцами социального устройства, наиболее приемлемый путь развития правовой реальности – это противодействие внешним факторам дестабилизации социальных процессов, и одновременно усиление защитных функций правовой реальности. Немаловажной в данном отношении является выработка оптимальной стратегии развития важнейших социальных институтов общества, с целью повышения их конкурентности в мировом социальном процессе.

Таким образом, одной из стратегических задач в развитии общества является построение целостной системы социальных отношений. Принципиальный вопрос возможности образования устойчивой гармоничной правовой реальности, а также методологии ее построения, приобретает первостепенное значение. Анализ взаимосвязи социальных институтов показывает, что их развитие в существенной мере – самостоятельный процесс, чем, в частности, объясняется многообразие форм организации существующих

социальных систем. Однако тезис о самостоятельности различных социальных институтов не отрицает факта их глубокой взаимосвязанности. Общество представляет собой сложную систему, в которой состояние отдельных элементов общественной структуры существенным образом влияет на систему в целом. Таким образом, говоря о многообразии существующих форм организации общества мы утверждаем наличный факт, не отрицающий, при этом, различную степень согласованности и эффективности рассматриваемых социальных систем. По этой причине применяемый теоретический подход раскрывает как момент фактического многообразия моделей социального устройства, так и внутренние основания социальных противоречий, разворачивающихся в рамках отдельных обществ. Речь в данном случае не идет о признании необходимости наличия единственной идеальной модели социального устройства. Скорее рассматриваемая ситуация свидетельствует о том, что создание эффективной правовой реальности требует соблюдения ряда условий (и, в частности, знания ряда принципов), определяющих эффективность организации и взаимодействия отдельных элементов социальной структуры. Исследование данной тематики требует детализацию полученного знания, с целью чего необходимо произвести специальное рассмотрение основных социальных институтов, их важнейших социальных функций и основных моделей развития. В частности, раскрытие проблемы дисфункции социальных институтов в данном отношении может способствовать углубленному пониманию сложившейся ситуации и путей ее разрешения. Вместе с тем, существенную значимость приобретает системное рассмотрение общества, в силу чего одним из перспективных направлений исследования видится изучение межинституциональных взаимодействий.

В действительности имеет место практически непрерывное возникновение деструктивных социальных факторов, в силу которых происходит недостаточно эффективное функционирование различных социальных институтов. Таким образом, нормальное протекание социального процесса как неизбежный элемент содержит в себе социальную деструктивность. В этом отношении актуализируется вопрос: какими могут быть ориентиры для представителей политической власти, в соответствии с которыми может быть произведена адекватная оценка состояния общества? Развитие общества представляет собой динамичный и во многом противоречивый процесс. Корни этих противоречий пролегают как во внутренней несбалансированности социальной системе, так и в череде различных сторонних факторов, определяющих возникновение внутрисоциальных противоречий. На этом уровне построение правовой реальности, на уровне которой возможно было бы полное удовлетворение основных потребностей членов общества представляет собой скорее идеал, направленность регулятивных процессов общества. По факту, адаптивные возможности общественной системы настолько сильны, что общество может функционировать даже в условиях

глубокого нарушения деятельности одного или нескольких социальных институтов.

В этом отношении актуализируется два важных смысловых аспекта. Во-первых, важны тенденции направленности общественных процессов. Иными словами, развитая социально-экономическая система пребывающая в состоянии стагнации имеет подчас значительно более плачевные перспективы, нежели развивающееся общество, бурными темпами наращивающее свой потенциал. Тенденция развития общества – важный показатель эффективности политики по регулированию социальных процессов. Второй существенный аспект заключается в том, что на определенном уровне нарушения функции социальных институтов может иметь место разрушение общественной структуры, что как результат предполагает либо поглощение правовой реальности более сильным обществом, либо нарушение государственности и выход общества к состоянию неконтролируемого протекания социальных процессов. Очевидно, что нарушение структуры общества крайне негативно скажется на его членах, поскольку социальные процессы, с выходом на нерегулируемый уровень, приведут к обострению противоречий между отдельными социальными группами и еще большему рассогласованию социальных институтов. Также не является конструктивной альтернативой частичное или полное поглощение правовой реальности, что будет детально рассмотрено далее. Таким образом, сохранность социальной структуры является одной из важнейших задач общественной регуляции. В этой связи следует отметить, что возможные направления управленческой деятельности государства протекают не только в сфере решения существующих проблем, но также и в области предотвращения возникновения деструктивных социальных тенденций. Рассмотрим подробнее основные факторы, определяющие внутреннюю стабильность общественной системы.

Развитие общества и его внутренняя стабильность определяются не только внутренними, но и внешними факторами. В этом отношении рассмотрение динамики социальных процессов существенным образом осложняется. Причина коренится в том, что помимо внутренней сложности и противоречивости правовой реальности имеет место также многообразие внешних воздействий на социальную структуру общества, что в совокупности определяет актуальное состояние социальных институтов, их эффективность и стабильность. В этом отношении для прояснения причин внутренней нестабильности общества существенное значение приобретает анализ устойчивости общественной структуры по отношению к внешним воздействиям, и, в частности, определение наиболее уязвимых сторон социальной организации. Поэтому теоретически оправданным является разделение факторов социального развития на внутренние и внешние. Следующий шаг заключается в том, чтобы определить направленность тенденций развития общества и интенции развития мировой социальной среды. В этой связи нами будет произведено теоретическое разграничение общих тенденций развития

мирового общества и внутренних тенденций развития частной правовой реальности. Исходная гипотеза в данном случае заключается в том, что на моментах расхождения глобальных тенденций и направленности развития отдельного общества реализуется наиболее деструктивное взаимодействие отдельного общества с глобальной социальной средой. В этом отношении необходимо разграничить две различных формы тенденций социального развития – глобальные и локальные, характерные для отдельной общественной структуры. Существенное значение приобретает понимание самих по себе оснований обособления социальной структуры.

Общество, являясь коллективным продуктом деятельности множества людей и одновременно социальной средой их обитания, на структурном уровне отражает потребности людей, его составляющих. При этом, чем более сложной и масштабной является правовая реальность, тем более проблематичным является удовлетворение потребностей всех членов общества. Существенным здесь является не только количественный аспект количества населения государства, но и качественный аспект многообразия социальных типов, представленных на уровне общества. Чем больше многообразие по критериям менталитета, социального положения, ценностных ориентаций и т. д. имеет место быть на уровне правовой реальности, тем более разноразличными являются члены общества в плане интенций социальной активности. По этой причине, в частности, малые группы являются значительно более единообразными и сплоченными на уровне общности интересов и схожего характера социального статуса, нежели крупные социальные образования. В этом отношении нагрузка на структурные элементы общества возрастает по мере его качественного усложнения и количественного увеличения. Иными словами, чем более масштабной является социальная структура, тем больше в ней оснований для возникновения конфликта интересов. Таким образом, регулятивная функция общества возрастает по мере его усложнения. Рассматривая на уровне гипотетики глобальную социальную систему, как единый социальный организм нельзя не отметить как неизбежный результат глобализации качественный скачок в росте внутренних конфликтных тенденций. Причина в данном случае заключается в том, что общество стремится к единству своей структуры, в то время как сама по себе социальная среда на уровне отдельных представителей общества характеризуется высокой степенью неоднородности.

Причины, определяющие увеличение масштабов правовой реальности коренятся в том, что правовая реальность, будучи порождением человека, одновременно является его иным – социальной средой его обитания. И, будучи в ряде отношений самостоятельной в плане целеполагания системой, она имеет собственные потребности и тенденции развития. Таким образом разворачивается диалектика индивидуального и общего в рамках социального порядка отдельного общества. Усложнение социальной среды –

это необходимый процесс, направленный на оптимизацию достижения интересов общества, как самостоятельной структуры. Таким образом, общество стремится к расширению взаимосвязей с внешней средой с целью более эффективного протекания ряда процессов, например, на уровне экономики или научного познания. Таким образом, если рассматривать вопрос институционально, развитие социального института в конечном итоге приводит к выходу его активности на уровень внешнего взаимодействия с целью оптимизации функционально определенных в рамках социального института процессов. На уровне экономики речь идет о процессе международной торговли, инвестиций, торговых и таможенных соглашений, международного разделения труда и т. д. На уровне образования речь идет о совместных образовательных проектах, в частности – практики обучения по обмену или привлечения специалистов из другой страны к преподавательской деятельности. На уровне науки, за исключением специальных коммерческих или государственных исследований, можно судить о практически полном стирании территориальных границ.

Таким образом, на уровне государства производится установление баланса между многообразием личностей и общественной тенденцией к унификации социальных процессов. В этом отношении деятельность государства направлена как на упорядочивание внутренней структуры общества, выработку единых идеологических оснований, усреднение социального статуса населения, так и на противодействие излишне интенсивному развитию глобализационных процессов. В этом заключается различие между естественными процессами в обществе и возникающими на их основании социальными проблемами, и регулятивной социальной деятельностью, несущей комплексный осознанный характер. В этом отношении процесс глобализации на настоящем этапе нельзя рассматривать как централизованное явление – это, в первую очередь, собрание тенденций на уровне различных социальных институтов к выходу на глобальный уровень. При этом, что существенно, эти глобализующиеся социальные институты в своем развертывании во многом обособлены друг от друга. В частности, центры экономического роста могут не совпадать с центрами культурного развития или научного прогресса. По этой причине современный этап развития мирового общества несет в себе глубокие противоречия, связанные с несоответствием друг другу мировых социальных институтов. Эта институциональная хаотичность является одним из оснований деструктивности глобализационных процессов на современном этапе развития общества. Здесь мы подходим к следующему важному аспекту: развитие общества, регулируемого на уровне государственной власти, существенно образом отлично от развития мировой социальной среды. Это различие пролегает в внутренней целостности социального процесса, к которой стремится государство, а также историческом характере развития социальных институтов, развитие которых происходило в рамках общей социальной структуры. По этой причине

правовая реальность в определенной мере является замкнутой в своей идеальной определенности. Иными словами, социальная среда каждого конкретного государства имеет свою специфику, связанную с особенностями менталитета населения, характером производственных и экономических отношений, правовой системой и т. д. В конечном счете это означает также и то, что структура отдельной правовой реальности имеет собственные интенции развития и характеризуется наличием особой специфики протекания социальных процессов.

Из проведенного выше обзора можно сделать, как минимум, два существенных вывода. Государство представляет собой более высокую по уровню организации взаимодействия социальных институтов форму, и вместе с тем по своим масштабам уступает мировой социальной среде; при этом полная адекватность и конструктивность процесса глобализации возможна лишь в том случае, когда на уровне политической власти отдельных государств будет достигнуто конструктивное согласие в отношении структуры мирового взаимодействия. До того момента, пока институт государства не выйдет на глобальный уровень, внешняя социальная среда, будучи источником ряда благ и возможностей, остается, при этом, деструктивной по отношению к сложившемуся в отдельно взятом обществе социальному порядку. Здесь следует сделать важную оговорку: речь идет не о безусловной деструктивности каких-либо заимствований, а, скорее, о необходимости сохранения идентичности, имеющей место на уровне отдельных общественных систем. Это тем более важно, что интенсивность современных социальных процессов, по сути, беспрецедентна в истории. И на этом уровне приобретает актуальность следующая проблема: насколько в действительности целостной является социальная структура? В свете поставленной проблемы приобретает актуальность рассмотрение ситуации в обществе как фактора стабильности по отношению к внешним деструктивным воздействиям. Вместе с тем, требует теоретического раскрытия и другая сторона вопроса – влияние внешней социальной среды на протекание внутренних процессов в обществе, иными словами – основание дисфункции социальных институтов во внешних условиях существования общества. Исходя из необходимости понимания дестабилизирующих социальных факторов с целью противодействия их влиянию, целесообразно рассмотреть этот аспект вопроса более детально.

Как было показано ранее, существует широкий спектр внутренних факторов, определяющих выход одного или нескольких социальных институтов из состояния адекватного функционирования. Вместе с тем, даже отлаженная правовая реальность в существенной мере зависит от внешних факторов, что проявляется на уровне адаптации правовой реальности к всевозможным изменениям условий ее существования. Таким образом, изменение внешней социальной ситуации требует, соответственно, адаптивного перестроения правовой реальности с целью сохранения эффективности ее

функционирования. Однако адаптация, как таковая – это не одномоментный процесс, она требует значительных временных ресурсов и подчас связана с большими затратами материальных и человеческих ресурсов общества. Таким образом, серьезные изменения на уровне мирового общества знаменуют собой одновременно выход из равновесия отдельных социальных систем, что приводит к временной дисфункции одного или нескольких социальных институтов. Как итог – пребывание общества в переходном состоянии, когда степень согласованности социальных институтов не является достаточной. Что существенно, современная ситуация в мировом обществе меняется в сторону интенсификации взаимодействия отдельных государств, в силу чего влияние изменений на уровне мирового общества, с одной стороны, становится более сильным, с другой – все более динамичным. В этой связи следует рассмотреть, во-первых, специфику характера взаимодействия общества и мировой социальной среды, и, во-вторых, определить наиболее оптимальное и стабильное по отношению к внешним воздействиям состояние социальной структуры.

Специфика взаимосвязи между отдельным обществом и мировой социальной средой заключается в том, что она реализуется на уровне частных контактов отдельных представителей общества с представителями иных социальных систем, а также на уровне основных социальных институтов. При этом, современная ситуация практически не позволяет социальной системе быть замкнутой на институциональном уровне. Таким образом, существуют внешние экономические связи, межкультурная коммуникация, международная научная деятельность, а также взаимодействие на международном уровне в сфере разрешения сложных правовых или политических вопросов. Институциональный характер взаимодействия различных обществ и международных организаций в данном случае является очень важным аспектом рассматриваемой проблемы, поскольку деструктивные социальные процессы в мировом обществе проявляются именно на уровне отношения глобальных социальных институтов к социальным институтам отдельно взятого общества. Так, например, мировой экономический кризис, затрагивая все сферы общественной жизни, тем не менее, имеет отношение в первую очередь к сфере экономики. Таким образом основные изменения в рамках отдельного общества государства в данном случае будут носить экономический характер, хотя нельзя судить о полной неизменности других социальных институтов.

Важно понимать, что изменения во внешней социальной среде далеко не всегда имеют негативное значение для отдельного общества, однако чаще всего, если не оно само является источником этих изменений, эти изменения являются основанием для трансформации структуры общественной системы. Здесь актуализируется важный аспект проблемы, частично раскрытый ранее – для общественной структуры наиболее благоприятно самой являться источником структурных изменений в глобальной социальной

системе, нежели претерпевать на себе воздействия извне. Вместе с тем, именно на этом уровне реализуется серьезный момент конкуренции между ведущими державами. Точкой конфликта интересов в данном случае является оптимальность глобальных процессов для конкретно взятых общественных систем, претендующих на возможность адаптации внешней среды в соответствии с собственными запросами. В этом отношении от силы государства и его эффективности на ряде уровней протекания социальных процессов напрямую зависит степень конкурентности правовой реальности в преобразовании мировой социальной среды. Строго говоря, здесь реализуется существенная альтернатива: либо общество претерпевает изменения извне, либо само оказывает на внешнюю среду активное воздействие. Эта альтернатива, впрочем, не является абсолютно строгой, поскольку социальная среда является в существенной мере пластичной, и, соответственно, помимо отношений прямого воздействия и изменения возможно отношение взаимной адаптации отдельных социальных систем друг к другу.

Поясняя данное различие отметим, что на уровне глобальных социальных институтов не исчерпывается вся специфика социальных процессов, а лишь задаются наиболее общие правила взаимодействия. Иными словами, экономическое взаимодействие между двумя государствами не зависит от способов производства и организации труда, при условии экономической эффективности данного производства. Это явление имеет место и на уровне других, нежели экономика, социальных институтов. Так, например, на уровне науки, вне зависимости от того, каким образом организована научная деятельность в рамках отдельных государств, основное взаимодействие реализуется на уровне продуктов научной деятельности и совместной разработки определенного круга проблем. Таким образом сохраняется определенная самостоятельность отдельных общественных структур в плане вариативности внутренней организации. Это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что современное общество не имеет абсолютной тенденции к унификации социальных процессов и приведении их к единой форме. Вместе с тем, нельзя отрицать наличие тенденций проникновения на структурном уровне моделей социальной организации в те общественные системы, которые обнаруживают свою уязвимость или неэффективность по определенным критериям.

Возвращаясь к проблеме внешних дестабилизирующих факторов, приводящих к дисфункции отдельных социальных институтов следует отметить, что данный процесс нельзя исчерпывать одним лишь внешним воздействием на социальную структуру. Как было показано выше, в зависимости от того, насколько эффективна организация социальных процессов в обществе, оно в большей или меньшей степени подвержено выходу из равновесия под давлением внешних факторов. Таким образом, дисфункция социальных институтов может быть результатом либо крайне сильного по своей интенсивности внешнего воздействия (например, военное вторжение или

экономический кризис, глобально изменивший картину экономических отношений), либо суммы факторов, включающих в себя внутренние условия нестабильности и внешнее воздействие, непосредственно влияющее на структуру ослабленного общества.

Итак, дисфункция социальных институтов может являться временным результатом адаптации правовой реальности к изменившимся условиям внешней социальной среды. В данном отношении было бы ошибкой рассматривать изменение структуры общества в качестве безусловно негативного результата социального процесса. Общество по сути своей динамично и процессы изменения, равно как и процессы адаптации в нем практически непрерывны. Однако важно понимать, что дисфункция определенного социального института может быть не только переходным явлением, связанным с адаптацией общества к изменившимся условиям, но и просто деструктивным итогом изменения внешней среды, требующим оптимизации социальных процессов в соответствии с изменившимися условиями. Последнее предполагает активное рассмотрение внутренних и внешних факторов, определяющих выход социального института из состояния нормального функционирования и их системное рассмотрение, результатом которого может выступить либо противодействие данным факторам, либо реорганизация социального института.

В связи с проведенным выше рассмотрением приобретает актуальность исследование внутренних факторов, определяющих подверженность общества внешним воздействиям. К числу одного из основных факторов в данном случае следует отнести уровень развития социальных институтов в рамках государства. Наиболее уязвимым в данном отношении является слабый, недостаточно развитый социальный институт, поскольку неразвитость социального института естественным образом приводит к необходимости его замещения. Процесс функционального замещения социального института, при котором ряд функций переносится на другие социальные институты, является результатом адаптации общества к сложившейся неблагоприятной ситуации, однако по факту подобная ситуация одновременно ослабляет остальные социальные институты и делает недостаточно развитый социальный институт наиболее уязвимым для внешнего воздействия. Так, например, страны со слаборазвитой экономикой широко поощряют внешние инвестиции в различные секторы экономики, однако подобный процесс в конечном счете делает эти государства зависимыми от корпораций, которые произвели инвестирование и сделали вклад в развитие промышленности или иного экономического сектора государства.

По сути, ключевой теоретической проблемой при рассмотрении отношения отдельного общества и мировой социальной среды является сохранение баланса между сохранением внутренней структуры общества и его адаптацией к внешним изменениям. Дисфункция социальных институтов

общества в условиях процессов глобализации является одним из необходимых следствий современной ситуации в мировом обществе, связанных с его переходным состоянием. При этом существенное значение имеет мера внутренних изменений, связанных с преобразованием структуры общества в условиях глобальных трансформационных процессов. В этом отношении проблема не исчерпывается степенью эффективности организации общества. Важным фактором, определяющим картину развития общественной структуры является состояние внутренних регулятивных процессов, определяющих направленность социального развития. В этом отношении приобретает актуальность направленность общественного сознания и формы его реакции на наличие внутренних структурных проблем общества. Существование общественной структуры предполагает наличие широкого ряда потребностей и интенций на их удовлетворение. При этом, в зависимости от структуры общественных отношений удовлетворение определенного ряда потребностей членов правовой реальности оказывается приоритетным, в то время как некоторые потребности длительное время рассматриваются в качестве второстепенных и не находят адекватного удовлетворения. В этом проявляется парадигмальность социальной политики: реализуемая государством модель общества с необходимостью обладает направленностью на достижение определенного круга задач и оптимизацию определенного набора функциональных составляющих общественной структуры, при этом, из-за ограниченного внутреннего ресурса неизбежным является временное ущемление интересов отдельных социальных групп.

Это явление естественно и в качестве своего итога имеет актуализацию на уровне общественной структуры проблем, длительное время не находивших своего разрешения, что является основанием для изменения социальной структуры. Вместе с тем, данный процесс осложняется тем, что в рамках современного общества, с учетом доступных в настоящее время информационных ресурсов, происходит постепенное проникновение в общественное сознание социальных моделей других обществ. В этой связи может сложиться ситуация, когда при сравнении и сопоставлении социальной ситуации в собственной стране и на уровне ряда зарубежных образцов граждан государства обнаруживает явные преимущества зарубежной социальной модели по отношению к реализованной в рамках его собственной правовой реальности. Несовпадение направленности различных обществ в реализации социальной политики может привести к ситуации, когда при приблизительно равном уровне социального развития социальных систем, каждая из них может обладать явными преимуществами в организации определенного социального процесса.

При комплексном рассмотрении вопроса становится видно, что данная ситуация не является основанием для принятия сторонней модели социального устройства. Однако на уровне общественного сознания реализуется

абстрактное восприятие зарубежных социальных моделей, характеризующееся выборочным характером сопоставления социальных условий в своем обществе и за рубежом. С учетом того, что в качестве основного критерия в оценке люди склонны выбирать сферу собственных нереализованных социальных интенций, внешняя социальная модель имеет значительно более привлекательный характер, нежели социальное устройство государства, в котором человек проживает. Таким образом, одной из особенностей современной социальной ситуации является направленность населения на заимствование внешних социальных моделей. Необходимо понимать, что трансформация общества по сторонним образцам, без учета специфики существующей социальной системе чревато серьезными осложнениями на ряде уровней протекания социальных процессов. В этом отношении важно то, что реорганизация даже одного социального института имеет серьезные последствия на уровне правовой реальности в целом, требующие адаптации общественной структуры к изменению внутренних условий. И, таким образом, полное заимствование сторонней модели с одной стороны может привести к глубокой дисфункции социальных институтов на моменте трансформации, с другой – привести к возникновению ряда проблем, связанных с несоответствием заимствуемой социальной модели специфике конкретного общества.

Направленность на заимствование сторонней модели развития общества имеет различную степень выраженности в зависимости от того, насколько ситуация в обществе соответствует удовлетворению социальных запросов личности. В этом отношении можно судить о том, что на уровне социальных групп, развитие которых является приоритетным для государства, степень принятия существующего социального порядка значительно выше, нежели на уровне социальных групп, интересы которых не находят отклика на уровне регуляции социальных процессов. При этом, что существенно, в условиях современного информационного обмена социальная напряженность значительно быстрее приобретает осознанный характер направленности на реализацию социальной модели организации других государств.

Следует отметить, что данное явление, будучи преломлением регулятивной функции общества, не является конструктивным для него в силу абстрактного характера социального сознания. Осознание недостатков правовой реальности при игнорировании ее явных преимуществ приводит к формированию слепой направленности на изменение социального порядка. Этот процесс не является основанием оптимизации социальной структуры, он является неизбежным следствием нарушения ее функции по одному или нескольким направлениям. В этом отношении для сохранения внутренней стабильности общества важно, чтобы на уровне общественного сознания имело место понимание переходного характера общественной структуры. В

конечном итоге общество стремится к соблюдению интересов всех представленных в нем социальных групп, и наиболее явное ущемление их интересов имеет место на моментах трансформации общественной структуры. В этом отношении процесс оптимизации общественного порядка в конечном счете предполагает обращение государства к тем проблемам, которые на момент решения наиболее актуальных проблем отодвигались на второй план. Таким образом, трансформация общественной структуры как результат на изменение внешней социальной среды, на протяжении определенного периода развития правовой реальности оказывает на нее давление на уровне общественного сознания, направленного на заимствование сторонних моделей социального устройства. В этой связи одним из важных направлений социальной деятельности является управление процессами актуализации на уровне социального сознания направленности на преобразование общества. Воспитание социальной грамотности населения, с целью обеспечения на его уровне понимания необходимости производимых на государственном уровне преобразований и общей линии развития государства, направленной на оптимизацию всех уровней социального устройства крайне важно для сохранения внутренней стабильности общества.

Нами были рассмотрены на общем уровне основные интенции развития общественной структуры, связанные с развертыванием глобализационных процессов в мировой социальной среде. Однако данный процесс требует своей детализации на уровне рассмотрения возможных вариантов развития общественной структуры в условиях глобализации. В этом отношении в качестве одного из существенных аспектов выступает степень интенсивности взаимодействия общества с мировой социальной средой на уровне различных социальных институтов. Речь идет в данном случае о том, что в рамках мировой системы не существует равномерности в распределении ролей отдельных государств. Процесс глобализации с необходимостью включает в себя такой важный аспект, как международная специализация на уровне производства различного рода материальных и информационных продуктов, а также оказании различного рода услуг. Это проистекает из неравномерности в распределении ресурсов и различиях в техническом развитии и оснащении производственной базы отдельных государств. В результате складывается ситуация, когда экономический сектор отдельных государств оказывается смещенным в сторону экспортного производства, в то время как внутренние потребности населения удовлетворяются за счет импорта широкого спектра необходимых товаров. Напротив, ряд государств характеризуется высоким развитием внутреннего обеспечения экономических потребностей общества, в силу чего можно судить о значительно более независимом характере развития их экономических систем.

То же самое реализуется и на ряде других уровней социальной организации: некоторые общественные структуры являются источником куль-

турных продуктов, широко транслируемых в рамках мирового информационного пространства. При этом в рамках различных обществ характерен различный уровень потребления внешних по происхождению культурных продуктов. Неравномерность протекания процессов взаимодействия в рамках современного глобализационного процесса приводит к ситуации, когда в рамках отдельно взятого общества происходит смещение направленности развития в сторону какого-либо одного социального института, в то время как остальные функционируют исходя из его интенций развития и связанных с этим социальных запросов. Это явление, затрагивающее, в первую очередь, сферу экономики, получило название гиперфункции социального института и является одним из характерных для современного глобализующегося общества. Рассмотрим последствия гиперфункции социального института и ее последствий для общества, на уровне которого она имеет место.

Гиперфункция социального института предполагает существенный уровень специализации общественной структуры. Поскольку наиболее распространенным является повышенное развитие экономического сектора в государстве, мы рассмотрим особенности гиперфункции социального института на уровне гиперфункции института экономики. Специализация общества на определенной разновидности экономической деятельности является результатом внутренней специфики распределения ресурсов в рамках государства, в сочетании с повышенной потребностью на уровне глобальной экономики в этом виде деятельности или ресурса. В этом отношении одним из характерных (но не единственно возможных) примеров гиперфункции экономики является сырьевое производство в малоразвитых странах, на уровне которого осуществляется удовлетворение основных экономических потребностей общества. Другим характерным примером является невиданный размах обрабатывающей промышленности, преимущественно, организованной на средства инвесторов, в странах Азии, что получило название «азиатского чуда» экономического развития. Характерной особенностью экономической специализации является то, что какой-то один род экономической деятельности приобретает центральное значение на уровне общества.

В связи с этим реализуется несколько тенденций в отношении адаптации других социальных институтов к сложившейся экономической ситуации. Во-первых, на уровне образовательной системы реализуется существенное смещение в пользу той формы производственной деятельности, которая имеет приоритетное значение. Соответственно, население, не имеющее возможности участвовать в данном роде экономической деятельности обладает значительно урезанными возможностями по добыче материальных ресурсов, а также обладают меньшими возможностями к достижению высокого социального статуса. Приоритет определенной сферы экономической деятельности превращает остальные сферы экономической деятельности в совеобразный придаток основной отрасли. Это существенным образом влияет на распределение социальных ролей. Следующим важным следствием

является то, что в рамках общества, на уровне которого имеет место гиперфункция экономики сфера производства является в значительной мере неоднородной, что делает население зависимым от импорта необходимых товаров. В частности, такие государства принимают на себя удар в случае развертывания на уровне мировой экономики кризисных тенденций.

Что касается влияния гиперфункции экономики на институт государства следует отметить, что в рамках общества, в котором имеет место существенное смещение акцентов в направлении одного из социальных институтов, достаточно сложно производить социальную регуляцию, не затрагивая при этом основной социальный институт. Кроме того, неравномерность развития общества предопределяет его несамостоятельность, поскольку удовлетворение широкого спектра потребностей членов общества находится в прямой взаимосвязи от эффективности экономического взаимодействия. По сути, чем менее полно представлена на уровне общества сфера обеспечения населения, тем больший момент экономической зависимости имеет место. При этом, как уже было показано выше, наличие определенной приоритетной сферы деятельности приводит к развитию социального неравенства, что грозит нарастанием социальных противоречий и возникновением социальной напряженности.

К положительным сторонам гиперфункции определенного социального института не как состояния, а как процесса, следует отнести постепенное повышение уровня жизни населения и возможностей общества. Рассматривая саму возможность гиперфункции определенного социального института следует отметить, как один из возможных факторов, общий низкий уровень развитости социальных институтов, при котором активное развитие какого-то одного социального института сопровождается смещением акцентов в его сторону. В этом смысле гиперфункция определенного социального института может представлять собой переходное состояние общества, которое впоследствии должно смениться гармонизацией социального развития.

Глава 4. Социально-правовая концепция понимания экстремизма

Стабильное адекватное функционирование общественной структуры предполагает, как необходимое основание, противодействие деструктивным факторам, дестабилизирующим общественную ситуацию. В этом отношении одной из серьезных проблем является противодействие экстремистской деятельности, направленной на разрушение государственных устоев общества. По сути, на уровне экстремизма реализуется направленное противодействие государству, проявляющееся на различных уровнях – от культурно-коммуникативного до силового. В этом отношении приобретает существенную теоретическую значимость исследование оснований существования данного явления с целью выработки оптимального набора мер не только для противодействия существующей экстремистской деятельности, но и для предотвращения возникновения экстремистских тенденций на уровне общества в будущем. В этой связи приобретает актуальность комплексное исследование природы экстремизма, как сложного социального явления и рассмотрение основных рычагов воздействия на данную проблему. Следует отметить, что проблема экстремизма имеет достаточно серьезную разработку на уровне исследования основных наиболее характерных свойств экстремистской деятельности, что предполагает разработку теоретического определения понятия экстремизма, а также историческое рассмотрение основных форм данного феномена. Вместе с тем, будучи социальным явлением, экстремизм требует не только исторического, но и комплексного социологического исследования, в рамках которого могут быть рассмотрены основные факторы возникновения и существования экстремизма на уровне системы общества. В частности, большое значение имеет проблема истоков экстремизма, оснований его возникновения в рамках общества. В этой связи, рассматривая вопрос аналитически, можно выделить две основные группы факторов, определяющих возможность возникновения экстремизма в обществе – внешние и внутренние. Рассмотрение данных факторов может существенным образом способствовать теоретическому раскрытию проблемы экстремизма, и, в частности, способствовать выработке системной методологии противодействия экстремизму. В этой связи первоначальная постановка вопроса заключается в том, каковы основания возникновения экстремизма на уровне общества. Поскольку экстремизм представляет собой деятельность, прямо противопоставляющую себя государственной структуре, приобретает значимость первоначальное рассмотрение государства, как главного объекта экстремистской деятельности.

Государство представляет собой сложный социальный институт, на уровне которого, с одной стороны, производится определение структуры общества, с другой – регуляция социальных процессов с целью оптимизации общественной системы. В этой связи имеет значение направленность

экстремизма, поскольку противодействие государству, таким образом, может относиться либо к его регулятивной функции, либо к самой структуре общества, выраженной на государственном уровне. Проведенное разделение на функциональную и структурную составляющие института государства показывает, что существует значительная степень вариативности в данном вопросе. Экстремистская активность, направленная против государственной регулятивной деятельности может иметь как уровень личностного неприятия (например, негативное отношение к лицу, наделенному властными полномочиями), так и уровень отрицания определенных направлений государственной политики. Данный уровень неприятия власти зачастую носит поверхностный характер ситуативного отрицания определенных направлений динамики политического регулирования, либо недовольства определенными социальными изменениями, зачастую не связанными напрямую с деятельностью государства. В данном случае существенным является то, что политическая власть реализуется на уровне динамических процессов, и, таким образом, недовольство теми или иными аспектами государственной политики может иметь кратковременный характер. Экстремизм, направленный против структурной определенности общества представляет собой куда более серьезное явление, поскольку в данном случае речь идет о прямом отрицании определенных аспектов социального порядка. В данном случае экстремистское сознание имеет значительно более постоянный характер в силу постоянства объекта неприятия. Вместе с тем, и для первого и для второго случая характерно отрицание государства или отдельных его структурных элементов. Следует разграничивать социальную критику деятельности политической власти и экстремизм. Социальная критика представляет собой момент осознания сильных и слабых сторон государственной политики, в рамках которой не производится отрицание государства, как такового, но рассматривается момент оптимальности политических процессов. Как таковая, социальная критика является одним из серьезных механизмов осознания политической реальности на уровне общества. При этом, для социальной критики характерным является стремление к конструктивному протеканию социальных процессов в рамках существующего государственного порядка. Экстремизм, напротив, реализуется на уровне отождествления существующих негативных социальных тенденций с государством в целом, в силу чего устранение определенных социальных проблем видится возможным посредством разрушения государственного строя общества. Таким образом, на уровне экстремизма, по сути, реализуется отрицание конструктивной методологии социальной регуляции. Данный аспект имеет важное теоретическое значение и в дальнейшем будет подвергнут специальному рассмотрению. На настоящем этапе исследования представляет интерес вопрос о том, в какой взаимосвязи находится функция государства, как социального института, и существование экстремистской деятельности. Речь идет о том, что экстремизм, как явление имеет основания

на социальном уровне, и, таким образом, является одной из системных проблем общественного развития. И поскольку на уровне экстремизма, по сути, производится попытка смены политической парадигмы, отдельного интереса заслуживает вопрос о том, каковы причины столь радикальной реакции на определенный негативный социальный опыт. Большое значение в данном случае приобретает вопрос о том, какие факторы определяют возможность сбоя системы социальной регуляции, в силу которой субъекты общественных отношений прибегают к методологии, неприемлемой в рамках существующей правовой реальности. В этом отношении для начала имеет существенное теоретическое значение рассмотрение механизмов социальной регуляции в обществе на уровне государства, с целью определения их возможных сбоев.

Государство представляет собой сложное образование, на уровне которого реализуется объединение всех основных социальных институтов общества и регулирование их функции. В этом отношении государство, по сути, представляет собой целостную систему социальной регуляции. При этом состояние отдельных социальных институтов напрямую сказывается на структуре общества. По этой причине государство не только регулирует протекание социальных процессов на уровне управления функцией и структурой социальных институтов, но также и само претерпевает существенные воздействия со стороны различных социальных институтов. На этом уровне реализуется существенный аспект взаимосвязи социальных институтов, в рамках которого актуальное состояние одного социального института оказывает непосредственное воздействие на общество в целом. В этой связи теоретически оправдано рассматривать различные социальные институты с точки зрения их органичной взаимосвязи. При таком рассмотрении общество представляет собой своеобразный социальный организм, функционирование которого определяется рядом внутренних факторов согласованности социальных институтов.

Ранее нами была подвергнута детальному анализу проблема дисфункции социальных институтов и взаимного влияния состояния социальных институтов в рамках общества. Суть этой проблемы заключается в том, что функциональное нарушение какого-либо одного из социальных институтов в конечном счете оказывает влияние на все срезы общественной жизни, вызывая различные по своему масштабу отклонения от социальной нормы. Вместе с тем, даже при достаточно высоком уровне развития социальных институтов их рассогласование может также иметь существенные деструктивные последствия для общества в целом. В этой связи деятельность государства направлена на такую организацию функционирования социальных институтов, при которой они будут достаточно эффективны, чтобы удовлетворять основные социальные потребности населения, и при этом не будут вступать друг с другом в отношение явного противоречия. В соответствии с

этим, на уровне общества существует ряд механизмов, направленных на выявление неблагоприятных социальных факторов. Таким образом, деятельность государства заключается в оптимизации общественного состояния и управлении основными социальными процессами на различных уровнях. В свете поставленной теоретической проблемы особое значение приобретают механизмы выявления актуальных социальных проблем, поскольку возникновение в рамках общества экстремистской деятельности предполагает либо сбой в процедуре выявления основных социальных проблем, либо недостаточно эффективную политику их разрешения.

Существует несколько наиболее важных путей определения социальной дисфункции. Это мониторинг ситуации на уровне социологических опросов, анализа информации налоговых и пенсионных служб, отчетов представителей региональных и муниципальных служб, правоохранительных структур и т. д. Общим здесь является то, что государство задействует основные свои информационные ресурсы с целью определения актуальной ситуации в обществе. Еще одним важным механизмом определения специфики социальной ситуации является обратная связь между государством и населением, что может проявляться на уровне писем представителям власти, коллективных обращений, встреч населения с выборными представителями власти и т. д.. Здесь реализация механизмов определения актуальной ситуации в обществе имеет адресный характер, но в совокупности позволяет получить данные о характере социальных проблем, что впоследствии может способствовать их постановке и разрешению. Также большое значение имеет социологический анализ тенденций направленности общественного сознания, показывающий наиболее актуальные на уровне общественного сознания проблемы и вопросы. На уровне этих механизмов, что существенно, реализуется не только активное исследование государством социальной реальности, но также имеет место возможность членов общества оказывать непосредственное воздействие на протекание политических процессов. В этом отношении демократическая форма правления предполагает высокий уровень ответственности представителей власти перед населением, что существенным образом расширяет возможности населения по участию в управлении жизнью общества. Проведенный анализ показывает, что для большинства государств характерна ситуация, в рамках которой население, испытывающее определенные социальные потребности, имеет существенные рычаги воздействия на органы власти. Таким образом оптимальное функционирование общественной структуры предполагает ситуацию, в рамках которой исключается вынужденное возникновение экстремизма, как единственно возможной методологии изменения социальной реальности. Под вынужденным возникновением экстремизма в данном случае подразумевается ситуация, в рамках которой интенции членов общества по преобразованию социальной структуры сталкиваются с ситуацией, в рамках

которой не сложившийся социальный порядок делает невозможным осуществление преобразовательной направленности определенных групп населения. Это является аргументом в пользу того, что возникновение экстремизма в демократических странах не является обусловленным отсутствием возможной методологии разрешения существующих социальных проблем при помощи средств, допустимых в рамках общества. Таким образом, возникновение экстремизма обусловлено не отсутствием, но отрицанием возможности к адекватному урегулированию социального конфликта в рамках государства.

Как было показано выше, одним из существенных условий возникновения экстремизма в обществе является социальный конфликт между определенной социальной группой и государством. При этом либо он должен не иметь разрешения на уровне законных средств воздействия на представителей власти, либо данные средства должны отрицаться субъектами экстремистской деятельности. На этом уровне актуализируется важный теоретический аспект проблемы: экстремизм, как явление не имеет достаточного основания на уровне общественной структуры на уровне ситуации, когда не существует альтернатив существующему государственному порядку. При этом имеет место серьезный момент символизма: субъекты экстремистской активности зачастую рассматривают себя институционально, в качестве носителей альтернативного социального порядка. Не менее важен и другой символический аспект – отождествление государственной структуры, правоохранительных органов и даже населения с существующим и негативно воспринимаемым социальным порядком, в результате чего становятся допустимыми такие средства борьбы, как насилие, проведение террористических акций, физическое устранение представителей властных структур и т. д. При этом важно, что возникновение экстремизма, как организованного явления предполагает, по сути, существование организованной социальной структуры, на уровне которой реализуется методология противодействия государству и активное социальное целеполагание. И здесь реализуется существенный механизм развития экстремистских тенденций: противопоставление государству делает экстремизм, по сути, внешним по отношению к обществу государства явлением. Иными словами, на уровне противостояния государство – экстремистская организация, реализуется конфликт между двумя организованными структурами, имеющими самостоятельное значение. В таком виде экстремизм во многом по форме сопоставим с военным конфликтом между двумя государствами, различаясь в методологии и формах протекания противостояния данных структур. Справедливо было бы в данном случае утверждать, что экстремизм является не столько внутренним явлением общества, сколько формой противодействия его структуре изнутри. Данное уточнение значимо в силу того, что на уровне межгосударственного противостояния также реализуется практика борьбы с государством посредством пропаганды, деятельности, направленной на разрушение

его социальных основ, проведения диверсионных действий и т. д.. При этом, что существенно, экстремизм как осознанный вид деятельности предполагает либо создание, либо наличие структурной альтернативы существующему социальному порядку. И в данном случае речь идет либо о переносе интересов ограниченной социальной группы на уровень общества в целом, либо заимствование сторонней модели социального устройства, существенным образом отличной от существующей актуально на уровне общества.

В этой связи актуализируется вопрос о природе, и, в частности, локализации экстремистского образования. Источник возникновения и организации экстремистской деятельности может существовать внутри общественной структуры, либо являться сторонней силой, заинтересованной в дестабилизации ситуации в обществе.

При локализации экстремистской группы внутри общества приобретает интерес вопрос того, каковы механизмы возникновения на уровне общества социальных прослоек населения, подверженных вовлечению в экстремистскую деятельность. Рассмотрим подробнее данный вопрос с учетом специфики социального самоопределения субъектов общественных отношений.

Общество, в силу сложности организации и наличия внутренних процессов регуляции, представляет собой объединение множества людей, обладающих различными и подчас противоречащими друг другу интересами. В этом отношении функция общества на этапе его развития не состоит в удовлетворении всех потребностей членов общества, она заключается в их объединении с целью приобретения возможностей к удовлетворению личных запросов. При этом на уровне общества происходит удовлетворение наиболее важных потребностей индивидов, к числу которых относится обеспечение безопасности, создание условий для обеспечения жизнедеятельности и т. д. Существенным в данном случае является то, что неотъемлемой чертой общественных отношений являются конкуренция отдельных членов общества и конфликтность их интересов. В этом отношении социальная регуляция направлена на разрешение социальных конфликтов посредством регламентации социальных отношений. Необходимым итогом социального процесса в обществе является распределение благ, реализация которого происходит неравномерно. Таким образом, неизбежным моментом социальной реальности является наличие индивидов, по тем или иным причинам не удовлетворенных собственным социальным статусом, материальным положением и т. д. В ряде случаев данный процесс обладает системным характером, что приводит к образованию социальных групп, на уровне которых имеет место высокий уровень социальной напряженности. Это является одним из важных условий возникновения экстремизма, однако не единственным. Экстремизм предполагает не только наличие деструктивной социальной энергии, но также и момент идеологии противостояния существу-

яущему социальному порядку. В этом отношении социальная деструктивность, имеющая место на уровне прослоек населения, неудовлетворенных сложившейся ситуацией, требует своего оформления на уровне создания структуры, противопоставляющей себя государственному строю. Речь идет не просто о возникновении условий, способствующих нарушению правовых норм государства. Сопоставление экстремизма и преступности показывает, что даже на уровне организованной преступности основным моментом целеполагания является не разрушение существующего государственного строя, но достижение личных корыстных целей противоправным методом. Экстремизм представляет собой значительно более сложное явление в силу того, что экстремистская деятельность предполагает подчинение субъекта общей цели организации, связанной с разрушением существующего социального строя.

Специфика возникновения экстремизма связана с выходом социальной напряженности на уровень деструктивной активности. При этом сфера интересов экстремистски настроенной группы состоит в преобразовании существующего социального порядка. Совсем иначе дело обстоит в ситуации, когда источник экстремизма локализован вне общества. В данном случае сфера интересов экстремистской организации связана не с оптимизацией социального порядка общества посредством разрушения и перестроения существующего социального порядка, а, напротив, с причинением ущерба государству, против которого направлена экстремистская деятельность. В данном случае в качестве заинтересованной стороны может выступить любая организация вплоть до другого государства, чья сфера интересов вступает в конфликт с интересами политической власти государства, на которое направлена деструктивная радикальная деятельность экстремистов. В этом отношении может существовать множество оснований мотивации к разрушению социального порядка в конкретном государстве, от национальной или расовой нетерпимости, религиозных соображений, вплоть до экономических интересов. Существенным в данном случае является то, что деструктивное воздействие на общество оказывается с привлечением его внутренних ресурсов. Иными словами, для организации экстремистской деятельности извне также требуются условия на уровне неблагоприятной ситуации внутри общества. И на этом уровне актуализируется важный аспект проблемы, во многом способствующий выработке адекватных мер по противодействию процессам возникновения очагов экстремизма в обществе: от эффективности социальной регуляции, и, в частности, от эффективности диалога между политической властью. Существенным образом зависит то, насколько резистентным является общество по отношению к внешней активности, направленной на дестабилизацию ситуации в обществе. Как было показано выше, возникновение очагов социальной напряженности представляет собой благоприятную почву для возникновения экстремистски настроенных членов общества. Однако, по факту, помимо социальной

напряженности существует широкий ряд факторов, также в существенной мере определяющих возможность или невозможность возникновения на уровне общества очагов экстремизма. Эти факторы имеют непосредственное отношение к эффективности функционирования различных социальных институтов. Поскольку деятельность государства в значительной мере заключается в процессе регуляции функционирования социальных институтов, рассмотрим на уровне социальных институтов основные факторы, способствующие распространению экстремизма и важнейшие формы противодействия этим факторам.

Не менее важной в отношении обеспечения защитных функций государства является адекватная организация учебно-воспитательного процесса в рамках образовательных учреждений. В данном случае речь идет как о воспитании в среде населения правовой и политической грамотности, важность которой в вопросе поддержания социальной стабильности была рассмотрена выше, так и в процессах формирования у обучающихся адекватного понимания социальной реальности в рамках существующей общественной системы.

На уровне промежуточного результата обозначим принципиальные изменения в условиях функционирования института государства в условиях гиперфункции основных социальных институтов.

1) Религия. Одним из важных факторов, определяющих специфику состояния общества в условиях гиперфункции института религии, является его надгосударственный характер. Представители конкретной конфессии объединяются в сообщество, в большинстве случаев выходящее за рамки отдельного государства. Централизованная структура института религии превращает его в самостоятельное образование, обладающее управленческими функциями и по ряду вопросов конкурирующее с политической властью отдельных обществ. Современная ситуация в мировой социальной среде связана с острым противоречием между культурными, информационными, экономическими процессами и традиционным укладом религиозного сознания. В силу этих причин гиперфункция института религии, помимо ослабления адаптивных способностей общества, влечет за собой также опасность глубокого конфликта между отдельным обществом и мировой социальной средой.

Это может выражаться на уровне неприятия населением глобализационной политики государства. Однако наиболее острые формы проявления данной тенденции – это экстремизм, террористическая деятельность и сепаратизм (в случае, если гиперфункция института религии охватывает не все общество, а отдельный регион многоконфессионального государства, характеризующийся преобладанием определенной конфессии). В этих условиях функционирование института государства оказывается осложнено приоритетом на уровне социального сознания религиозной аксиологии. В

данной ситуации может иметь место два основных варианта развития ситуации – это следование государства религиозным интересам населения (что, по сути, означает подчинение института государства интересам религии), либо ограничение государством функциональности религиозной сферы жизни общества. Последнее предполагает либо долгосрочный процесс ограничения института религии, либо возникновение глубокого внутреннего конфликта в обществе.

Подчинение государства интересам религии – это модель развития общества, распространенная в эпоху средневековья и присутствующая в настоящее время в ряде восточных государств. К числу положительных следствий данной реакции на гиперфункцию можно отнести единство социальной структуры и избегание конфликта, связанного с ограничением религиозной сферы. Отрицательными следствиями данной формы государственной политики можно считать низкий уровень социальной динамики, несбалансированный характер социальной структуры и связанное с этим явление дисфункции отдельных социальных институтов (например, экономической сферы). Снижение динамики социального развития в силу традиционного (и, следовательно, сопротивляющегося социальным изменениям) характера социального сознания в конечном итоге может привести к снижению защитных функций общества и нарастанию роли внешних и внутренних кризисных тенденций.

2) Право. Отношение правовой сферы к государству – тонкий и сложный вопрос. Рассмотрение специфики правовой организации общественных процессов (в том числе и исполнительной сферы права) может привести к мысли, что имеет место совпадение функций и структуры государства и права. Однако на деле само функционирование института государства и доступные в нем механизмы социальной регуляции определяются правовой сферой. В этом отношении государство, несмотря на существующие в нем механизмы изменения правовых актов, в существенной мере является ограниченным сложившейся в обществе нормативной базой. Чем более детально проработана правовая сфера, тем меньше вариативность государственного регулирования. Таким образом, политическая власть в обществе с развитой правовой системой функционирует в строгих рамках закона. Изменение законодательной базы общества также не может быть произвольным и реализуется только в соответствии с установленными процедурами.

Для государства, находящегося в состоянии гиперфункции правовой сферы, характерен низкий уровень вариативности общественной структуры, что само по себе делает общество уязвимым к изменениям внешних и внутренних условий. При этом решающим фактором, определяющим степень уязвимости общества, является степень соответствия правовых норм социальной ситуации, а также глубины и систематичности их проработки. При этом адаптивные способности социальных институтов в существенной мере

ослаблены в силу жесткой внешней определенности. Налицо статичный характер социальной структуры, однако, в отличие от ситуации гиперфункции института религии, основанием социальной статики является не социальное мировоззрение, а нормативно закрепленная структура общественных отношений.

Для государства такая ситуация неблагоприятна в силу того, что статичность социальной системы и высокий уровень ее сопротивления структурным изменениям приводят к накоплению социальных проблем, в то время как методологический инструментарий государства в условиях гиперфункции правовой сферы в существенной мере ограничен.

3) Образование. Гиперфункция в сфере образования представляет собой один из наименее деструктивных вариантов смещения баланса социальной структуры. Основные затруднения, связанные с гиперфункциональным состоянием образовательной сферы, заключаются в снижении эффективности экономической сферы за счет оттока трудовых ресурсов, а также в повышении уязвимости института семьи. Вместе с тем высокий уровень образованности способствует развитию защитных функций социального мировоззрения, связанных с адекватной оценкой населением складывающейся социальной ситуации. К числу основных приоритетов государственного регулирования в условиях гиперфункции института образования можно отнести оптимизацию образовательного процесса с целью сокращения уровня вовлеченности трудовых ресурсов. В данном случае направленность членов общества на приобретение образования как таковая не является негативным фактором. Основная задача государства состоит здесь в гармонизации общественной структуры, что может быть реализовано посредством реорганизации структуры образовательного процесса.

4) Семья. Гиперфункциональное состояние института семьи влечет за собой нарушение внутренней целостности и адекватности функции таких социальных институтов, как право, образование и экономика. При этом преобладание интересов семейной группы или рода над интересами общества представляет собой серьезную проблему, поскольку, в сущности, речь идет о частичном выходе членов общества из-под контроля государства. Сложность ситуации состоит в нерегистрируемом характере случаев проявления гиперфункции института семьи. Одной из оптимальных стратегий урегулирования данной проблемы является борьба с основаниями гиперфункции института семьи. Это предполагает укрепление социальной структуры, усиление общественного контроля, а также формирование механизмов сохранения идентичности социальных процессов. Кроме того, существенное значение приобретает изменение внутренней аксиологии общества. Речь идет не об отрицании семейных ценностей, но о борьбе с противопоставлением семейной группы и общества в социальном сознании. Соединение этих факторов может в существенной мере разрешить складывающуюся негативную ситуацию.

5) Экономика. Гиперфункция экономической сферы – одно из наиболее проблематичных состояний структурного дисбаланса общества. Причина этого заключается в наличии целого комплекса факторов, определяющих отношение государства к разворачивающимся процессам переразвития экономической сферы. На уровне экономики реализуется материальное обеспечение всех сфер жизни общества, в том числе и государства, и потому оно напрямую заинтересовано в эффективности экономических процессов. В то же время экономические процессы выходят далеко за рамки отдельного общества, что приводит к глубокой включенности социальной системы в глобальный экономический процесс. Гиперфункциональное состояние экономики означает зависимость общества от мировой социальной системы, что в значительной мере ограничивает внешнеполитические возможности государства. Чем более специализированной является экономическая деятельность, развитая в конкретном обществе, тем выше его зависимость от мировой социальной среды.

Не меньшего внимания заслуживает процесс проникновения экономических форм отношений в различные сферы общественной жизни. Это, безусловно, является деструктивным, потому что приводит к ослаблению внутренней функции основных социальных институтов и общему росту количества внутренних структурных нарушений в обществе. По этой причине в интересы государства входит ограничение тенденций переразвития экономической сферы как на уровне включенности в мировой экономический процесс, так и на уровне социального сознания (если только государство само не является инициатором интенсификации экономических отношений в мире). В противном случае обществу грозит нарастание внутренних противоречий, утрата идентичности и несамостоятельный, зависимый от внешней социальной среды характер функционирования института государства. Речь идет не об отказе от экономического развития и сотрудничества между отдельными государствами, но о сохранении баланса между экономическими интересами общества и его самостоятельностью.

Таким образом, подводя промежуточный итог, отметим следующее. Жизнеспособность государства определяется способностью общественной структуры к удовлетворению основных потребностей членов общества и противодействию деструктивным факторам, угрожающим социальной структуре или интересам представителей социума. В этом отношении в равной степени важными являются такие факторы, как оптимальное внутреннее устройство общества, способность общества к адаптации по отношению к деструктивным изменениям внутреннего и внешнего характера и собственно защитная функция государства. При этом решающим критерием, определяющим эффективность государственной политики, является вопрос внутренней стабильности социальной системы и ее эффективности.

Под эффективностью социальной системы в данном случае подразумевается эффективность социальных институтов, взятых по отдельности, и

их гармоничное взаимодействие. При этом основной целью общественной системы является, в первую очередь, обеспечение благоприятных условий существования членов общества. В этой связи всякое состояние общества, в рамках которого имеет место ущемление интересов определенных социальных групп, следует рассматривать в качестве отклонения, которое требует теоретического осмысления и выработки соответствующих дополнительных мер по оптимизации общественной структуры. В то же время в действительности имеет место практически непрерывное возникновение деструктивных социальных факторов, из-за которых функционирование различных социальных институтов недостаточно эффективно. Таким образом, нормальное протекание социального процесса как неизбежный элемент содержит в себе социальную деструктивность.

Анализируя в целом специфику глобализационных процессов и их значение в рамках проблемы сохранения внутренней целостности общества и достижения состояния социальной стабильности, следует отметить несколько существенных фактов. Процессы глобализации являются необходимым следствием развития современного мирового общества, и потому государственное регулирование социального процесса должно учитывать специфику данного фактора. Учитывая масштабы и постоянное повышение интенсивности воздействия процессов глобализации на отдельные общества, можно судить о достаточно серьезном наборе внешних деструктивных факторов, в условиях которых происходит развитие социальной системы. Это связано как с переходным характером современного общества (следствием чего выступает необходимость постоянной адаптации к изменяющимся внешним условиям), так и с естественным процессом увеличения числа связей между различными общественными системами, из-за чего возникает взаимное проникновение культурных норм, социальных моделей и т. д. Сочетание внешних дестабилизирующих факторов и наполненности информационного пространства различными альтернативными моделями устройства социума существенным образом осложняет процесс социальной регуляции общественного процесса. В частности, в среде населения возникает недовольство существующим социальным порядком, что представляет серьезную проблему для государства.

Подводя итог анализа нарушения институциональной функциональности структурных элементов локальных систем, мы пришли к следующим выводам.

Отношения локальной социальной системы и внешней социальной среды могут быть выражены в категории противостояния. При этом существует два возможных варианта развития данного отношения: активный, связанный с освоением и модификацией внешней среды, и пассивный, связанный с принятием со стороны внешней среды различных деформирующих социальную структуру воздействий. Социальная система, не реализующая захватническую деятельность по освоению глобального социального

пространства, находится перед лицом угрозы внутренней деформации и утраты самостоятельности. Вместе с тем общество, направленное на внешнюю социальную, культурную, политическую экспансию, также рискует утратить внутреннюю идентичность (что связано с формированием тесной взаимосвязи с другими структурами, приобретением новых территорий и т. д.).

Важным принципом, определяющим облик современных обществ, является то, что внешние и внутренние социальные факторы находятся в состоянии тесной взаимосвязи. В результате этого отдельные аспекты состояния локальной социальной системы могут оказывать влияние на характер протекания глобальных процессов. И, напротив, изменение ситуации на уровне мирового общества может повлечь за собой серьезные структурные изменения локального характера. Такие явления, как дисфункция, гиперфункция и деструкция отдельных социальных групп или институтов, представляют собой выражение внутренних, внешних и комбинированных социальных тенденций.

В этом смысле неправомерным является представление об априорной деструктивности процесса глобализации: социальные нарушения, возникающие в качестве непосредственного результата установившихся тесных связей между локальной социальной средой и мировым обществом, связаны не столько с фактом глобального сотрудничества и взаимодействия, сколько с его незавершенным характером становления процесса. В этом смысле глобализация может быть рассмотрена в качестве позитивного процесса оптимизации глобальной общественной структуры (от которого, в конечном счете, выигрывают и локальные общества), в то время как глобальная трансформация представляет собой несомненный дестабилизирующий фактор.

Отдельного внимания заслуживают механизмы дисфункции и гиперфункции социальных институтов. На общем уровне они представляют собой выражение дестабилизации общественной структуры. При этом одной из существенных закономерностей развития негативной ситуации является актуализация функционального нарушения, возникновение направленного на адаптацию социальной структуры к возникшей ситуации экстенсивное расширение дисфункционального института и как следствие – его гиперфункция.

Одной из важнейших задач государства является формирование системы мер, направленных на стабилизацию внутренней структуры общества и установление в нем функционального баланса. Это связано как с необходимостью повышения общих защитных функций общества (поскольку наиболее подверженными негативным воздействиям являются дисфункциональные социальные институты), так и со значимостью соотносительного аспекта социального состояния на уровне общественного сознания. Наличие внутренних системных нарушений и одновременно с этим восприятие эффективных внешних образцов является одной из причин формирования деструктивных форм общественного сознания, одним из крайних проявлений которых является экстремизм.

Заключение

Задачи, поставленные в ходе проведения исследования по теме «Философия права: от осмысления природы права до практики противодействия экстремизму», выполнены.

В процессе рассмотрения основных вопросов мы ориентировались на интересы государства как правового института. На наш взгляд справедливым является следующее резюме, характеризующее институциональное содержание права.

На уровне института права реализуется определение допустимых форм социального взаимодействия. Вместе с тем, осуществление деятельности института права также предполагает развитие у населения государства правовой грамотности и привития членам общества основных правовых норм поведения. Эффективность функционирования института права существенным образом определяет социальное благополучие общества. Напротив, дисфункция института права в значительной мере подрывает авторитет государства, как ответственной за поддержание правового характера социальных отношений структуры. Немаловажным фактором также является то, что правовая грамотность населения способствует пониманию возможных способов воздействия на неблагоприятную ситуацию. Как было показано выше, экстремизм отрицает существующие на уровне общества механизмы регуляции, провозглашая в качестве единственно эффективных деструктивные формы воздействия на государственный порядок. Правовая и политическая грамотность населения в данном случае является мощным защитным фактором, поскольку они являются залогом осознания членами общества своей способности к влиянию на сложившуюся ситуацию. Не менее важным в данном случае является поддержание адекватной деятельности правоохранительных структур, что включает в себя несколько важных аспектов. Во-первых, на уровне деятельности правоохранительных структур производится определение потенциально опасных видов социальной деятельности, к числу которых с необходимостью относится экстремистская деятельность. Во-вторых, деятельность правоохранительных органов направлена на поддержание порядка в обществе, что является существенным залогом социальной стабильности. В-третьих, на уровне правоохранительных структур реализуется контакт с рядовыми членами общества, и от корректности и профессионализма работников охраны правопорядка существенным образом зависит отношение населения к государству, уполномоченными представителями которого они являются.

Литература

1. Автономова, Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М.: Наука, 1988. – 288 с.
2. Аристотель Политика / http://yakov.works/libr_min/01_a/ri/stotel_18.htm (дата обращения 03.11.18).
3. Арно, А. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые сообщения, полезные для развития способности суждения / А. Арно, П. Николь. – М.: Наука, 1991. – 412 с. – ISBN 5-02-008139-6.
4. Арсеньев, В.Д. Вопросы общей теории доказательств. – М.: Юридическая литература, 1964. – 380 с.
5. Арсеньев, В.Д. Диалектика содержания и формы судебных доказательств по уголовным делам. Актуальные проблемы теории юридических доказательств. – Иркутск: Издательство Право, 1984. – 228 с.
6. Асмус, В.Ф. Лекции по истории логики: Авиценна, Бэкон, Гоббс, Декарт, Паскаль / Под ред. и со вступ. ст. Б.В. Бирюкова. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 540 с. – ISBN 978-5-382-00033-6.
7. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1910. – 244 с.
8. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Прогресс, 1950. – 438 с.
9. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии в 3 кн. / Ред. Н.А. Никитина; вступит. статья К.А. Сергеева, Ю.В. Перова; Пер. с нем. Б. Столпнера. – СПб.: Наука. Кн. 3. – 2001. – 584 с.
10. Голунский, С.А. Вопросы судоустройства и судопроизводства в новом законодательстве Союза ССР. – М.: Высшая школа, 1959. – 280 с.
11. Гражданское процессуальное право России / Под ред. М.С. Шмариной. – М.: Проспект, 1998. – 257 с. – ISBN 5-699-17957-7.
12. Кофанов, А.А. Возникновение и развитие римского права. – М.: МГУ, 2006. – 189 с. – ISBN 5-323 47355-4.
13. Кудрин, А.К. Логика и истина в философии права. – М.: Высшая школа, 1980. – 188 с.
14. Курылев, С.В. Основы теории доказывания. – М.: Проспект, 2007. – 482 с. – ISBN 5-699-18973-4.
15. Линьков, Е.С. Краткое рассмотрение немецкой классической философии. – Ассоциация осознания смерти бога. – 2000. – (Рус.). – URL: http://vispir.narod.ru/lin1_1.htm. [27 октября 2004].
16. Логика / Под ред. Д.П. Горского и П.В. Таванца. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 279 с.
17. Лупинская, П.А. О понятии судебных доказательств. – М.: Юридическая литература, 1968. – 212 с.
18. Нерсисянц В.С. Философия права. М. Норма., 2005.

19. Нерсисянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998.
20. Платон Государство / Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – М., 1971 г.
21. Платон Законы / <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 04.11.18).
22. Платон Критон Цит. по <http://psylib.org.ua/books/plato01/02krito.htm> (дата обращения: 12.09.2017).
23. Платон Политик / <http://psylib.org.ua/books/plato01/29polit.htm> (дата обращения 05.11.18).
24. Плотников, А.М. Генезис основных логических форм. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1967. – 278 с.
25. Покровский, И.А. История римского права. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. – 397 с.- ISBN 2-423-2638-7.
26. Самойлов С.Ф. Философия права / Учебно-наглядное пособие. Краснодар. 2017.
27. Софокл Антигона (Эпизодий второй). Цит. по http://lib.ru/ROEEAST/SOFOKL/sofokl3_3.txt (дата обращения: 12.11.2016)
28. Фихте, И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение / Пер. с нем.; – Минск; М.: Харвест, 2000. – 783 с.
29. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юридическая литература, 1981. – 571 с.
30. Шейфер, С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе. – Саратов: Издательство Научная книга, 1986. – 558 с.
31. Шуман, А.Н. Трансцендентальная философия / Ред. Г.Я. Миненков; – Минск: Экономпресс, 2002. – 416 с.
32. Юдельсон, К.С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Высшая школа, 1951. – 720 с.
33. The dictionary of English Law: in 17 vol. / J. Kohen. Vol. 2. – London: Hutchinson University Library, 1990. – 2405 p. – ISBN 5-210-00104-0.
34. What facts may be and what may not be proved. – Boston: Wignor's Code of the rules of evidence in trials at Law, 1995. – 148 p. – ISBN 978-5-99454

Тема 1. Предмет и основания философии права

Учебные вопросы:

1. Философия права как теоретическая форма правосознания.
2. Структура и функции философии права.

Структурно-логическая схема изучения темы

Вопрос 1. Философия права как теоретическая форма правосознания.

¹ В качестве приложения мы предлагаем выдержки из учебно-наглядного пособия по философии права под редакцией С.Ф. Самойлова. Подробнее см.: Самойлов С.Ф. Философия права / Учебно-наглядное пособие. Краснодар. 2017.

Согласно философскому пониманию характера философии права она представляет собой органическую часть философского знания. Это означает, что содержание философско-правовых учений напрямую зависит от выводов, делаемых тем или иным мыслителем в области теоретической философии

Вопрос 2. Структура и функции философии права.

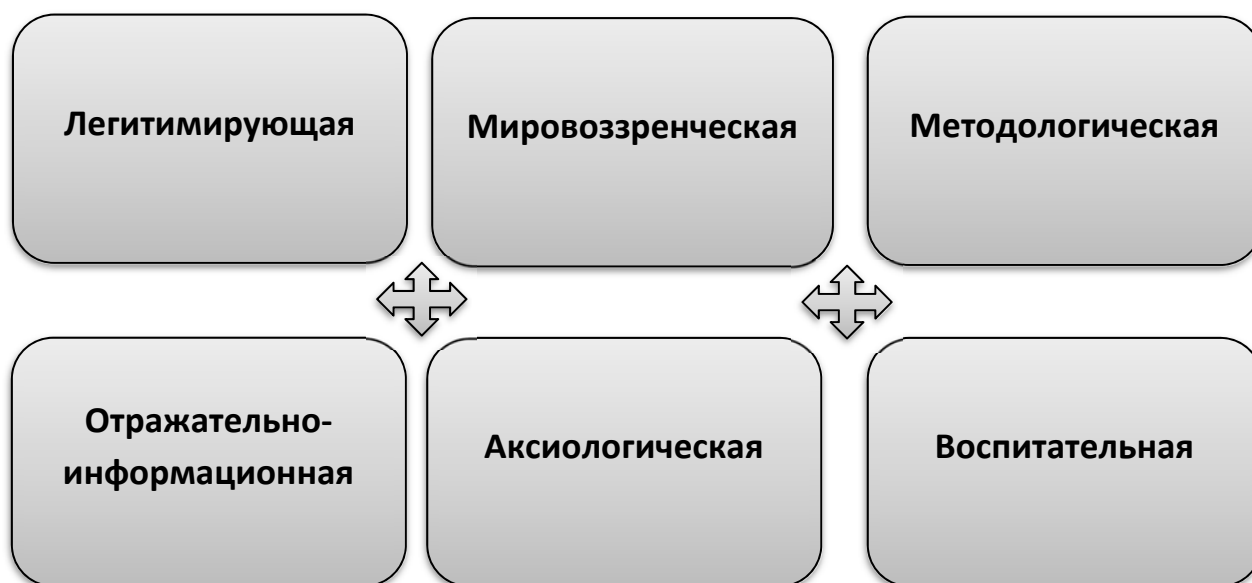
Субъективный полюс правосознания, представленный определенным срезом человеческого бытия, который можно обозначить как правовое существо

Объективный полюс правосознания составляют идеи, понятия и категории, отражающие реальные процессы, отношения и имеющие институты, входящие в правовое пространство

Познавательный аспект субъект-объектных отношений, существующих в правосознании, выражен с помощью исследовательских концепций, парадигм, методов, составляющих содержание правового мышления

Ценностный аспект субъект-объектных отношений правосознания выражается в таких ценностях как справедливость, права человека, свобода, равенство и т. д.

Функции права:

Тема 2. Основанные этапы становления и развития философии права

Учебные вопросы:

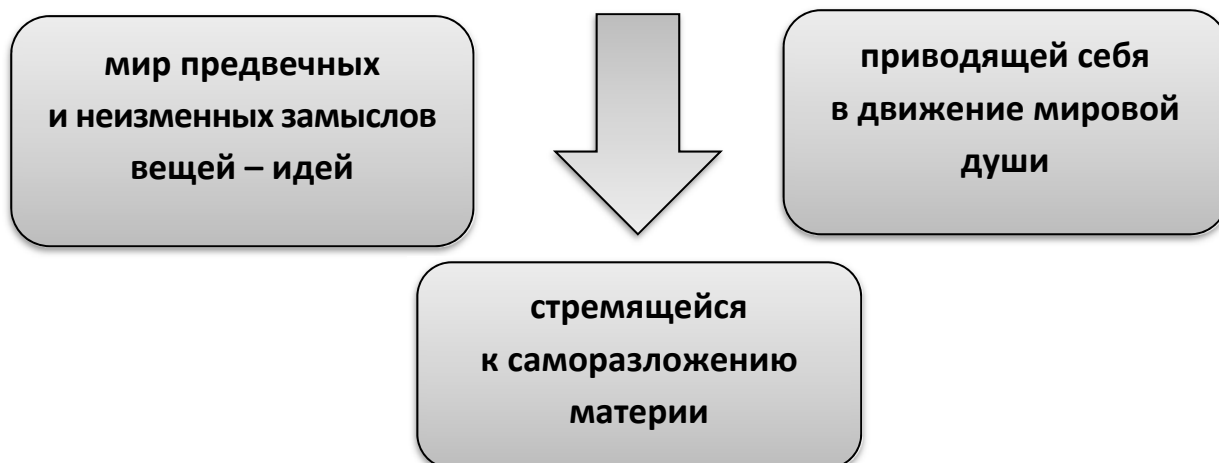
1. Античная и средневековая философия права
2. Философия права Нового и Новейшего времени

Структурно-логическая схема изучения темы

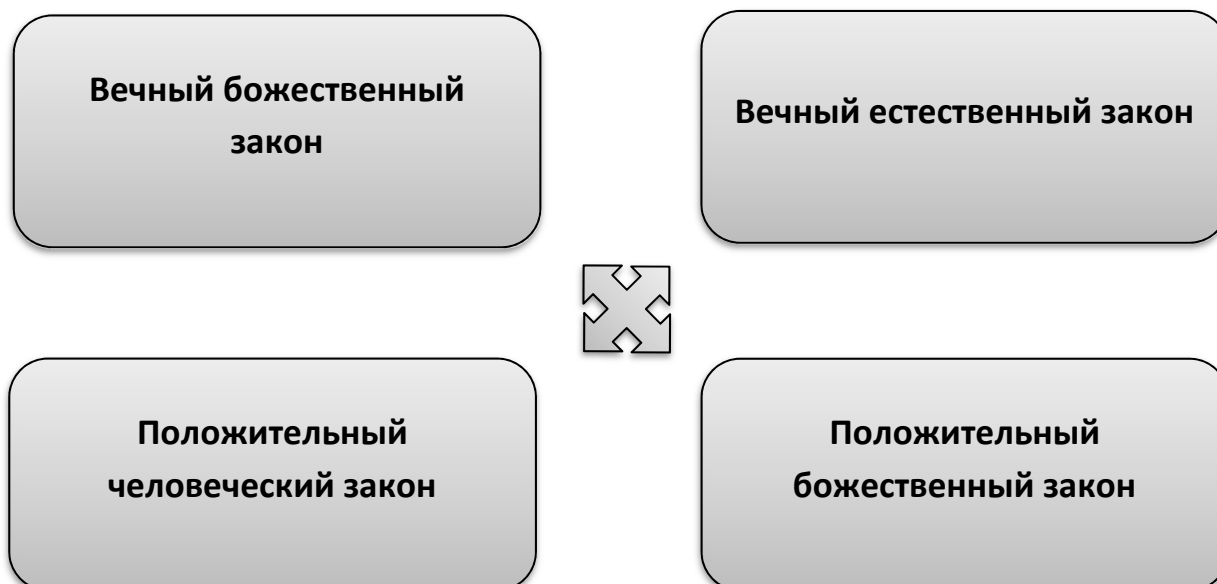
Вопрос 1. Античная и средневековая философия права.

Платону, каждый человек имеет в силу своей природы подобающее место в социальной жизни с вытекающими из него правами и обязанностями

Все сущее разделено на три части:

Фома Аквинский различает:

Вопрос 2. Философия права Нового и Новейшего времени

В эпоху Нового времени под влиянием различных культурных, экономических и социально-политических процессов в философии права происходят кардинальные изменения

Естественный закон представляет собой цепь положений, важнейшими из которых являются:

Тема 3. Философия о сущности и смысле права

Учебные вопросы:

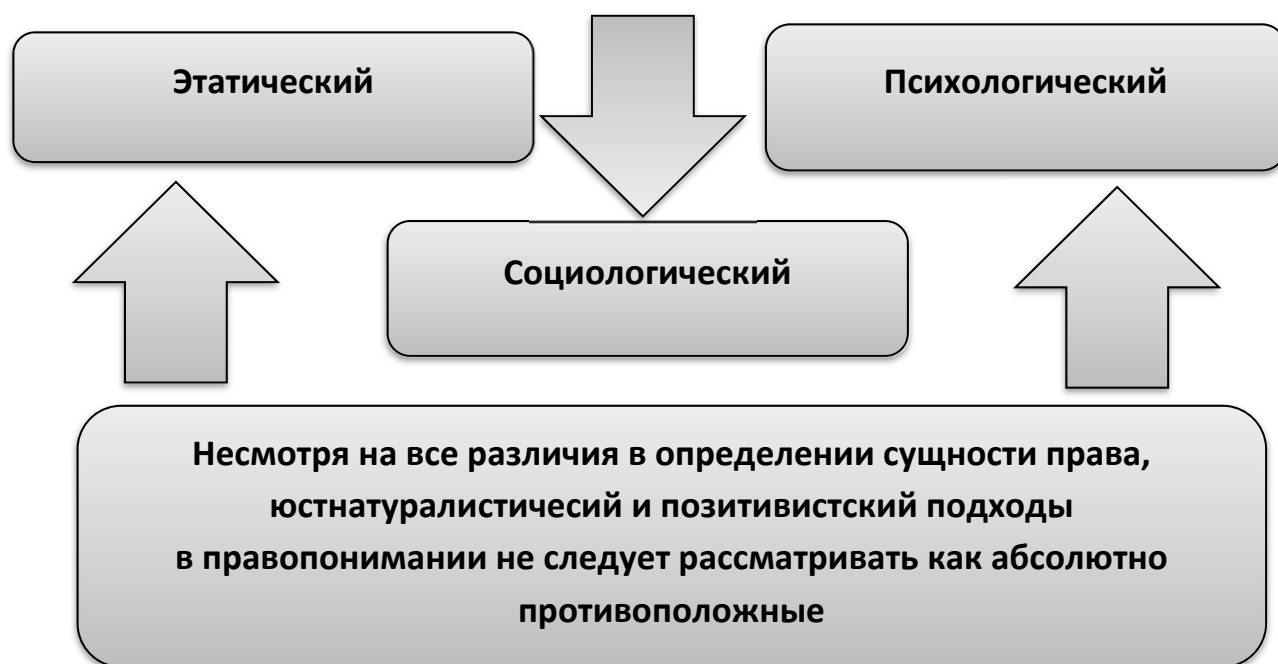
1. Взаимосвязь научного и философского подходов к определению сущности права.
2. Основные уровни философского осмысления права.

Структурно-логическая схема изучения темы

1. Взаимосвязь научного и философского подходов к определению сущности права.

Тесная взаимосвязь, существующая между понятийным и категориальным мышлением, послужила причиной возникновения дисциплин, соединяющих в себе научный и философский подходы к исследованию одного и того же предмета

Можно выделить три основных разновидности позитивистского:

Вопрос 2. Основные уровни философского осмысления права.

Тема 4. Специфика правового бытия

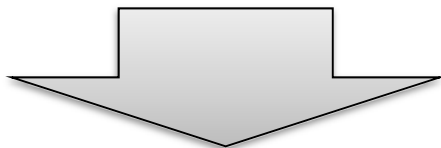
Учебные вопросы:

- 1.Правовое бытие в структуре онтологической картины мира
- 2.Основные категории правовой онтологии

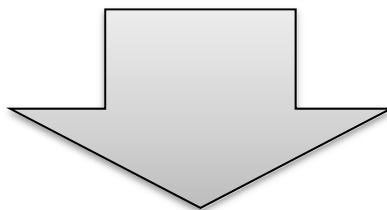
Структурно-логическая схема изучения темы

Вопрос 1. Правовое бытие в структуре онтологической картины мира

В самом общем виде бытие можно определить как одну из фундаментальных философских категорий, с помощью которой выражается предельная характеристика любого рода предметов и процессов – наличие

Идея бытия так или иначе пронизывает все философское знание и не замыкается рамками отдельной философской дисциплины – онтологии. Она накладывает свой отпечаток на характер всего философского познания.

Сущность и существование – это взаимосвязанные понятия, позволяющие зафиксировать устойчивое и изменчивое в исследуемом предмете

Вопрос 2. Основные категории правовой онтологии.

Тема 5. Типы философского обоснования права

Учебные вопросы:

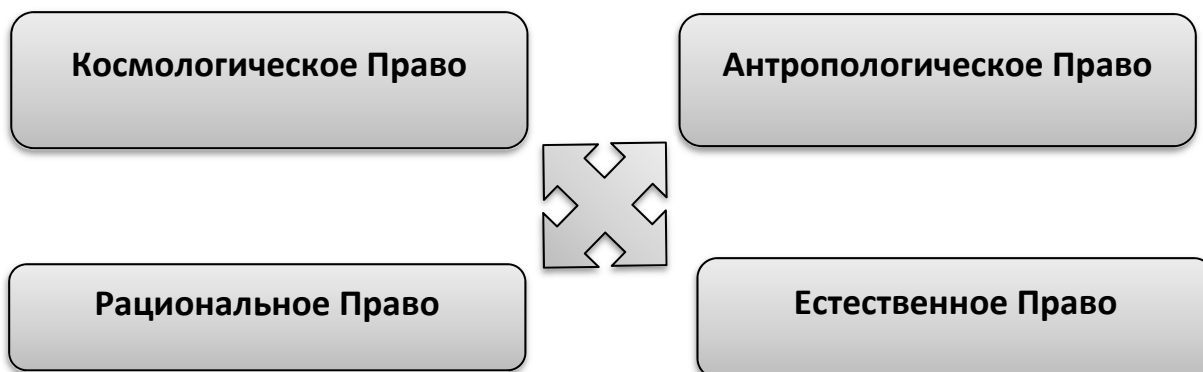
1. Основные виды юстнатуралистического обоснования права.
2. Основные виды обоснования права в юридическом позитивизме.
3. Трансформация обоснования права в постмодернизме.

Структурно-логическая схема изучения темы.

Вопрос 1. Основные виды юстнатуралистического обоснования права.

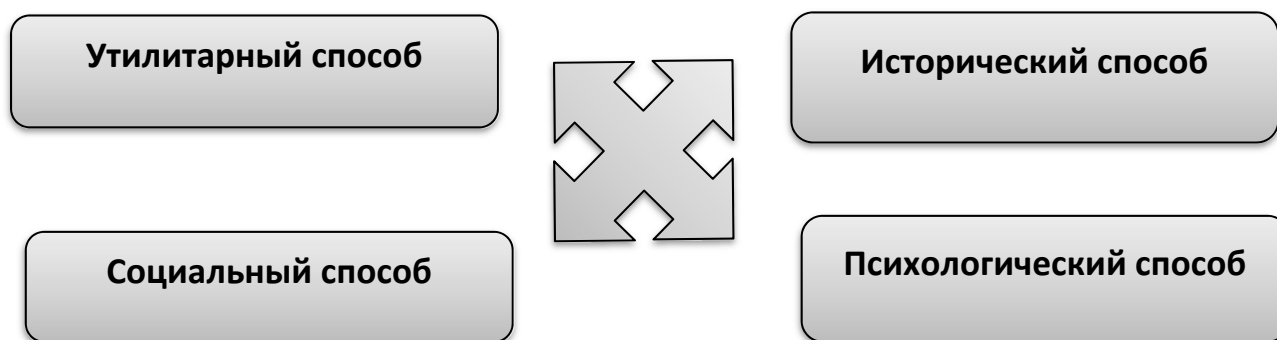
Теория юстнатурализма рассматривает право не столько как самостоятельное начало, сколько как функцию какого-либо иного феномена или способа бытия. Формы этого обоснования весьма разнообразны и варьируются от натурализма до трансцендентального идеализма включительно

Основными видами юстнатуралистического обоснования следует признать:

Вопрос 2. Основные виды обоснования права в юридическом позитивизме.

Важнейшими видами позитивистского обоснования права следует признать:

Вопрос 3. Трансформация обоснования права в постмодернизме.

С точки зрения крупного представителя постмодернизма М. Фуко, человек представляет собой комплекс разнообразных структур:

Тема 6. Философские проблемы гносеологии и методологии права

Учебные вопросы:

1. Понятие и основные проблемы гносеологии права
2. Характер и структура методологии права

Структурно-логическая схема изучения темы.

Вопрос 1. Понятие и основные проблемы гносеологии права

Гносеология права представляет собой особый раздел философско-правовой науки, посвященный исследованию процесса познания правовой реальности

Одновременно философская рефлексия раскрывает логические и методологические приемы, с помощью которых познавательная деятельность формулирует знание о предмете. К числу таких приемов относятся:

описание

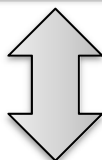
сопоставление

обобщение

анализ

синтез

Теоретическая ценность проблемы заключается в обнаружении юридической мыслью своего основания, благодаря чему она приобретает статус необходимого и общеобязательного положения

Практическая ценность проблемы истины выражается в том, что вне обнаружения самоочевидных для большинства людей положений невозможно создать эффективные средства регулирования социальных отношений

Важнейшими философскими концепциями истины являются:

Вопрос 2. Характер и структура методологии права

В самом общем виде под методологией следует понимать совокупность принципов, понятий и приемов, с помощью которых тот или иной вид познавательной деятельности раскрывает структуру и межпредметные связи исследуемой предметности

Нерсесянц выделяет следующие виды правопонимания:

К общенаучным методам можно отнести логические приемы исследования:

Тема 7. Права человека в философском измерении

Учебные вопросы:

1. Проблема прав человека в философии
2. Личность и право

Структурно-логическая схема изучения темы

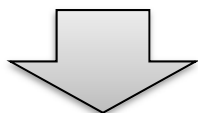
Вопрос 1. Проблема прав человека в философии

Идея прав человека имеет нормативно-критический характер

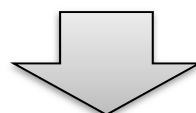
Идея прав человека имеет нормативно-критический характер. Представляя собой «опосредующие принципы справедливости» и «нравственные критерии, которыми должен руководствоваться правопорядок»

Права человека служат необходимыми условиями человеческого существования и коммуникации. Смысл прав человека определяет их особый статус как до политических, безусловно значимых и неотъемлемых оснований современной государственности, или принципов легитимации

Для этого необходимо различать максимальную и минимальную антропологию:

Первая делает акцент на способности человека к изменениям и реформаторству

Вторая — на необходимости оставаться человеку самим собой

Основной принцип обоснования прав человека с антропологических позиций выражается в следующем: «человек как человек должен иметь право»

Вопрос 2. Личность и право

Среди ценностно-ориентированных актов (любви, ненависти и др.) выделяются такие, которые выражают смысл права.

Акты признания — это особые интенциональные акты, выражающиеся в направленности на другого, при этом другой рассматривается как ценность вне зависимости от степени его достоинств, как ценность, заслуживающая гарантий защиты со стороны права

Русский философ права И. Ильин также отмечал, что «правоотношения покоятся на взаимном признании людей». Он подчеркивал, что именно это живое отношение между людьми делает право возможным, а в актах признания происходит конституирование человека как правоспособного субъекта

Правовой субъект — это не столько внутренняя психологическая структура личности (не столько ее аутентичное «Я»), сколько то, как личность представлена другим

Тема 8. Философские аспекты правового принуждения

Учебные вопросы:

1. Проблема принуждения в истории философской мысли
2. Политика наказания в России

Структурно-логическая схема изучения темы

Вопрос 1. Проблема принуждения в истории философской мысли

Инструмент наказания совмещает в себе две важнейшие функции:

Вопрос 2. Политика наказания в России

В настоящее время в России можно наблюдать попытки гуманизировать режим наказания посредством реформирования пенитенциарной системы и законодательства

На сегодняшний день можно наблюдать понимание необходимости отказа от форм жесткой внешней репрессивности и поиск оснований для наказания во внутренней структуре человеческой личности

Учебное издание

**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА:
ОТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА
ДО ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ**

Хрестоматия

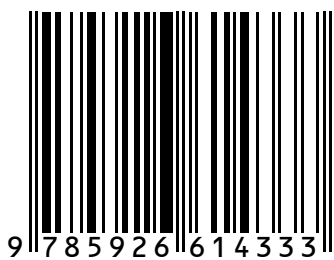
Составители:

**Плотников Владимир Валерьевич
Городенцев Герман Александрович**

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1433-3

Подписано в печать 12.11.2018.

Авт. л. 10,4. Заказ 732.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.